

Л.С. МУРЫГИНА

А.В. ФЕДОСЕЕВ

История российского предпринимательства

Учебное пособие

УДК 33(09) (021)
ББК 65.03(2) я73
М 91

Мурыгина Л.С. История российского предпринимательства: учебное пособие / Л.С. Мурыгина, А.В. Федосеев. – Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2022. – 283 с.

ISBN 978-5-93162-601-7

В учебном издании раскрывается исторический опыт развития российского предпринимательства на основе богатого исторического наследия. Учебное пособие «История российского предпринимательства» разработано в соответствии с рабочей программой дисциплины. В пособии рассматриваются этапы и закономерности развития отечественного предпринимательства, даны контрольные вопросы и рекомендуемая литература.

Учебное пособие соответствует требованиям ФГОС ВО по направлениям подготовки «Менеджмент», «Экономика», «Профессиональное обучение (по отраслям)», рекомендовано УМО ЮУрГГПУ для использования в учебном процессе преподавателями и обучающимися.

Рецензенты:

И.И. Просвирина, д-р экон. наук, проф. ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»

Е.А. Неживенко, д-р экон. наук, проф. ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

ISBN 978-5-93162-601-7

*В оформлении переплета использован фрагмент картины Б.М. Кустодиева «Ярмарка», 1906 г.

© Мурыгина Л.С., Федосеев А.В., 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. ИСТОКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	8
• 1.1. Зарождение предпринимательства на Руси	8
• 1.2. Купеческое сословие.....	17
ГЛАВА II. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО НА РУСИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА	29
• 2.1. Экономика Руси во время Ордынского ига	29
• 2.2. Великий Новгород и судьба купечества	32
ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В XIV-XVII ВВ.....	48
• 3.1. Возрождение торговли на Руси.....	48
• 3.2. Создание новых торговых путей в XVI-XVII вв.....	64
• 3.3. Государственное и частное предпринимательство.....	74
ГЛАВА IV. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I.....	98
• 4.1. Реформы Петра I.....	98
• 4.2. Предприниматели эпохи Петра I	111
ГЛАВА V. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II	118
• 5.1. «Экономический либерализм» Екатерины II	118
• 5.2. Купеческое, дворянское и крестьянское предпринимательство	123
ГЛАВА VI. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	137
• 6.1. Либеральные реформы и предпринимательство.....	137
• 6.2. Становление капиталистического предпринимательства.....	147
ГЛАВА VII. РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ПРИ АЛЕКСАНДРЕ II.....	168
• 7.1. Формирование промышленной буржуазии	168
• 7.2. Освоение новых отраслей предпринимателями.....	178
ГЛАВА VIII. ДЕЛОВОЙ МИР РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	191
• 8.1. Политика государства и российская буржуазия	191
• 8.2. Возникновение финансового капитала и олигархии	203
ГЛАВА IX. КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ	223
• 9.1. Церковь и предпринимательская деятельность	223
• 9.2. Монастырское, старообрядческое и ростовщическое предпринимательство.....	224
ГЛАВА X. МЕЦЕНАТСТВО РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ..	247
• 10.1. Становление меценатства в России.....	247

• 10.2. Мотивы благотворительности российского купечества	257
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:.....	273

Введение

Интерес к истории российского предпринимательства связан с потребностью осмысления его опыта, стремлением к возрождению традиций, накопленных в дореволюционный период, познанию истинных мотивов российского делового сообщества, лучшие представители которого отличались предприимчивостью, размахом, многосторонней деятельностью в сфере благотворительности и меценатства. В центре внимания данного пособия – история российского предпринимательства со времен Киевской Руси до начала XX века. Невозможно понять сущность отечественного предпринимательства, не уяснив истоки деловой жизни в стране.

История российского предпринимательства – это, прежде всего, летопись становления национальной государственности, поскольку политическое освоение гигантских территорий Российским государством шло параллельно с их экономическим освоением предпринимателями. Предприниматели – это предприимчивые люди с особыми организаторскими способностями, имеющие креативное мышление, идущие на риск ради получения дохода и выгодного хозяйственного результата. Главное предназначение предпринимателя в том, что, обогащая себя, в то же время содействует приумножению богатства страны.

Цель курса «История российского предпринимательства» состоит в том, чтобы дать студентам системное представление о зарождении и становлении отечественного предпринимательства в контексте исторических условий развития России; показать особенности и истинные черты российского делового сообщества; помочь усвоить исторический

опыт отечественного предпринимательства, подтверждающий способность наших соотечественников к цивилизованному бизнесу. Задачей данного курса является вооружение обучающихся знанием особенностей становления и развития российского предпринимательства на разных этапах с момента возникновения древнерусского государства до настоящего времени.

Курс «История российского предпринимательства» является своеобразным синтезом исторического, гуманитарного и экономического знаний. Базируется на сумме знаний таких дисциплин как экономическая теория, отечественная история, история экономических учений, теория предпринимательства и др.

Зарождение предпринимательства, становление и развитие основных форм деловой жизни, эволюция национальной специфики российского предпринимательства были осмыслены и освещены в исторической последовательности. Это предполагало также проблемный характер рассмотрения важных аспектов в пределах отдельных исторических этапов. Изучение материалов, предлагаемых в издании, позволит студентам:

Знать:

- движущие силы и закономерности исторического процесса, этапы исторического развития России и предпринимательства;
- иметь представление об источниках исторических знаний и приемах работы с ними;
- иметь целостное представление об истории российского предпринимательства.

Уметь:

- анализировать современные общественные процессы, опираясь на принципы историзма и научной объективности;
- самостоятельно анализировать научно-историческую, социально-политическую и научно-популярную информацию.

Владеть навыками:

- уважительного и бережного отношения к историческому наследию и культурным традициям;
- самостоятельного поиска ответов на сложные вопросы современности, опираясь на опыт истории;
- толерантного восприятия социальных и культурных различий.

Пособие поможет получить системные представления о зарождении и становлении российского предпринимательства от истоков до начала XX века в контексте исторических условий развития России, даст знание общего и особенного в исторической судьбе российского предпринимательства.

Опираясь на многовековой опыт отечественного предпринимательства, можно обеспечить более эффективное решение современных проблем организации и развития предпринимательского движения.

Глава I. Истоки предпринимательства

1.1. Зарождение предпринимательства на Руси

Древнейшим видом предпринимательской деятельности является торговый обмен. В своем изначальном состоянии торговля была тождественна простому натуральному обмену. Развитие торговли в мире связано с появлением и расширением товарного производства. При товарном производстве связующим звеном между производством и потреблением выступает рынок, а характер этой связи находит свое выражение в процессе купли-продажи.

Суть товарного производства заключается в том, что отдельные, экономически обособленные производители систематизируются на изготовлении (выработке) какого-либо одного или нескольких видов продукта, в котором нуждаются другие люди (потребители), для чего необходима купля-продажа этого продукта на рынке.

В Европе торговля особенно бурными темпами развивалась в эпоху развития феодализма (XI-XV вв.). Решающую роль в международной торговле играли купцы крупных торговых городов. Объединяясь в торговые компании, товарищества, они не только тем самым создавали особые союзы для взаимной поддержки и защиты, но и способствовали более успешной и безопасной иностранной торговле.

Необходимо отметить, что на тот момент, немаловажное значение имели также крестовые походы, содействовавшие обновлению экономической жизни средних веков и давшие сильный толчок торговому развитию.

Что касается восточных славян, то торгово-экономическая деятельность у них существовала еще до образования Древнерусского государства. Уже в VIII – начале IX вв., согласно сведениям археологов, торговля становится важнейшей сферой хозяйственной деятельности восточных славян.

Первыми предпринимателями можно считать торговцев-профессионалов. Их появлению способствовали образование ремесленных поселений и местных рынков, накопление у племенной знати излишков сельскохозяйственной продукции.

Однако первоначально торговля была занятием исключительно общественных верхов: князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан. Княжеская дружина и городское купечество представлялись одним общественным слоем, который носил общее название Руси и занимался исключительно войной и торговлей.

Варягов, т.е. дружинников, которые участвовали либо в военных походах князя, либо в сборе дани, обычно называли «гостями». По определению выдающегося русского историка В.О. Ключевского, гость – «это приезжий купец из чужой земли или ездящий с товарами по чужим землям» [31].

Если вначале слово «гость» обозначало иностранца (варяга), то со временем оно стало синонимом всех купцов-оптовиков, принимавших участие в международном товарообмене. От «гостя» происходят термины «гостьба» или торговля на вывоз, а также «погост» – место, где производился торговый обмен, т.е. рынок.

Важную роль в становлении внешней торговли в Древней Руси сыграл скандинавский, или варяжский, фактор. Скандинавы (которых в

славянской среде называли то норманнами, то варягами), энергично стремились к освоению поволжских, прикаспийских и черноморских рынков. С севера на Русь они приходили, чтобы пройти через русские земли в богатую Византию, вливаясь в отряд дружинников, участвовали в военных походах и торговле. Так, например, в заключенном в 945 г. договоре князя Игоря с Византией, среди двадцати шести купцов или гостей, только один или два были славянами.

Не умаляя роли «варяжского фактора», В.О. Ключевский, однако, считал, что толчок развитию торговли в Древней Руси был первоначально дан греками [31]. А это значит, что славяне были вовлечены в торговлю задолго до варягов, которые, став правящим классом в Киевском государстве в IX в., монополизировали торговый обмен.

Но уже в X в., ассимилировавшись среди местного населения и приняв славянский язык, варяги стали рассматриваться как часть Руси, а само ее название было перенесено на все славянские земли, объединенные под властью Киева. Соответственно понятие «гость», вначале обозначавшее иноземца, постепенно, как мы уже отмечали, стало синонимом всех купцов-оптовиков, ездивших торговать «на сторону».

Характер экономического быта Древней Руси всецело зависел от условий природы и естественно-географического положения, той территории, которую заселили славянские племена. Поэтому, первостепенную роль в торгово-обменных контактах в этот период играли реки Днепровского бассейна, которые представляли собой естественные пути для перевозки товаров.

Исторически в Древней Руси сложились два основных торговых пути. Еще с VIII в. был известен водный путь, получивший название Балтийско-

Волжского, который связывал славян с Волжской Булгарией и далее по Волге – с Хазарией (Хазарский каганат), Азией и Арабским халифатом.

Однако к IX в. в результате возросшей активности кочевых племен он стал менее востребованным, и основным торговым путем, связывавшим Балтийское море с Черным, а скандинавские и восточнославянские центры с Константинополем, становится «Великий путь из варяг в греки». Он проходил через Новгород, озеро Ильмень, Ладожское озеро, реку Ловать и далее по Днепру в Черное море и Византию. После захвата князем Олегом Киева в 882 г. именно этот путь являлся «главной географической осью государства».

Помимо «Великого водного» были и другие пути, густой сетью покрывавшие русскую равнину по всем направлениям и ставшие районами оживленной торговли.

Кроме водных путей существовал еще трансъевропейский сухопутный маршрут, проходивший через Киев. Он начинался на востоке Европы в столице Волжской Булгарии городе Булгаре, затем через Киев проходил на запад – через Дрогичин на Западном Буге в Польшу или несколько южнее – в Краков.

Практически внешняя торговля Киевской Руси являлась продолжением сбора полюдья (дани), поэтому товарами, предлагаемыми для торговли, первоначально были излишки дани. Существовало два вида дани – полюдье, когда с ноября по апрель князь с дружиной ходили по славянским землям, собирая меха, мед, воск и другие товары. Второй вид дани назывался повози, когда крестьяне сами на лошадях привозили товары на княжеский двор. Вот эти товары и являлись важной статьей в торговых отношениях славян с другими народами.

Вместе с торговлей развивалось и денежное обращение. Функционирование торговых путей Древней Руси оказало большое влияние на формирование денежного обращения всей Северо-Восточной Европы: «восточное серебро» играло здесь роль международной валюты в течение всего IX и большей части X в.

Однако во второй половине X в. по мере сокращения притока монет арабской чеканки и начавшейся разработки серебряных рудников в Германии восточное серебро заменяется западным, которое, так же, как и в странах Балтийского региона, стало активно использоваться и на Руси.

Во внешней торговле был заинтересован сам Великий князь. Походы киевских князей в Византию, Хазарию, Волжскую Булгарию и другие страны Востока и Запада можно охарактеризовать как военно-торговые экспедиции, поскольку одним из назначений этих походов была реализация излишков дани. При этом и Олег в 907 г., и Игорь в 944 г., и Святослав в 971 г. в договорах с греческими императорами не предъявляли к Византии никаких территориальных претензий, но регулярно вносили положения о купечестве и его гарантиях в торговле с греками.

Что касается Византии, то, заключая договоры, греки стремились обезопасить себя от нападений Руси, заменив насилия их мирным обменом, в них византийское правительство постоянно выговаривает для себя меры против буйства руссов, подробно и точно определяет порядок частных отношений русских в Константинополе с греками.

Заключая договоры с Византией, русские князья были обязаны заниматься устройством перевозов через волоки и реки, выдавать купцам проездные документы, поддерживать в надлежащем состоянии пути сообщения, обеспечивать соблюдение правильности единиц массы и

длины, назначать мытников на торги и т.д. Согласно мирным договорам, заключенным Киевской Русью с Византией византийцы в свою очередь обязались в течение полугода ежемесячно выдавать русским купцам-гостям содержание (месячину) разными продуктами, предоставлять им право пользоваться столичными банями, снабжать на обратную дорогу якорями, парусами, прочими снастями и продовольствием.

Только древние русичи пользовались привилегией беспошлинной торговли в Константинополе. Единственное ограничение, наложенное византийцами, боявшимися вооруженных «руссов», касалось безопасности столицы – Константинополя.

Императорский чиновник составлял список гостей для выдачи содержания и сопровождал их в город, куда они должны были входить только через одни ворота группами не более 50 человек и без оружия; «руссам» также запрещалось зимовать в пределах Византии. Это положение было продиктовано тем обстоятельством, что княжеские дружинники, лично заинтересованные в торговом обмене, не брезговали и пиратством.

Как отмечал С.М. Соловьев в своем фундаментальном труде «История России с древнейших времен»: «Варяг являлся на известный берег под видом торговли и действительно начинал торговать с жителями; но при удобном случае из купца он становился пиратом и грабил тех, с которыми прежде вел мену».

Понятно, что привилегированное положение «руссов» не могло не вызывать недовольства греков, что выражалось в неоднократных избиениях русских купцов. Так, в 1043 г. после подобного их избиения в Константинополе князь Ярослав был вынужден послать в поход на греков

флотилию во главе со своим сыном. Результатом похода явилось восстановление торговых отношений с Византией, которым русские князья придавали большое значение [28].

В целом же к особенностям внешней торговли Руси IX – начала X в. можно отнести ее масштабность, необычайную организационную сложность и военную поддержку со стороны государства. Дружинники, с которыми князья делились частью собранной дани, были лично заинтересованы в обмене приходившихся на их долю товаров. Для них были характерны необходимая торговцам мобильность, умение постоять за себя и защитить свои товары, т.е. те качества, которые изначально присущи всякой предпринимательской деятельности.

Лишь некоторые из княжеских дружинников (прежде всего представители «младшей дружины», «отроки») впоследствии стали профессиональными купцами. Для большинства же других торговля служила лишь временным попутным занятием.

В дореволюционной исторической литературе преобладало мнение об исключительной роли внешней торговли в политической и хозяйственной жизни Древней Руси и значительном личном участии киевских князей в дальних товарообменных операциях.

По версии В.О. Ключевского, внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством), разработкой естественных богатств являлась господствующим фактором экономической жизни страны на протяжении IX-XIII вв. [31]. Он полагал, что издревле в каждой земле существовали старшие города: Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Новгород, Ростов, Полоцк, которые были созданы «успехами внешней торговли».

Большинство из них вытянулось длинной цепью по речному пути «из варяг в греки» [31].

Еще одна версия, которая долгое время бытовала в исследованиях, как дореволюционных, так и советских историков, то, что торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов, князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан.

На недостаточность такого мнения обратил внимание Б.А. Рыбаков, которому удалось установить, что для оснащения парусной флотилии из 400-500 судов требовалось задействовать 2000 ткацких станков и организовать работу женщин 80-100 деревень в течение всей зимы [57].

Также необходимо было вырастить лен и коноплю, спрясть пряжу и изготовить примерно 20 тыс. м. корабельных канатов. Число судов в торговом караване измерялось трехзначной цифрой, и каждая ладья вмещала по 20-40 человек. Строительство торгового флота происходило в зимнее время и занимало часть весны. Конечные пункты сбора кораблей (от Новгородской земли до Киева) отстояли друг от друга на расстоянии 800-1200 км. [57]. Таким образом, ежегодный сплав ладей по Днепру требовал колоссальных совместных, согласованных усилий многих тысяч людей, «государственного подхода» к делу изготовления флота.

Новейшие археологические изыскания подтвердили обоснованность концепции В.О. Ключевского о становлении русских городов под влиянием и в связи с развитием внешней торговли [31]. К середине X века в Византии официально были «аккредитованы» 20-22 русских посла. Им были подотчетны до 50 купцов, каждый из которых имел на своем попечении несколько ладей. Ежегодно к Царьграду отправлялось 100-120 русских судов, способных обеспечить перевозку до 200 т. груза [31].

Суммируя результаты изучения русской внешней торговли X – начала XIII вв. можно сказать, что внешняя торговля затрагивала не только верхушку древнерусского общества, но и рядовое население. Фактически география торговых связей Древней Руси была гораздо шире. В XI-XIII вв. интенсивно развивались ее отношения с Францией, Северной и Южной Германией, Италией, Польшей, Чехией, Венгрией, Швецией и другими странами, и землями Европы.

Кроме этого, русские также торговали с печенегами, половцами и другими кочевыми народами. В 20-е годы XI в. Русь переходит к активной оборонительной политике на юго-востоке из-за набегов кочевых народов. В это время, печенеги пытаются вмешиваться во внутренние дела Руси и стремятся поставить на престол лояльного к ним ставленника, но эти инициативы заканчиваются неудачно.

Мирные отношения с Византией стимулировали развитие торговых контактов, для обеспечения которых необходима была защита от степняков. Это обстоятельство постепенно меняет характер отношений с печенегами. Конфронтация русичей и печенегов подходит к своему логическому завершению. Этому же и способствовало появление в степях Евразии новой волны кочевников. Для печенегов самым страшным становится наступления половцев, поэтому они выбирают союз с Русью. В этот период печенеги оказались наиболее плотно интегрированы во внутренние дела древнерусского государства. Они сохраняют кочевой уклад, однако признают верховную власть Киева. Борьба древних русичей и печенегов спадает, настает более плодотворный этап взаимообмена культур и укладов, к началу XIII в. печенеги, войдя в состав Руси, растворились среди местного населения.

1.2. Купеческое сословие

Говоря об участниках торговых операций периода IX-X вв., уместно применять двойной термин «воины-купцы». Сам термин «купец» появляется в 907 г. в договоре князя Олега с греками. Этим словом именовался всякий, кто постоянно занимался торговлей, но лишь с середины XI в. купечество окончательно оформляется как профессиональная и социальная группа населения. В этот же период происходит разграничение понятий «гость» и «купец».

В узком смысле под термином «купец» понимался торговец, участвующий во внутреннем обмене товарами в пределах города и близлежащей округи, в широком понимании купцами называли всех, причастных к организации торговли. С ним связаны родственные слова «купля», «купить». Все эти общеславянские термины появились в глубокой древности и свидетельствуют о давнем знакомстве предков восточных славян с торговым обменом. С XIII в. начинает употребляться термин «торговец», а с XIV в. – «продавец».

Родовым понятием, объединяющим всех профессиональных торговцев, занимавшихся закупкой, доставкой, перепродажей партий товаров и принадлежащих к купеческому сословию является термин «купец». Сложность определения этого понятия заключается в том, что процесс юридического обособления купеческого сословия в России завершился лишь в XVIII в., с оформлением гильдейского купечества. В более раннюю эпоху к купцам, несомненно, принадлежали гости, члены Гостиной и суконной сотен и прочие, т.е. те «исторически сложившиеся профессионально-социальные группы, которые отличались от других

социумов российского общества по роду занятий и общественному статусу» [31].

Наряду с купцами-профессионалами на рынках древнерусских городов присутствовала многочисленная группа мелких торговцев-ремесленников, продававших собственноручно изготовленные изделия. Ремесло по мере усложнения и усиления специализации все больше отделялось от сельского хозяйства и переходило к производству вещей не только на заказ, но и более массовыми партиями для продажи на рынке.

Костяк купечества составляли городские жители, что в свою очередь было связано с быстрым ростом в XI в. городов и посадских общин. Не случайно в скандинавских сагах Русь называли «Гардарик» – страна городов. Если в XI в. на Руси насчитывалось 89 городов, то в XII в. – уже 224. Крупнейшим из них, безусловно, был Киев, численность населения которого к XIII в. составляла по разным оценкам от 37 до 45 тыс. человек [57].

По словам северогерманского хрониста, XI в. А. Бременского, Киев являлся «украшением Востока, соперником Константинополя» [16]. Все драгоценные восточные товары шли в основном через Киев. Здесь окончательно собирались караваны судов для отправки в Царьград; договаривались о нарядах на товары и заключались разного рода торговые сделки; набиралась для караванов судов охрана из вооруженных людей, чтобы пройти по далеко не безопасным южным степям; нанимались опытные кормчие, способные провести суда через опасные пороги на южной части Днепра.

Помимо Киева крупным торгово-ремесленным центром являлся Новгород, численность населения которого к началу XIII в. достигала 30-35 тыс. человек [57].

Вовлечение посадского населения в торговую деятельность и выделение купечества в обособленную социально-экономическую группу, поддерживаемую княжеской властью, заинтересованной в пополнении казны, нашло отражение и в законодательстве Древней Руси. Статья 48 «Пространной Русской Правды» (сборника феодального законодательства IX-XI вв.) свидетельствует о широком распространении торговли в кредит. В частности, существовало правило, согласно которому купец купцу без свидетелей мог дать деньги на торговлю; если же должник отказывался их возвращать, кредитору достаточно было принести клятву относительно существования долга [56].

Из статьи 49 «Русской Правды» явствует, что торговцы по закону могли оставлять свой товар на временное хранение даже в отсутствие тому свидетелей. Согласно Уставу Владимира Мономаха, были ограничены произвол ростовщиков и размеры ростовщического процента, улучшено положение должников, в том числе из купеческой среды, и гарантировался первоочередной возврат долга гостям из других городов Руси и иноземцам [48].

В древнерусском обществе отношение к купечеству было весьма противоречивым. Это выражалось, с одной стороны, в поддержке князьями гостей на внешних рынках и использовании их для сбыта излишков доходов и закупок предметов роскоши, с другой стороны – в ущемлении их имущественных прав, введении многочисленных таможенных сборов и ограблении в период феодальных конфликтов. Признавалась полезность

торговых людей, и в то же время дело нередко доходило до выражения открытой неприязни к ним со стороны бедноты. В целом же правовое положение купечества в Древней Руси не было вполне определенным, а соответствующее законодательство – в достаточной мере разработанным. Так, в основном правовом документе эпохи – «Русской Правде» – купечеству были посвящены статьи, которые сводились к следующему:

- «Русская Правда» защищала имущество, собственность, в том числе собственность торговых людей, купцов, предусматривая ответственность за нарушение права собственности, а также определяла порядок наследования собственности;

- «Русская Правда» защищала жизнь купечества, определяя цену этой жизни где-то посередине между «ценой жизни» боярина и смерда (свободного крестьянина) и устанавливая соответствующий штраф («вира») за убийство купца;

- «Русская Правда» в общих чертах определяла взаимоотношения покупателя и продавца (словесный договор купли-продажи) и регулировала виды торговых сделок, в частности торговлю в кредит (ростовщическую практику) и ответственность сторон. В статье 48 подчеркивалось, что купец пользуется особыми правами на получение и выдачу в долг денег за торговые операции. При этом при отказе в их возврате представлять свидетелей займа ему не надо, но достаточно самому дать показание, подкрепленное клятвой;

- «Русская Правда» регулировала уплату купцами прямых и косвенных налогов [5; 56].

Таким образом, положение купечества, его социальный статус, хотя и регулировался в древнерусском законодательстве, но в полной мере

определен не был. В частности, купечество не имело правовой защиты с точки зрения международного права.

Помимо письменных источников сведения о первых русских купцах подтверждаются и археологическими находками: в богатых дружинных погребениях X-XI вв., обнаруженных на территории Древней Руси и вдоль «пути из варяг в греки», наряду с мечами, наконечниками копий и стрел, боевыми топорами и кольчугами встречаются весы, гирьки и другой торговый инвентарь.

Если на ранних этапах развития торговых отношений Руси с другими странами их главными действующими лицами были воины-купцы (т.е. княжеские дружинники), то по мере получения земельных владений (вотчин) княжеская дружина, начиная с XI в. постепенно стала отходить от непосредственной торговой деятельности. Значительно уменьшилось в XI-XII вв. и количество военных походов.

Перемещение товаров на значительные расстояния, пересечение безлюдных и приграничных районов побуждали купцов к кооперации, коллективной защите от воровства и грабежей. Поэтому основной формой торговли в Киевской Руси была караванная торговля, при этом караван – это не только способ перемещения товаров, но и активная торговля ими по пути следования. Караванная торговля осуществлялась в двух видах: водная (на ладьях, ушкуях, стругах, барках) и сухопутная (на лошадях, волах, верблюдах). Караванные экспедиции продолжались по несколько месяцев, поэтому, как правило, обмен товарами происходил один раз в году, что не сделало этот вид торговли массовым.

Тем не менее, торговля с середины XI в. постепенно становилась главным средством накопления богатств на Руси. Крупнейшие капиталы,

по свидетельствам иностранных источников, накапливались именно в результате торговых операций на международных рынках, в которых активно участвовали гости из Руси. География их деловых поездок в XI-XII вв. чрезвычайно широка: от Закавказья, Средней Азии, Византии, Египта на востоке и юге, до Англии, Германии, Франции, Скандинавии на западе и севере.

Однако в XII в. Византийская империя резко ослабла, чему способствовали не только постоянное турецкое давление, но и захват в 1204 г. Константинополя крестоносцами в ходе крестового похода [28].

Таким образом, основное для Киевской Руси «окно в Европу», а также на Восток, захлопнулось. В результате крестовых походов «Путь из варяг в греки», а также «Великий волжский путь» и Киев, как центр транзитной торговли, потеряли свое значение, поскольку связь Европы с Востоком стала прямой – через Средиземное море, что способствовало возвышению итальянских торговых городов, прежде всего, Венеции и Генуи. Вследствие этого киевские князья утратили свою роль в организации и обеспечении безопасности торговых путей [28].

В числе русских вывозных товаров, прежде всего, следует указать на меха, мед, воск и четвертым главным предметом вывоза был живой товар – невольники. По мнению В.О. Ключевского, в X-XII вв. челядь (рабы-пленники) «составляла главную статью русского вывоза на черноморские и каспийские рынки» [31]. Причем за пределы Руси вывозились в основном рабы-язычники, такие как половецкие военнопленные.

Кроме названных товаров, из Руси вывозились соль, лен и льняное полотно («русская ткань»), серебряные изделия, кольчуги, икра, моржовая кость и изделия из нее. Археологические раскопки свидетельствуют, что

изделия русских ремесленников X-XII вв. не уступали продукции иноземных мастеров, а в некоторых случаях были лучшего качества.

Наступивший в середине XII в. расцвет древнерусских городских ремесел продолжался вплоть до монгольского нашествия. Начался массовый выпуск продукции, которая непрерывно совершенствовалась в техническом и художественном отношении. Тем не менее, ведущими статьями экспорта из Руси в другие страны Востока и Запада по-прежнему оставались пушнина, кожа, воск, мед, полотно; в обмен на них ввозились драгоценные и цветные металлы, сукно, шелк, ковры, оружие, краски, предметы художественного ремесла, керамика, церковная утварь, стекло и стеклянная посуда, вина, южные фрукты и пряности.

Византийская империя постепенно шла к упадку. Взятие же крестоносцами Константинополя и основание на месте греческой Византии Латинской империи (в 1204 г.), по мнению некоторых авторов, «окончательно парализовало киевско-византийскую торговлю» [53].

Как известно, важную роль в развитии торговли играют деньги. Письменные источники X-XIII вв. дают весьма приблизительное, схематичное представление о денежном обращении в Древней Руси. Они лишь свидетельствуют о том, что в нем участвовали серебряные монеты – куны, а в основе денежно-весовой системы лежала гривна, служившая всеобщим мерилom стоимости.

Данные археологии и нумизматики подтверждают сведения об обращении в Древней Руси серебра в виде иноземных и русских монет. Еще в древности восточные славяне были знакомы с римскими серебряными динариями, которые выполняли различные денежные функции. По мере истощения фонда римских монет их обращение

постепенно прекратилось. Для оплаты крупных покупок в «безмонетный» период (до появления в нач. IX в. восточных монет) в русских землях использовали слитки – гривны новгородского, киевского и черниговского типов [48].

Кроме того, имели хождение меховые и кожаные деньги в виде связок шкурок пушных зверей, каждая из которых по цене соответствовала одной серебряной монете. Однако хранение и перевозка на большие расстояния таких «денег» доставляли неудобства профессиональным торговцам, предпочитавшим использовать более простую, древнейшую форму натурального обмена – товар на товар.

Наиболее распространенной денежно-весовой единицей в Древней Руси являлась гривна. Первоначально слово «гривна» означало шейный обруч. Затем гривна приобрела весовое значение, соответствующее определенному количеству (массе) серебра. Так появились гривна серебра, а затем – гривна кун, соответствующая определенному количеству монет. Таким образом, «гривна серебра» (весовая) и «гривна кун» (счетная) стали платежно-денежными понятиями и инструментами. Известно, что гривна кун дробилась на более мелкие единицы, самой меньшей из которых была векша. В одной гривне кун содержалось 100 векш [52].

В конце X в. при князе Владимире на Руси началась чеканка собственных серебряных и золотых монет. За образцы были взяты византийские золотые монеты (солиды), что было обусловлено значительным ростом русско-византийской торговли в X–XI вв., а также признанием в 988 г. христианства в его восточном (византийском) варианте господствующей религией. Это были «злотники» и «серебренники». На них был изображен портрет князя Владимира и его родовой знак, а на обратной

стороне – его имя и изображение Иисуса Христа. Злотники весили 4 грамма. Этот вес стал потом под именем Злотника единицей русского вес [52].

Начало чеканки собственной монеты на Руси в конце X в. представляется закономерным с точки зрения формировавшейся государственности, усиления власти киевского князя и проявления его политических амбиций. К тому же русские князья к тому времени сумели создать достаточные запасы привозного металла.

После короткого перерыва, пришедшегося на XI в., чеканка отечественных денег возобновилась, причем чеканились исключительно серебряные монеты с портретом князя. В общей сложности чеканка русской монеты продолжалась 25-30 лет. В связи с повсеместным прекращением в начале XII в. чеканки динариев на Западе их приток и обращение на Руси прекратились. С этого времени перестал восполняться запас «ходячей» монеты. Страна вновь вступила в «безмонетный» период, который продолжался до второй половины XIV века.

Следует отметить, что первый рубль на Руси появился в XIII веке. Это был удлиненный брусок серебра весом приблизительно в 200 грамм, обрубленный по концам. Разрубленный пополам он стал называться полтина (позднее полтинник), а деленный на 4 части – четверть. От слова «гривна» позднее образовалось слово «гривенник», т.е. одна десятая доля рубля [48].

Влияние Киевской Руси как центра торговых связей Востока и Запада начало ослабевать с середины XI в. Появление в Причерноморье печенегов, а затем половцев оказало крайне неблагоприятное воздействие на торговлю. Натиск кочевых орд повлек за собой ее сокращение на Черном

море и перемещение торговых путей снова в бассейн Средиземноморья. Второй удар по торговле Киевской Руси нанесли крестоносцы, которые на своем пути к «освобождению гроба Господня в Палестине» опустошили Византию и открыли более удобный и безопасный путь на Восток через города Италии.

Лишившись прибылей от торговли с Востоком, киевские купцы были вынуждены вкладывать деньги в ростовщические операции. Приток восточных серебряных монет на киевский рынок резко сократился, в то время как потребность общества в деньгах увеличивалась. Натурализация хозяйства, ограничение товарооборота, неразвитость денежного обращения послужили почвой для расцвета еще одной формы предпринимательства – ростовщичества, которым в Киеве занималась еврейская община.

В виду монопольного положения ростовщиков на денежном рынке «резы» (проценты по ссудам) были по тем временам исключительно велики, в XII в. они составляли 50% в год и могли взиматься в течение многих лет, даже после того, как через два года долг был практически возвращен. От этого одинаково страдали и дружинники, и рядовое торговоремесленное население Киева. Ростовщичеством в Киеве занималась еврейская община, которая находилась под покровительством князя Святополка. Однако после его смерти в 1113 г. вспыхнул бунт, причиной которого стало «лихоимство евреев». В результате Владимир Мономах запретил трехкратное взимание долга, установив для ростовщиков предельную норму прибыли в 150%. Но и в последующие века ростовщический процент достигал 50-100% в год [57].

Монголо-татарское нашествие в 1237-1240 гг. подвело последнюю черту под историей уже практически распавшейся Киевской Руси, создав своеобразный железный занавес между Русью и Европой.

Таким образом, истоки древнейшего российского предпринимательства зародились, прежде всего в торговле и купечестве. Ростки предпринимательской деятельности могли возникнуть лишь в тех социально-экономических укладах многоукладной экономики Руси, которые базировались на ресурсах и труде свободных людей – профессиональных торговцев и ремесленников-производителей. Позже сюда добавилось и занятие ростовщичеством, получившее широкое распространение, начиная с XI в.

Но древнейшим и главным носителем предпринимательских начал на Руси, безусловно, являлся купец, наиболее тесно связанный с рынком и товарно-денежными отношениями, хотя и действовавший в погоне за прибылью на свой страх и риск, но зачастую находивший поддержку и защиту со стороны государства и церкви.

Вопросы для самоподготовки:

1. Какую роль в развитии Древней Руси играла внешняя торговля?
2. Какие виды торговли существовали в Киевской Руси?
3. Какие основные типы предпринимателей существовали в Киевской Руси?
4. Как складывались торговые отношения Киевской Руси и Византии?
5. Каким образом формировалась денежная система Киевской Руси?

6. Как «Русская Правда» определяла социально-правовой статус купечества?

7. Наличие транзитного характера торговли в Киевской Руси стимулировало или сдерживало развитие предпринимательства в других сферах?

Глава II. Предпринимательство на Руси в период феодализма

2.1. Экономика Руси во время Ордынского ига

Ослабление политического и экономического влияния Киевской Руси привело к дроблению единого государства на ряд самостоятельных княжеств. На Руси наступил период феодальной раздробленности, охвативший XII-XV вв. Этот исторический этап был наполнен сложными и противоречивыми процессами, его особенностями стали: явное ослабление военного потенциала Руси, облегчавшее иноземное ее завоевание; междоусобные войны; усиливающаяся дробление княжеских владений. Если в середине XII в. на Руси было 15 княжеств, в начале XIII в. (накануне нашествия Батые) – около 50, то в XIV в. число удельных княжеств достигло почти 250.

В то же время эта эпоха стала следующим шагом в развитии предпринимательства, прежде всего вследствие формирования новых внутренних рынков и изменения характера торговли. В XII-XIII вв. на Руси образовались четыре крупнейших межобластных рынка. Они охватывали: северо-западную Русь (Новгород, Псков, Полоцк, Витебск, Смоленск и др.); северо-восточную (Ростов, Суздаль, Владимир-на-Клязьме, Тверь и др.); южную (Киев, Чернигов, Переяславль-Южнорусский и др.) и юго-западную (Владимир-Волынский, Галич, Перемышль и др.) Русь. Возникновение и функционирование этих рынков были обусловлены различиями их естественно-географических условий и начавшейся специализацией отдельных районов огромной по протяженности территории Руси. Отличались рынки и источниками поступления товаров, а также ценами на них.

Показателем развития торговли как местной, так и между отдельными княжествами являлись становившиеся все более многочисленными сборы и пошлины, которыми облагалась торговля. Эти сборы включали: мыт (с воза или лодки с товаром), мостовщину (за проезд по мосту), тамгу (пошлину с ценности товара), гостиное (за склад товара в торговом помещении), явку (при предъявлении товара властям) и др. Торговые сборы составляли значительную часть княжеских доходов.

Важнейшими статьями межобластной торговли являлись хлеб и соль, цены на них значительно колебались, особенно во время неурожая и торговых блокад на коммуникациях в период княжеских междоусобиц, которые в рассматриваемый период были нередкими.

Если Северо-Восточная, Южная и Юго-Западная Русь обеспечивали свои потребности в зерне за счет внутренних ресурсов, то в Новгород хлеб ввозился (особенно в неурожайные годы) из других древнерусских земель, либо даже из Германии, поэтому и стоил там дороже. Потребности Южной Руси в соли удовлетворялись за счет ее ввоза из Крыма и Прикарпатья, а в Северо-Западную Русь она поступала из источников в Старой Руссе и у побережья Белого моря. Главным образом через новгородский рынок в остальные районы Руси попадали самые ценные сорта северной пушнины, моржовый клык, речной жемчуг.

Внутренняя торговля была более тесно, чем внешняя, связана с сельским хозяйством и ремеслом, стимулируя их развитие. Тон на городских торгах задавали крупные торговцы, закупавшие оптовые партии зерна, соли, других товаров и сбывавшие затем их в розницу на выгоднейших условиях.

Экономическая ситуация в русских княжествах резко меняется после монголо-татарского нашествия. В результате двух походов Батыея (1237-1238, 1240-1241) монголы завоевали Русь, включив территорию Северо-Восточной Руси (без Новгорода и Пскова) в состав своего государства, которое в русских письменных источниках с XIV в. называлось ордой, а со второй половины XVI в. – Золотой Ордой. Они не стали размещать в русских городах военных гарнизонов, не создавали и параллельной администрации, оставив управление в руках местной княжеской династии, не устраивали гонений на православную церковь. Завоеватели ограничилась лишь тем, что обложили Русь данью и заставили русских князей признать политическое верховенство монгольского хана, который именовался царем и считался правителем более высокого ранга, чем кто-либо из русских князей. Таким образом, с начала 1240-х гг. на Руси установилось иго Орды, означавшее, во-первых, политическую зависимость от монгольского хана и, во-вторых, экономическое угнетение русских земель.

Монгольское нашествие нанесло огромный ущерб экономике страны: пострадали города и ремесла, резко сократились международные контакты Руси. Сбор дани поначалу контролировали специально назначенные чиновники – баскаки, наезжавшие в княжества с большой свитой счетчиков, весовщиков и конных охранников. Резиденция великого баскака находилась во Владимире.

В 1250-е гг. под покровительством ордынского хана в русские города стали приезжать для торговли восточные купцы-ростовщики (персы, арабы, туркмены, кипчаки и т.д.), которых на Руси звали «басурманами». По мнению Г.В. Вернадского [15], эти «мусульманские купцы

представляли собой международную корпорацию, контролирующую рынки Центральной Азии, Ирана и Южной Руси». На Руси они сразу же взяли на откуп монгольскую дань. Русские князья, постоянно нуждавшиеся в деньгах, занимали их в Орде у бессерменских купцов, а, чтобы заплатить последним, одалживали у своих купцов и вводили новые налоги с населения. В исторических источниках сборщиков ордынских податей называли даньщиками, таможенниками. Не имея возможности содержать постоянные контингенты военных и чиновников на огромной территории и столкнувшись с организованным сопротивлением населения, монголы к концу XIII в. вынуждены были отказаться от практики баскачества и доверить сбор дани русским князьям. Уполномоченному князю вручался ярлык на «великое княжение», который давал право собирать дань в пользу Орды и отвозить ее в столицу Орды Сарай [15].

Выплата дани татаро-монголам на протяжении длительного периода (окончательно отменена в 1480 г.) существенно повлияла на систему русской государственной, в том числе экономической жизни. На Руси дань, возникшая первоначально как следствие подчинения победителю, приучила население к платежу прямого налога и породила понятие тягла как податной обязанности населения.

2.2. Великий Новгород и судьба купечества

Наивысшего расцвета в эпоху феодальной раздробленности торговля и предпринимательство достигли в Новгороде, роль которого особенно возросла в XIII в. – после монголо-татарского нашествия и вследствие усиления значения в торговле Балтийского торгового пути. Летопись

относит возникновение Новгорода еще к IX в. (согласно результатам археологических исследований, основание города датируется серединой X в.). Его возвышению способствовало, прежде всего, выгодное географическое положение, делавшее его своеобразным «окном в Европу» [70]. Город был построен на перекрестке торговых путей, важных как для Киевской Руси, так и для всей северной Европы. Из него было легко попасть вниз по Волхову через Ладожское озеро и Неву в Швецию, на Готланд или в земли балтийских славян; через Ильмень и Мету – на Волгу и в Булгарию, Хазарию и далее на Восток; путь «из варяг в греки», пролежавший из Византии и Киева вверх по Днепру, через волоки, реку Ловать в Ильмень проходил к Волхову через Новгород [70].

Благоприятное географическое положение Новгорода способствовало его превращению в центр торговли. В свою очередь его удаленность от Киева не позволяла киевскому князю эффективно управлять этой территорией, обуславливала падение влияния Киева на Новгород и его обособление, обозначившееся еще при князе Святославе.

Автономия Новгорода еще более усилилась в конце X в., когда Киевская Русь стала страдать от повысившейся военной активности печенегов. К тому же в X и XI вв. киевские князья еще очень мало дорожили новгородской землей, хотя нередко использовали новгородских воинов в своих многочисленных походах.

Обособление Новгорода уже как самостоятельного государства началось с 30-40-х гг. XI в. На этот процесс повлиял акт, дарованный Ярославом Мудрым в 1019 г., об освобождении Новгорода от уплаты ежегодной дани Великому князю. В это же время завершилось формирование государственности в Новгороде. Ее признаками были:

наличие окрепшей публичной власти и зачатков налогообложения; размещение населения по территориальному принципу и т.п. Однако лишь через сто лет – в 1136 г. – Новгород официально провозгласил свою независимость и постепенно стал восприниматься русскими князьями как иностранное государство. Во второй и третьей четвертях XII в. высшая новгородская администрация стала выборной [70].

Косвенно о росте реальной независимости Новгорода от Киева свидетельствует огромный размах строительства в нем церквей (всего в X-XIV вв. их было построено 90).

Новгород со своими пятью концами (Плотницким, Славенским, Неревским, Загородским, Гончарским) был политическим центром обширной территории, объединявшим «пятины», составлявшие ядро новгородской земли, и лежавшие за пределами волости, бывшие по сути его «колониями» (Заволочье на Северной Двине и Ваге, Печора, Пермь, Вятка). Все эти земли платили Новгороду дань, а также выступали в качестве его торговых партнеров. Драгоценная пушнина, полученная из Северного Поморья и Приуралья как в виде дани, так и посредством торговых операций и продаваемая на западных рынках, приносила большой доход боярам, снаряжавшим военно-промысловые и торговые операции, которые на ладьях (ушкуях) плавали по Студеному морю далеко на восток. Ушкуйники (свободные новгородцы) занимались торговлей, промысловой деятельностью, грабили и кабелили угро-финские племена. В дальних городах новгородцы создавали свои фактории (торговые представительства). Так, в Киеве они объединялись вокруг церкви св. Михаила, предположительно на Подоле – в торговом районе города.

Выгодное географическое положение Новгорода способствовало развитию его внешней торговли, сближению с северными европейскими соседями (Норвегией, Швецией) и вовлечению в общеевропейскую торговлю. В XII-XIII вв. новгородцы посещали Данию, Висбю (главный город острова Готланд), Любек и некоторые другие балтийские порты. На острове Готланд, в шведской Сигтуне и эстонском Линданисе (Таллине) возникли фактории новгородцев. В свою очередь купцы с Готланда уже в середине XII в. основали Готский торговый двор в Новгороде; другой торговый двор – Немецкий – построили купцы Ганзейского союза. Позже в Новгороде были открыты Псковский, Тверской, Полоцкий, Смоленский и другие дворы.

С XIII в. Балтийский путь оказался в руках посредников – купцов «Ганзейского союза», где его членами являлись северогерманские города во главе с Любеком, а также Рига, Ревель, Дерпт. Основными торговыми партнерами стали: для новгородских купцов – Ревель, для псковских и смоленских купцов – Рига. Ганзейцы обладали монопольными правами на посредническую торговлю между странами Западной Европы и Новгородом. В ответ новгородцы запретили немецким купцам вести розничную торговлю в городе и закрыли доступ в другие российские земли.

Важно отметить, что Ганза – торговый союз северо-немецких городов во главе с Любеком, возникший еще в XI веке. Окончательно формирование союза завершилось в XIV в., а наиболее активная деятельность Ганзы приходится на 2-ю половину XIV – 1-ю половину XV вв. Она осуществляла монопольное посредничество в товарообмене между производящими районами Северной, Западной и частично Центральной

Европы с сырьевыми рынками Восточной Европы, в частности, с Новгородом. Со 2-й половины XV в. начинается упадок Ганзы, постепенно утратившей торговые привилегии и преимущества, формально она была распущена в 1669 г.

Новгородцы перешли к чеканке своей монеты позднее, чем в Центральной Руси по той причине, что, во-первых, в Новгороде имели хождение иностранные монеты, а во-вторых, новгородские товары часто продавались за привозные серебряные деньги, которые затем поступали в местное обращение или переплавлялись в гривны. Литье слитков из серебра, поступавшего с Запада, давало определенный доход в виде пошлины, производили его облеченные доверием города «ливцы», отвечавшие за соблюдение законного веса и качества слитков: их масса отличалась устойчивостью, соответствующей общепринятой весовой единице – гривне. В виде гривен-слитков серебро уходило дальше на восток – в русские княжества. Лишь в середине XV в. чеканка монеты в Новгороде сделалась государственной монополией. А в 1478 г. Новгородский денежный двор, утратив самостоятельность в чеканке монеты, стал периферийным двором Московского государства, просуществовав в этом качестве до 1663 г.

В XII-XIII вв. Новгород был огромным по тем временам городом, по разным оценкам в первой трети XIII в. численность новгородцев колебалась в пределах 30-35 тыс. человек [70]. Основное население Новгорода составляли ремесленники самых различных специальностей: кузнецы, гончары, мастера золотых и серебряных дел, а также мастера, специализировавшиеся на изготовлении определенного вида изделий (щитники, лучники, седельники, гребенщики и т.п.). На новгородском

городском торгу можно было купить и изделия местных ремесленников, и продукты, привезенные крестьянами из окрестных деревень, и множество разнообразных заморских товаров из стран Востока, Западной Европы, Византии и из других русских княжеств.

Ремесленники селились группами по принципу сходства профессий. Так образовывались целые районы (например, Гончарный конец) и улицы города (к примеру, Щитная). Продукция ремесленников в основном производилась на заказ, но в XII в. постепенно все большее распространение стала получать работа на рынок. Происходившее углубление дифференциации ремесел способствовало выделению более обеспеченных мастеров, которые имели свое место на торгу и сами продавали свои изделия, являясь и производителями, и торговцами [70].

Участниками новгородской торговли были также «житьи» – городские жители среднего состояния, в сословной иерархии, по-видимому, занимавшие место между боярством и «черными людьми». Именно эту категорию населения после падения Новгорода Иван III активно переселял в Москву.

В Новгород непрерывным потоком приезжали и многочисленные заморские «гости»: для торговли, несения службы, к родственникам, даже в изгнание. Они прибывали с многочисленными домочадцами, слугами, купцами, торговцами, сами привозили товары, а также скупали товары в Новгороде и вывозили их на родину. С тех пор понятия «гости», «купцы», «торговцы» стали отождествляться. Приезжие купцы обязаны были жить в гостиных дворах – селиться за их пределами запрещалось.

Наконец, класс настоящих новгородских торговцев представляли купцы. Они уже приближались к городскому простонародью, слабо

выделялись из массы городских «черных людей» и либо работали у бояр, используя их капиталы или кредиты, либо служили комиссионерами в их торговых оборотах. Что же касается местных бояр, то в новгородских памятниках старины и преданиях, по словам В.О. Ключевского, они чаще всего являлись с физиономией капиталиста, дающего деньги в долг. Он приводит пример, когда в XIII в. народ, разграбивший дом одного посадника, нашел долговые «доски», на которых значилось отданных займы денег «без числа» [31].

Новгородское купечество не было однородным. Уже к XII в. возникли первые корпоративные объединения торговцев. Наиболее влиятельными из них были оптовые торговцы воском – «вощники», которые объединялись в Иванскую общину при церкви Иоанна Предтечи на Опоках. Община официально именовалась «Иванское сто», как и другие купеческие гильдии, служила для защиты общих интересов, а ее целью являлось товарищеское регулирование и поощрение торговли [70].

Община имела свой устав, а ее глава участвовал в заключении важнейших торговых договоров и являлся членом Совета Новгородской республики. Для того чтобы получить наследственное право стать «пошлым купцом», т.е. полноправным и потомственным членом «Иванского купечества», требовалось сделать весьма солидный по тому времени взнос в размере 50 гривен (10 кг) серебра. Взносы шли в храмовую казну, как бы выполнявшую функции банка, из которой заинтересованные лица могли получать ссуды. Обществу были даны важные привилегии, включая право контроля над взвешиванием воска и право на получение обусловленной пошлины с «вощаного веса». Размер пошлины был дифференцированным: меньше всего платили новгородцы, больше –

жители других городов Новгородской республики, самую большую пошлину – гости из иных областей Руси [75].

Все спорные вопросы корпорации решал торговый суд. Вмешиваться в его решения не имели право ни посадник, ни бояре. В состав торгового суда входили епископ, «иванский» староста и представители «всего Новгорода». Совет купеческой корпорации состоял из двух купеческих старост под председательством тысяцкого. Ему также передавалось ведение дел с чужеземными гостями и купцами из других городов. Таким образом, «Иванское сто» представляло собой типичную купеческую корпорацию, подобную гильдии со всеми присущими ей чертами.

Иванская община – наиболее показательный, но далеко не единственный пример корпоративного объединения новгородского купечества. Троицкая церковь в Новгороде была возведена на средства «щещинцев» - корпорации новгородских торговцев, ездивших в этот порт в устье Одера. Существовали также объединения при церкви Параскевы Пятницы купцов, ведущих дальнюю зарубежную торговлю, объединения «низовских», поморских, югорских купцов, а также объединения купцов, которые вели торговлю с русскими землями. В Новгороде существовали десятки таких купеческих «артелей». Они образовывались в зависимости от товаров, которыми промышляли, или местности, куда ездили торговать. О влиянии церкви на развитие торгового предпринимательства свидетельствует, в частности, то, что каждая группа купечества имела свой храм (как в западноевропейской купеческой гильдии), являвшийся, помимо прочего, и духовным покровителем корпорации [28].

Активно занимались новгородцы разнообразными промыслами. В писцовых книгах упомянуты около 30 промыслов. К концу XV в. в

Новгороде насчитывалось около 215 домниц по выплавке железа, которые обслуживали 503 домника. За год на каждой такой домнице выплавлялось примерно 1,5 тонны металла. Обработывался металл новгородскими кузнецами, которых в этот период насчитывалось более 130 человек [28].

Другим промыслом, имевшим наряду с выплавкой железа немаловажное значение для экономики Новгорода, было солеварение. Им занимались многие крестьяне Деревской и Шелонской пятин, а также Поморья. Владельцы соляных варниц нанимали сезонных рабочих – копачей. Существовал даже такой экзотический промысел, как жемчужный. В летописях сохранилось описание новгородского жемчуга.

Широкое распространение среди новгородского купечества получило «складничество». Число купцов-складников обычно не превышало четырех-пяти человек, торговавших одинаковыми товарами. Из новгородских берестяных грамот известно о складничестве среди торговцев воском, мехами, солью другими товарами.

Таким образом, в средневековом Новгороде были распространены многие профессии ремесленников от кузнеца до ювелира. Многие из них были очень узкие, как, например, щитник, гвоздичник, котельник и другие, что свидетельствовало о емкости новгородского рынка. Железоделательное производство выпускало ножи, топоры, серпы и другие орудия сельского хозяйства, а также оружие. В XV в. новгородская промышленность стала выпускать огнестрельное оружие. Причем нередко оружие, делавшееся богатому заказчику, обильно украшалось драгоценными камнями и металлами. Особо узкой и крайне сложной считалась профессия замочника: висячие замки состояли порой из 30-40 мелких деталей [28].

Большой ассортимент изделий изготавливался мастерами-деревообделочниками. В культурном слое Новгорода были найдены многие музыкальные инструменты, изготавливаемые такими мастерами: гусли, дудки, свистки и т.д. Также широко распространены были гончарное, ткацкое, кожевенно-обувное ремесла. Всего к началу XVI в. в Новгороде выявлено около 300 названий городских ремесел.

Внешняя торговля Новгорода, развитию которой способствовало его выгодное географическое положение, была делом не только купцов, но также бояр и церкви. Дальние торговые экспедиции, требовавшие оснащения кораблей и большой вооруженной охраны, сплачивали боярско-купеческие круги и укрепляли их роль в жизни города. Эти далекие плавания были опоэтизированы в новгородском былинном эпосе. Так, в 1070-е гг. появились былины о плавании к Корсуню (Херсону) в Крыму, а также о Садко – богатом госте. В последней, очень живо обрисованы и быт самого Новгорода Великого, и плавание тридцати кораблей по синему морю.

Начало торговли Новгорода со странами западной Европы относится на период X-XI вв. Торг находился на правом берегу Волхова, напротив детинца, с которым его соединял Великий мост. Лавки, которых было около 1800, делились на ряды. Название ряда соответствовало продаваемой на нем продукции. В XII в. оживились отношения новгородцев с островом Готланд, расположенном в центре Балтийского моря и являвшимся в XI-XII вв. центром балтийской торговли. В середине XII в. в Новгороде уже существовал торговый двор готландских купцов с церковью св. Олафа. Русские купцы на Готланде также имели свои дворы и церковь, которая была построена новгородцами. Позднее, начиная с 80-х гг. XII в. приоритет

в балтийской торговле отошел к Ганзейскому союзу с центром в Любеке [70].

Вывозили из Новгорода, в основном, меха, которые в огромных количествах поступали из всех новгородских земель и колоний на Русском Севере и затем вывозились в европейские страны. До конца XV в. основным поставщиком пушнины на внешний рынок выступало новгородское боярство, получавшее меха в виде ренты с зависимых от него крестьян. С конца XV в. развернулась самостоятельная крестьянская торговля мехами. Вывозились в основном необработанные беличьи шкурки. Дорогие же меха (соболя, куницы, горносталя) составляли ничтожную долю мехового экспорта. В XIV-XV вв. из Новгорода на Запад ежегодно отпускалось свыше полумиллиона меховых шкурок. Торговля пушным товаром носила преимущественно оптовый характер. Меха обычно продавались целыми шкурками. В иных случаях меха беличьи, собольи, куньи, лисьи разрезались, а затем сшивались в полотнища по сортам: отдельно спинка, хвосты и т.д.

Еще одним широко вывозимым товаром был воск, заготовка которого осуществлялась в лесах Среднего и Верхнего Поволжья, районах Оки, Муромской, Рязанской, Смоленской и Полоцкой земель, где наибольшее развитие получил бортнический промысел. Хотя основным поставщиком воска на рынок выступало крестьянство, непосредственная торговля этим товаром находилась в руках гостей-оптовиков. Своего воска в Западной Европе не хватало, поэтому новгородские бортники вполне могли не только обеспечивать воском свой регион, но и продавать его за рубеж. Например, воск продавали кругами весом по 160 кг. Всего в конце XV в. из Новгорода отпускалось до 300 тонн воска [28].

Кроме мехов и воска из Новгорода за границу вывозили мед, толстый грубый холст, паклю, шкуры, овчины, кожи и кожаную обувь, ворвань (жир морских млекопитающих), рыбу, строевой лес, смолу, деготь, лен, пеньку, канаты, поташ и др.

Ввозили ткани – в основном дорогое сукно. Новгородское ткачество полностью удовлетворяло повседневные потребности новгородцев в одежде, но для праздничных случаев предпочитали ткани подороже. Немаловажным для экономики Новгорода был ввоз цветных металлов, которых не было в болотистых новгородских землях. Медь, олово, свинец и другие металлы, привезенные с запада, позволяли новгородцам удовлетворять свои в них нужды. Из продовольствия ввозили соль, сельдь, пряности, а в неурожайные годы и хлеб. Важной статьёй импорта были предметы роскоши для новгородской знати.

Таким образом, развитие ремесла и торговли являлись важными составляющими экономики Великого Новгорода.

Свободолюбие и экономическая активность предприимчивых жителей Новгорода стимулировали развитие их самых разнообразных способностей, отражались буквально во всех сферах городской жизни. Здесь впервые на Руси возникло летописание, большинство русских книг XI-XV вв. создано в Новгороде. Живопись (иконы) и архитектура Древнего Новгорода составили определенный этап в развитии русского национального искусства. Уникальным явлением были новгородские берестяные грамоты, имевшие экономический и бытовой характер. В них широко отражены особенности экономической жизни города, не указанные в других источниках. В частности, на их основании можно сделать вывод о

том, что экономическая и предпринимательская активность была характерна для всех слоев населения Новгорода [28].

В 1471г. Великий Новгород был включен в состав Московского государства. Главной причиной падения Новгорода во второй половине XV в., по мнению В.О. Ключевского [31], стало завершение процесса образования великорусской народности, которой к этому времени недоставало только политического единства. Политическим центром, объединившим великорусов, стала Москва. Ее возвышение решило участь не только Новгорода Великого, но и других самостоятельных политических центров, которые еще оставались на Руси к середине XV в. Экономическое могущество Новгорода, в частности, существенно подорвала проводившаяся в 80-е гг. XV в. московским князем Иваном III «переселенческая политика». В соответствии с этой политикой, по свидетельствам летописей, в эти годы в «низовую землю» – в Москву, Подмоскowie и другие русские города – было переселено свыше 1000 опальных дворян, «гостей» с семьями, т.е. в общей сложности до 7000 человек. На место выселенных «переводились» московские купцы и дети боярские [69].

Такая же политика проводилась в отношении бывших колоний Новгорода и его соседей. В 1489 г. из Хлынова (столицы Вятского края) большую группу купцов переселили в Дмитров. В 1510 г. наступил черед Пскова, откуда по повелению князя Василия III в Москву были переселены 300 боярских и купеческих семей. В 1514 г. туда же была переселена группа богатых смоленских купцов. «Обмен лучших людей» произошел после присоединения к Москве Твери, когда ряд крупных купцов был

вывезен в Москву. В свою очередь в Тверь прибыли «веденцы» из Москвы [69].

На конфискованных новгородских, псковских, тверских и других землях поселялись московские служилые люди. Так в России появилась новая форма землевладения – поместье, т.е. временное владение, полученное за службу. При этом если сын наследовал должность отца, то и земля переходила к нему. Размеры поместий не устанавливались. Однако отсутствие четких юридических гарантий наследования поместий делало их развитие экономически невыгодным, поэтому расширение поместного землевладения в отличие от вотчинного не способствовало экономическому подъему России.

Проводимая московскими князьями политика ослабила новгородское и псковское купечество как реальную политическую силу, лишила его части привилегий, нарушила преемственность семейных торговых капиталов. Так, в Новгороде после его присоединения к Москве был ликвидирован торговый суд, собиравшийся у храма Иоанна Предтечи, были отменены прежние вечевые традиции (выборность органов власти), и даже торговые ряды после пожара 1508г. были перестроены по московскому образцу [69].

Однако наряду с жесткими и крайне непопулярными в купеческой среде мерами Иван III немало сделал для защиты торговых интересов Новгорода. Через три года после его окончательного присоединения к Москве от имени великокняжеского наместника был заключен новгородско-ливонский договор 1481г., многие статьи которого регулировали условия торговли и пребывания русских купцов в городах Ливонии. При совершении сделок в Нарве прямо на реке (без выгрузки товаров на берег) новгородцы, торгующие с кораблей,

освобождались от уплаты пошлины. Они получили право нанимать проводников из числа местных жителей, чтобы не сбиться с пути. Новых уступок удалось добиться Руси и в договоре с Ганзой, подписанном в Новгороде в 1487 г. Ганзейская сторона, в частности, была вынуждена взять на себя ответственность за ограбление новгородских купцов на Балтийском море. Позже московским властям удалось добиться от нее дополнительных уступок. Так, за считанные годы Москва лишила Ганзу значительных привилегий в торговле, чего безуспешно добивался Новгород в течение многих десятилетий.

В 1494 г. наместником Ивана III в Новгороде были ликвидированы последние привилегии ганзейцев, касавшиеся торговли воском и мехами. В том же году в Новгороде был закрыт Немецкий двор, где подверглись аресту 49 ганзейских купцов с конфискацией их товаров на сумму 96 тыс. марок. Причину этих решительных действий надо видеть в стремлении единого Русского государства проводить активную внешнюю политику на Западе и утвердиться на берегах Балтийского моря. Неудивительно, что эти шаги были предприняты после основания в 1492 г. Ивангорода – нового центра внешней торговли России.

Но и в XVI в. Новгород оставался крупнейшим рынком России. При этом его внешняя торговля стала осуществляться в рамках единого государства, подчиняясь экономическим интересам страны в целом. Число лавок в Новгороде к концу XVI в. увеличилось до 850. По количеству лавок Новгород уступал только Пскову (1250) и Москве (1368 только в Китай-городе). Однако к концу XVI в. – в результате поражения России в Ливонской войне и потери выхода в Балтийское море, а также повторного разорения города опричниками царя Ивана IV – Новгород окончательно теряет свое экономическое значение [28].

Возвышение Новгорода в XII-XV вв. помимо прочих причин во многом определялось деловой активностью и предприимчивостью практически всех слоев его населения. В отличие от Киевской, Владимирской, а затем и Московской Руси, где активно шли процессы закрепощения личности, в Новгороде были созданы предпосылки для зарождения личной свободы и уважения прав человека. Расцвет ремесел и торговли (как внутренней, так и внешней) способствовал укреплению основного предпринимательского класса того периода – купечества. Именно в Новгороде появились его первые корпоративные объединения, занимавшиеся регулированием правил торговли и следившие за их соблюдением, а также всячески помогавшие купцам в их предприятиях. Как и в предшествовавшие времена, торговля и ремесло находились под покровительством церкви и местной государственной власти. Впоследствии влияние государства на развитие предпринимательства продолжало возрастать.

Вопросы для самоподготовки:

1. Какие новые виды предпринимательства возникли на Руси в период феодальной раздробленности?
2. В чем заключаются основные особенности развития предпринимательства в условиях феодальной раздробленности?
3. В чем причины политического и экономического обособления Новгорода от Киевской Руси?
4. Какие корпоративные объединения купцов существовали в Великом Новгороде?
5. В чем причина падения самостоятельности Великого Новгорода?

Глава III. Развитие предпринимательства в XIV-XVII вв.

3.1. Возрождение торговли на Руси

Исторический период с XIV-XVII вв. имеет ряд общих черт, позволяющих рассматривать его, как единый процесс, который происходил в предпринимательской среде на Руси. Этот процесс связан с собиранием русских земель в условиях татаро-монгольского ига, что, в конечном счете, способствовало его ликвидации. В рамках этого процесса значительно усилилась власть великого князя и в целом регулирующее влияние на экономику государства, что, безусловно, оказывало влияние и на развитие предпринимательства. Можно сказать, что предпринимательство в рассматриваемый исторический отрезок времени развивалось под жестким давлением со стороны государственной власти, а это, в свою очередь, сдерживало инициативу и активность деловых кругов.

Опустошительное монгольское нашествие нарушило устои и постепенно ускорявшийся ход экономической жизни большинства русских земель. Самый тяжелый урон оно нанесло городам северо-восточной и южной Руси: на время приостановились традиционные торговые связи, погибли или попали в плен многие ремесленники, оказались забытыми технологии ряда ремесел (стеклоделие, некоторые сложные приемы ювелирного дела, такие как скань, перегородчатая эмаль и т.д.). Установившееся почти на два с половиной столетия Ордынское иго, сопровождавшееся уплатой огромной дани, выполнением других повинностей в пользу Орды и набегами ее отрядов, намного замедлило экономическое развитие русских земель, задушило уже имевшиеся ростки предпринимательства.

Однако полнокровная торгово-ремесленная жизнь продолжалась в ведущих центрах северо-западной Руси (Новгороде, Пскове, Смоленске), избежавших монгольских погромов. А уже со второй половины XIII в. стала постепенно возрождаться городская экономика и в наиболее пострадавших областях, особенно на северо-востоке, куда устремились переселенцы (в том числе торговцы и ремесленники) из южных районов. В XIV в. Москва, Нижний Новгород, Тверь, бывшие когда-то незначительными периферийными пунктами Владимиро-Суздальского княжества, превратились в крупные центры ремесла и торговли.

Центром объединения русских земель стала Москва. Ее возвышение началось с XIV в. – времени правления Ивана Калиты и, несмотря на сложность и длительность этого процесса, к середине XV в., по выражению В.О. Ключевского, «в северной Руси привыкли смотреть на Московского князя, как на образцового хозяина, а на Московское княжество – как на самый благоустроенный удел» [31].

После получения московским князем ярлыка на Великое княжение и права собирать дань в пользу Орды у него стало выгодным служить. Следствием этого стал приток людских ресурсов, объективно стимулировавший в XIV-XV вв. бурный социально-экономический рост Московского княжества. Уже в XV в. его территория составляла 430 тыс. кв. км. [69]. К 30-м гг. XVI в. она выросла более чем в шесть раз, и объединяемая им Русь стала одним из крупнейших европейских государств, а в XVII в. Русское государство по территории становится крупнейшим в мире.

Что касается предпринимательства, то оно также развивается в целом устойчиво, хотя в рамках рассматриваемого периода достаточно четко вырисовываются три относительно самостоятельных периода в его развитии.

Первый условный период развития предпринимательства в Московском княжестве охватывает XIV-XV вв. Это время постепенного и достаточно последовательного, несмотря на наличие междоусобных конфликтов, и опустошительных набегов внешних врагов, возвышения Москвы, что благотворно сказывалось и на положении купечества.

Основными хозяйственными единицами в это время являлись крупные и мелкие княжеские хозяйства, а также хозяйства удельных феодалов и вотчинников. Все они были однотипными, носили замкнутый, по сути, натуральный характер, все произведенные в них продукты в основном шли на прокорм княжеского двора. Основным земельным собственником был князь. И если первый самостоятельный московский князь Иван Калита имел в собственном владении 40 сел, то у Василия II Темного их было уже 125.

Наряду с возрождением ремесел после 1240 г. шло быстрое восстановление нарушенных торговых связей русских земель. Этому способствовала, в частности, и заинтересованность в этом правителей Золотой Орды, получавших значительные дополнительные доходы от взимания таможенных пошлин. Наряду с Новгородом Великим, Псковом и Смоленском оживленными центрами внутренней и внешней торговли в XIV-XV вв. стали Москва, Нижний Новгород, Тверь. Вокруг них и других крупных городов формировались областные рынки, налаживались межобластные связи. Больше всего сохранилось свидетельств о торговле зерном, солью, пушниной, льном, рыбой.

Наиболее массовой фигурой в предпринимательстве оставался крестьянин, который вывозил на рынок продукты, чтобы заплатить налог. Местную торговлю вели главным образом мелкие торговцы, покупавшие и продававшие небольшие партии товаров. Понятно, что такая торговля не могла обеспечить накопление в руках купечества сколько-нибудь значительных капиталов.

В условиях, когда основной хозяйственной единицей оставался Княжеский двор, и он же выступал в качестве основного потребителя товаров, накопление купеческих капиталов было связано с развитием внешней торговли, тем более что Москва была расположена на перекрестке важнейших торговых путей.

Основными во внешней торговле были южное (донское) направление и проходивший через Новгород торговый путь в Западную Европу. Попытки развернуть внешнеторговые операции Московской Руси с Персией и Индией особого успеха не имели, а такой важный торговый центр, как столица Золотой Орды – Сарай-Берке, расположенный в низовьях р. Ахтуба, в конце XV в. был разгромлен войсками Тамерлана и после уже не смог восстановиться. Благодаря внешней торговле оживилось и денежное обращение. В конце XIV в. ряд княжеств (Московское, Суздальско-Нижегородское, Рязанское, Тверское) начали чеканку собственной мелкой серебряной монеты – «деньги». При московском князе Василии II Темном (1425-1460 гг.) был создан большой, хорошо организованный монетный двор, были ограничены типы выпускаемой монеты, введена в обращение стандартная монета, а с 1534 г. основной счетной единицей денежной системы всей России сделался московский рубль [75].

Что касается возрождения предпринимательства, то в известной степени оно было связано с ремеслом и сельским хозяйством. Углубление специализации и упрощение технологий ремесленного производства способствовали удешевлению изделий массового спроса, предназначенных, для сбыта на рынке, и были немаловажными в связи с низким платежеспособным спросом населения. В городах ремесленники занимались изготовлением изделий в основном на заказ и редко вывозили их на рынок. В условиях сохранения Ордынского ига и нестабильности жизни выручку, полученную от продажи изделий, в оборот не пускали, а прятали в «кубышки» – специально изготовленные сосуды сферической формы, что, естественно, не способствовало расширению производства. Поскольку основными заказчиками были государство в лице князя и церковь, наибольшее развитие получили такие отрасли ремесленного производства, как изготовление оружия, монет, колоколов и различной церковной утвари.

Наибольший простор для развития предпринимательства по-прежнему предоставляла торговля. Самым значительным был всплеск предпринимательской активности в относительно наиболее выгодной и сравнительно независимой внешней торговле. Здесь же концентрировались и наиболее крупные капиталы. Высшую группу купечества составляли «гости нарочитые» (назначенные), которые еще именовались «купцами великими». Среди них с середины XIV в. выделялась особо привилегированная корпорация «гостей-сурожан», которые пользовались привилегиями и по общественному положению приближались к боярству [47]. Не последнюю роль в их возвышении сыграло выполнение ими

торговых поручений московских великих князей и родовитых бояр, заинтересованных в сбыте своих товаров в обмен на дорогие заморские.

Шелк, красители, ковры, пряности и прочие экзотические товары привозили в основном из Сурожа (современный Судак) на Черном море, а также из Кафы (Феодосия). В целом южная торговля «сурожан» XIV-XV вв. представляла собой торговое посредничество между Севером (откуда поступала пушнина) и Югом (Черноземьем) и не имела опоры в местном производстве. Торговая прибыль «сурожан» определялась удаленностью рынков сбыта товаров от мест их производства, порождавшей возможность продажи товаров значительно выше их себестоимости. Из Сурожа купцы везли только дорогие товары, так как дешевые не оправдывали себя: прибыль была невелика ввиду крайней узости потребительского рынка [47].

В торговле с Западной Европой ведущую роль играла еще одна привилегированная группа купцов – «суконники». Известные в Москве по летописи с 1382 г. и нередко упоминавшиеся в источниках XIV-XV вв. вместе с «сурожанами», они, однако, стояли на более низкой ступени в иерархии средневекового московского купечества, поскольку в их отношении не употреблялся термин «гости». Главным предметом торговых операций «суконников» являлось западноевропейское (чаще всего немецкое, английское, бельгийское) сукно, которое обычно закупалось на рынках Новгорода, Пскова, городов Ливонии, Литвы, Польши. Помимо сукна с Запада ввозилось серебро, столь необходимое для чеканки денег, изготовления дорогих украшений и парадной великокняжеской утвари, а также для выплаты дани. Что касается торговли рабами, то этот вид

предпринимательства к XV в. был прекращен, более того, появилась тенденция к выкупу русскими купцами своих соотечественников.

О высоком социальном статусе «гостей-сурожан» и «суконников» в московском обществе свидетельствует, в частности, тот факт, что обычно при перечислении представителей общества того времени они упоминались летописцами сразу же за князьями и боярами [47]. Свидетельствами большого богатства, авторитета и влияния купцов стали также возведенные ими в тогдашней преимущественно деревянной Москве каменные здания и храмы (например, купцы Ховрин-Головин и Таракан возвели для себя на территории Кремля кирпичные жилые палаты).

Купцы нередко кредитовали князей – отдавали им привезенные товары в долг. Так, в составленной около 1481 г. духовной грамоте удельный князь Андрей Васильевич завещал наследникам вернуть 300 руб. долга купцу Гавриле Салареву. Владимир Ховрин оказывал финансовую поддержку великому князю Василию II Темному в его борьбе с соперниками. «Сурожанин» Андрей Шихов был кредитором удельного князя Юрия Васильевича, отдавшего в залог за 30 руб. серебром рулон заморского сукна [47].

Совершали купцы в то время и далекие поездки в неведомые заморские страны. В 1466 г. в ответ на приезд в Москву посла Ширванского царства Иван III послал в Шемаху своего посла Василия Панина. Вместе с послом выехали несколько московских и тверских купцов, среди последних был и Афанасий Никитин [58]. Он совершил в 1468-1474 гг. путешествие по Волге, через Каспий, Закавказье и Персию в далекую и сказочную Индию и составил о нем записки, получившие название «Хождение за три моря» [58]. Благодаря им на Руси в XV в.

смогли узнать о природе, климате, городах, народах, обычаях не только Индии, но и других стран, в которых пришлось побывать А. Никитину. Эти записки были введены в состав летописных сводов в качестве важнейших государственных документов.

Путешествия в далекие края совершали и другие купцы. Один из современников Афанасия Никитина также оставил свои путевые записки 1465-1466 гг. под названием «Хождения гостя Василия» [58]. В них он подробно описал Кипр, Антиохию, Дамаск, Иерусалим, другие города Ближнего Востока и Малой Азии, приведя сведения об их укреплениях, водоснабжении, торговле, составе населения. Известны также записки о «хождении» московского купца Федора Котова в Персию, совершенном в 20-е гг. XVII в. по указу царя Михаила Федоровича, представляющие, по сути, торговый путеводитель по рынкам Персии с описанием продаваемых там товаров. Государство было заинтересовано во ввозе персидских товаров, так как торговля лучшими из них (например, шелком) была монополией казны и приносила ей существенный доход.

Кроме «гостей» и «суконников» в документах нередко упоминаются «прочие купчие люди», т.е. рядовое посадское купечество. Оно уступало первым двум категориям и по богатству, и по престижности торговой деятельности.

Пополнение московского купечества на протяжении XIV-XV вв. шло преимущественно двумя путями. Во-первых, в ряды торговцев переходили отдельные ремесленники, удачно реализовавшие на рынке изделия собственного производства и накапливавшие необходимые средства для торговых оборотов. Во-вторых, в результате присоединения одного за

другим удельных княжеств в Москву стекались вслед за знатью и купчие люди [40].

Таким образом, в рассматриваемый период основной сферой предпринимательства оставалась торговля, а основным предпринимателем являлся русский купец. Главными сдерживающими факторами для развития предпринимательской деятельности на Руси были однородность элементов ее экономической жизни, натуральное княжеское хозяйство и традиции общины.

Представители купечества, подобно другим сословиям, рассматривались московскими властями как государевы слуги, обязанные выполнять любые поручения и беспрекословно подчиняться великокняжеским указам. Освобождаясь от этих пут по мере централизации государства и собирания земель, представители делового мира в дальнейшем попадали под гнет налогов военно-бюрократического и чиновничьего государства.

Новым этапом в развитии предпринимательства становится XVI в., который ассоциируется с правлением Ивана IV (1533-1585 гг.). Именно в рамках этого периода начинается процесс формирования централизованного государства. Внешнеполитические успехи российского государства – аннексирование у Литвы Брянских земель (1500-1503 гг.) и Смоленска (1514 г.), присоединение Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств – привели к тому, что под его контролем оказался Волжский путь на всем его протяжении; это благоприятствовало оживлению торговли через Каспийское море с восточными странами. Именно в XVI в. началось освоение Сибири, что способствовало расширению внутреннего рынка [26].

В этот период созревают условия, в целом благоприятствующие зарождению русского торгового предпринимательства. Это находит проявление в развертывании трех взаимосвязанных процессов.

Во-первых, наблюдается рост числа городов, которые из городов-крепостей постепенно трансформируются в торгово-промышленные центры. Если в начале XVI в. их насчитывалось около 140, то к концу столетия – уже свыше 230. Городами становились крепости, промысловые села и слободы, монастырские посады, сельские торгово-ремесленные рядки. Процесс градообразования сопровождался ростом численности торгово-ремесленного населения [26].

Во-вторых, в рассматриваемый период намечаются и со временем становятся все более устойчивыми рыночные связи между регионами Русского государства. Этому способствует зарождающаяся специализация ремесленников отдельных городов и областей на производстве той или иной продукции.

В-третьих, страна постепенно покрывается сетью больших или малых рыночных центров сельской и городской торговли – рядков, торжков, ярмарок.

Тем не менее, Россия продолжала оставаться страной с низкой плотностью населения. К 1550 г. она насчитывала чуть более шести миллионов человек, большинство из которых проживало в Москве и центре страны. Самыми редконаселенными были северные области страны, где проживало, в среднем, не более двух человек на квадратный километр. В подавляющем большинстве население страны было крестьянским, а крестьянское хозяйство – натуральным. Важнейшими исключениями были соль и металлические изделия. Это свидетельствовало о том, что

экономических условий для централизации государства еще не существовало.

Централизация России происходила в основном с использованием политических средств, а часто и с применением насилия. Реформы середины XVI в., направленные на укрепление власти царя, одновременно вели к закреплению крестьян, уничтожению среднего, наиболее способного к предпринимательству, слоя населения. Были ликвидированы свободные слободы – их приписали к посадскому населению. Произошло слияние купечества с другими слоями городского населения в одно сословие посадских людей, которое было обязано выполнять в отношении государства главные повинности – отбывать казенную службу и платить подати. Все это не могло не сказываться на предпринимательской деятельности наиболее активных слоев населения [28].

Служилым людям (избранной сотне) были розданы поместья, многие из которых как «излишки» были отобраны у богатых вотчинников и даже монастырей. Вотчины окончательно уравнились с поместьями. Еще до опричнины наблюдалась тенденция к тому, что царь подвергал опале богатых людей: забирал у них имения, а их самих высылал. Политика опричнины уничтожила остатки удельной системы, а с ней и частное землевладение. Одновременно царь жаловал и награждал бедных людей, поэтому было выгодно казаться бедным и убогим – это вызывало сочувствие.

Несмотря на умаление значения Новгорода, Пскова как торговых центров на Руси и закрытия после Ливонской войны (1558-1583 гг.) Балтийского пути масштабы торгового обмена в XVI в. значительно расширились. Этому способствовали и рост городов, и завершение

объединения русских земель вокруг Москвы, и развитие мелкого товарного производства.

Москва становится одним из крупнейших торгово-экономических центров, обслуживающих потребности не только местного населения, но и всего государства. Новым явлением в организации торговли в XVI в. явилось появление в городах гостиных дворов, в которых торговали в основном иностранные и иногородние купцы. Это явилось показателем более интенсивного, чем прежде, развития хозяйственных связей между различными регионами Русского государства [40].

Гостиные дворы в рассматриваемый период можно было обнаружить практически в каждом русском городе. Они принадлежали казне и представляли собой комплексы построек, где купцы из других русских городов, а также иностранцы могли за определенную плату становиться на ночлег, обязаны были складировать свой товар и совершать сделки. Гостиные дворы, как правило, состояли из деревянной или каменной станов вокруг обширного внутреннего двора, где располагались различные амбары и склады, которые прилегали к внутренним сторонам стены.

Так, например, на территории Архангельского гостиного двора располагалось от 80 до 100 построек, в которых купцы хранили свой товар. На гостином дворе располагалась также таможенная изба, где торговцы уплачивали пошлину. Здесь же за определенную плату можно было получить ночлег и питание в специально отведенных для этого избах [14].

Интересно отметить, что гостиные дворы создавались отдельно для русских и иностранных купцов. Так, Архангельский русский гостинный двор в нач. XVII в. насчитывал 84 «государевых» амбара с двумя этажами каждый; 32 лавки, 15 амбаров гостей и других торговых людей из Москвы

и иных российских городов. На гостином дворе иностранцев располагалось 86 «государевых» амбаров, также в 2 этажа каждый, и еще 31 амбар принадлежал иностранным купцам, в основном англичанам и голландцам [14].

В 1535 г. центром московской торговли стал Китай-город. Вдоль Красной площади перед Кремлем протянулись ряды, в каждом из которых торговали каким-нибудь одним товаром. Оптовая торговля велась в гостиных дворах, куда обязаны были свозить свои товары иногородние и иноземные купцы.

К этому времени в Москве существовали уже Устюжский, Английский, Армянский и Литовский гостиные дворы. Посещавшие Москву иностранные путешественники отмечали значительные масштабы торговли в Москве, не уступавшей ведущим торговым центрам Европы [40].

Постоянная ярмарка была в Белоозере – перевалочном торговом пункте между Новгородом и Северо-Востоком России. Сюда съезжались купцы из Твери, Новгорода и других городов, а также из окрестных монастырей, имевших в то время значительные обороты.

В первой половине XVI в. продолжал удерживать свои позиции город Дмитров. Находившийся к северо-востоку от Москвы, этот город открывал важный путь к Волге и являлся средоточием соляной, рыбной и хлебной торговли. Здесь проживало много богатых купцов, привозивших Каспийским морем и Волгой восточные товары.

Из городов Волжского бассейна крупнейшими торговыми центрами в первой половине XVI в. были Ярославль, Нижний Новгород и Балахна. В Ярославле широко торговали салом, хлебом, воском и кожами. Позиции

Нижегород в регионе резко усилились после того, как Василий III, стремясь подорвать торговое значение Казани, велел организовать ярмарку в Нижнем и под страхом тяжелого наказания запретил московским купцам ездить на казанскую ярмарку, которая ежегодно привлекала купцов из России, Средней Азии, Ирана и Закавказья [28].

В Россию везли золото, серебро, серебряную посуду, олово, ювелирные изделия, жемчуг, разное сукно, сахар, муку, лекарственные препараты, пряности и т.д., а вывозились пенька, канаты, смола, деготь, воск, пушнина, кожа, лен, мед и т.п. Огромным спросом пользовались также треска, семга, сало и кожа морских животных. Одной из центральных ярмарок была Архангельская [14].

Все больший интерес и значение для Русского государства и его купечества приобретало западноевропейское направление торговли. До середины XVI в. контакты с западными торговыми центрами осуществлялись русскими купцами через балтийские порты, не принадлежавшие Москве, что не способствовало активному деловому партнерству, а после поражения России в Ливонской войне (1558-1583 гг.) и ослабления значения Новгорода, это направление торговли фактически стало недоступным.

В XVI в. в составе купечества и характере его торговой деятельности происходят существенные качественные сдвиги.

Во-первых, в Москве складывается относительно мощный слой торговых людей, располагающих значительными капиталами, что явилось результатом принудительного переселения (свода) в Москву состоятельных новгородских, псковских, смоленских, вятских купцов. Этот процесс продолжается до конца XVI в. Так, в 1569 г. в столицу были переведены

145 семей из Великого Новгорода. В том же году в Москву было взято 500 человек из Пскова и 470 из Переяславля Залесского. Имели место переводы и из Великого Устюга, Вязьмы, Твери, Старицы, Ржева. Переселенцы создавали в Москве целые слободы, такие как Новгородская сотня, или кварталы псковичей в районе Сретенки и в Замоскворечье. Осевшие в столице «сведенцы» в правовом положении от коренных москвичей ничем не отличались [31].

Во-вторых, идет встречный процесс, вызванный политическими соображениями центральной власти, – перевод московских торговых людей на жительство в центры бывших самостоятельных княжеств, прежде всего, в Новгород и Псков.

В-третьих, ряды русского купечества начинают пополняться новым элементом – торговыми крестьянами (преимущественно в северных районах страны), которые постепенно выделяются из состава сельского населения.

В-четвертых, из среды городских и сельских торговых людей выделяется и становится заметной новая фигура скупщика, первоначально сельскохозяйственных товаров, для их последующей перепродажи. Это, прежде всего «прасолы» – оптовые скупщики рыбы, мяса, живого скота.

В-пятых, возникают новые более сложные формы торгового предпринимательства, в частности более развитая форма «складничества». Формируется новый тип купца, возглавляющего обширное торговое предприятие и ведущего торговлю через многочисленных агентов-приказчиков. Примером может служить деятельность торгового дома Строгановых, которые торговали солью и железом по всей стране и за

рубежом. Можно говорить, что именно в эту историческую эпоху начинают зарождаться династии [1].

В-шестых, к XVI в. относится появление элементов реальной конкуренции русских торговых людей на рынках, что вытекает из факта появления на рынках групп однородных товаров, произведенных в различных регионах страны (например, изделия из железа производились не только в Туле, но и в Устюжне Железнопольской, Твери и Серпухове), что неизбежно вело к столкновению интересов между продавцами.

Во второй половине XVI в. купечество вместе с ремесленниками и мелкими торговцами городов было объединено в сословие посадских людей, в котором купцы составляли богатое меньшинство. Из этого же сословия немногочисленная группа купцов использовалась правительством для выполнения торгово-финансовых поручений.

В последней трети XVI в. эти купцы были объединены в три общерусские привилегированные корпорации – гостей, торговых людей гостиной (350 человек) и суконной сотен (250 человек). С конца XVI в. чин гостя стал представляться особой жалованной грамотой [31].

Таким образом, на рубеже XVI-XVII вв. купечество превратилось в сословную группу, сочетающую занятие торговлей с выполнением функции налоговых сборщиков на условиях откупа.

Связь с государственным аппаратом способствовала обогащению одних и экономическому упадку, и разорению других, ибо откупщики несли материальную ответственность за сбор установленной суммы налогов. Имущественная дифференциация в группах гостей, членов гостиной и суконной сотен была тем сильнее, чем выше было сословное положение и состоятельность группы в целом.

3.2. Создание новых торговых путей в XVI-XVII вв.

Новые перспективы для западноевропейской торговли Русского государства создавались в связи с открытием Беломорского пути, который еще упоминается как Северный морской путь. В 1553 г. стартовала английская торговая экспедиция, имевшая целью поиск нового торгового северо-восточного пути в Китай и Индию. Основная часть этой экспедиции погибла во льдах у норвежских берегов. Однако один корабль – «Эдуард Благое Предприятие», которым командовал Ричард Ченслер, был занесен в Белое море и 15 мая 1553 г. причалил в устье Северной Двины.

Так состоялось «открытие» англичанами на северо-восточном краю Европы страны Московии. Капитан Ченслер был удостоен аудиенции у Ивана IV, который пожелал установить прямые отношения с Англией.

По возвращении в Лондон Ченслер содействовал созданию общества для торговли с Россией. Так возникла Русская или Московская компания английских купцов. В феврале 1555 г. король Филипп и королева Мария утвердили устав нового общества. Его членам были предоставлены исключительные права торговли с Московским государством. Компания имела своих агентов в Москве, Вологде и Ярославле, которые изучали российский рынок и определяли перечень товаров, спрос на которые в самой Англии был велик. К таким товарам относились воск, сало, ворвань, лен, обработанная пенька (канаты) и дешевые меха (беличьи, лисьи, куньи) [32].

В 1555 г. Ченслер вновь отправился в Москву. На этот раз он прибыл в роли посла с официальным поручением от английского правительства завести торговлю с Московским государством. В декабре 1555 г. Иван IV

даровал Московской компании английских купцов первые привилегии. С этого времени ее представители могли свободно приезжать и выезжать из России. Разрешалась беспошлинная торговля, хотя и с условием, чтобы привозные товары сначала предъявлялись для выбора и закупки в царскую казну.

В 1556 г. англичане получили в подарок дом в Москве на Варварке у церкви св. Максима, в котором разрешалось держать меры и весы с царским клеймом, а в 1564 г. – право покупки двора в Вологде или в Холмогорах и возведения товарных складов, где найдут удобную пристань. В 1557 г. в Лондон было отправлено первое русское посольство. Все эти меры положили начало регулярной торговле с Англией [32].

В сентябре 1567 г. царь пожаловал Московской компании английских купцов новую грамоту, значительно расширившую ее прежние права и привилегии. За ней закреплялись дома, приобретенные к тому времени в Москве и других городах. В этих местах допускалась розничная торговля. Также разрешалось учреждение складов в Холмогорах, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, Великом Новгороде, Пскове, Нарве и других городах.

Англичане получили право транзитной торговли с Шемахой, Бухарой, Самаркандом и другими землями Востока (главным образом с Персией). Таможенникам запрещалось вскрывать английские тюки. Наконец, только английским судам, принадлежавшим Московской компании, предоставлялось право приставать на всем северном побережье (всем чужеземцам, включая англичан, если они не являлись сотрудниками компании, запрещалось причаливать в устьях Северной Двины, Мезени, Колы, Печоры и других, привлекательных для торговли местах).

1569 год явился «кульминационным пунктом» в истории успехов достигнутых Московской компанией у верховной русской власти. Англичанам удалось добиться новых привилегий: заказывать денежным дворам в Москве, Новгороде и Пскове переделку собственного серебра в русскую монету; завести канатную мануфактуру в Вологде; вести разведку рудных запасов на Вычегде и основать металлургическое производство. Им было разрешено захватывать иностранные корабли, которые попытались бы участвовать в беломорской торговле, с тем, однако, условием, чтобы половину добычи отдавать в царскую казну.

Англичанам разрешалось заводить конторы и подворья в городах, держать русских работников, «жить везде по своему закону» – право суда и наказания английских подданных переходило к главному агенту компании, русские власти были обязаны оказывать ему содействие в высылке из страны англичан, не принадлежавших к компании.

Дело в том, что Иван IV настойчиво добивался самых тесных отношений с Англией, однако его предложение о военно-политическом союзе было отклонено английской королевой. В дальнейшем, сохраняя глубокий интерес к развитию прямых контактов с Москвой, английская сторона продолжала упорствовать в нежелании обременять себя военно-политическими обязательствами.

Поэтому в торговой политике русского правительства постепенно стала просматриваться тенденция к ограничению тех привилегий, которые были дарованы компании английских купцов.

В 70-е гг. XVI в. их торговля ограничивалась собственно русскими городами; поездки в Казань и Астрахань допускались лишь с разрешения царя, что ставило под вопрос торговлю с Персией; торговля разрешалась с

уплатой таможенных пошлин, хотя и в половинном размере против других иностранцев и русских торговых людей.

Тем не менее, получив значительные торговые преимущества, англичане стали широко торговать с Россией. После 1555 г. они ежегодно в конце мая - начале июня посылали в Россию несколько торговых судов, чтобы к осени вернуться в Англию с русским товаром. В 1570-е гг. компания направляла уже от 6 до 10 кораблей ежегодно. Их якорная стоянка находилась на рейде перед Корельским устьем Двины, а с возведением в 1584 г. порта Архангельска – переместилась туда [32].

Около Николо-Корельского монастыря на острове Ягры в устье Двины англичане построили пристань для разгрузки кораблей и свой поселок. Оттуда уже на более мелких судах товар шел в Холмогоры и на Вологду, туда же доставлялись русские товары для отправки в Англию.

Кроме собственно торговых складов и поселений англичане начали строить заводы для обработки русского сырья. В 1557 г. в Холмогорах и Вологде началось строительство канатной мастерской, где работали прибывшие из Лондона мастера; на реке Вычегде был сооружен небольшой завод для обработки руды. В свою очередь Россия получила в Англии те же привилегии (в том числе и собственное подворье в Лондоне), но воспользоваться ими не смогла, так как фактически не имела своего морского флота.

Англичане привозили в Россию сукно и хлопчатобумажные ткани, металлы (свинец, олово, медь), оружие, селитру, вино, сахар, перец, сельдь, миндаль, изюм, бумагу, лекарства и другие товары английского, французского, испанского и немецкого происхождения.

Вывозились: воск, сало, масло, мясо (солонина), ворвань, дешевые меха, лен, конопля, пенька, канатная пряжа, канаты, кожи, мачты и т.д. На Русском Севере компания занималась рыболовством, моржовым и китовым промыслами.

К концу царствования Ивана IV в устье Северной Двины образовалась международная сезонная ярмарка, которая стала называться Архангельской.

Московская компания продолжала успешную торговлю и в XVII в., что вызывало постоянное недовольство со стороны русских купцов, которые неоднократно обращались к государям с просьбой выгнать английских купцов из страны. Но только царь Алексей Михайлович в 1649 г. издал указ об их выдворении. В результате число английских купцов в России резко снизилось со 124 в 40-х гг. XVII в. до 60 в 50-е гг. и далее продолжало сокращаться [28].

Они вынуждены были распродать свои дома в Москве, Ярославле и Вологде и впредь ограничить свою деятельность оптовой торговлей в Архангельске. Москва оставалась единственным городом на всем российском пространстве, где еще допускалось присутствие небольшой английской колонии.

Помимо английских судов в северные российские порты активно заходили также голландские, датские, норвежские, французские. Например, голландские купцы, торговавшие в устье Двины, пришли сюда на четверть века позже англичан, и тем не менее в 80-е гг. XVI в. они уже фрахтовали примерно такое же количество судов на Двину, что и Московская компания. В июле 1582 г. на Северной Двине находилось девять торговых судов Московской компании и шесть голландских. В 1589 г. в Архангельск

прибыло в общей сложности 14 судов, из них: 6 голландских и 4 – датских и норвежских [14].

С образованием в XVI в. единого Русского государства произошли изменения в сложившихся ранее торговых путях. Расширение территории страны и вследствие этого возникновение новых рынков приводило к появлению новых направлений торговых путей, которые, как и старые торговые дороги, все более тяготели к Москве как административному центру страны. Однако эти пути утрачивали свое самостоятельное значение и становились радиусами, соединяющими столицу с периферией.

Ряд торговых путей в XVI в. имел особенно большое значение. По Москве-реке шел водный путь на Оку и далее на Волгу. Через Стромьнку вела дорога на северо-восток в направлении Суздаля. С Тверской улицы начиналась дорога на Тверь и далее на Великий Новгород. Сретенская улица вела на Ярославский тракт, а от Рогожской слободы шел тракт на Казань и Нижний Новгород. Через пригородное село Коломенское шла дорога на юг в Серпухов и Тулу. Через Арбат и Дорогомилово выходила Можайская дорога в направлении к Смоленску. Все эти дороги разветвлялись далее в целую сеть путей и расходились по всему пространству Русского государства [28].

Основной магистралью между двумя крупнейшими городами Новгородом и Москвой остается и в XVI в. старинная дорога от Москвы до Новгорода через Волок Ламский, Тверь и Торжок. С присоединением Новгорода к Москве укрепляются экономические связи между этими городами.

Несколько важных торговых путей расходились от Новгорода на запад и северо-запад. По ним осуществлялись связи со странами Западной

Европы. Один из торговых путей на Запад шел от Новгорода к Пскову, а дальше к Ивангороду и Нарве, в Ригу, Литву. К Ивангороду шли от Новгорода и другие дороги, минуя Псков по Луге до г. Ямы, через Петровский погост, через Лужский ям. Одна из дорог вела от Новгорода на север в Холмогоры.

Особенно большое значение во второй половине XVI в. приобрел торговый путь от Москвы к Белому морю через Ярославль, Вологду, Тотму, Великий Устюг. Этим путем шла оживленная торговля с Англией и Голландией. В грамоте 1583 г. указывается, что этим путем «гости де англичане и многие поморские торговые люди ездят с товаром через Волгу и через Которосль».

Дорога эта подробно описана Дженкинсоном и другими английскими путешественниками. Она насчитывала более 1500 верст. Точное время, необходимое для ее преодоления, рассчитать трудно. Путешествие Дженкинсона с большими перерывами продолжалось около 50 дней. По расчету другого английского путешественника от бухты св. Николая до Вологды можно было пройти летом за 14 суток, а зимой – за 8 суток. Дорога от Вологды до Ярославля преодолевалась в два дня [28].

На юг от Москвы уходило несколько торговых путей. Одним из главных в XVI в. был донской. Этим старинным путем можно было из Москвы попасть в Царьград. От Москвы караваны шли водой или сухим путем до Коломны и Рязани, а оттуда тремя дорогами – через Михайлов, Ряжск, Старую Рязань – к Воронежу и Дону. По Дону суда следовали до Азова, а затем морем к Константинополю. Общая протяженность пути от Москвы до Азова составляла около 2230 км. На это затрачивалось примерно 55 дней.

Кроме донского пути на юг вели также и сухопутные дороги через Белгород, Путивль, Новгород-Северский, Брянск, Калугу. Об этой дороге упоминается в Турецких и Крымских посольских книгах. Торговые люди ездили иногда в Турцию и круглыми путями: через литовские земли.

Однако большого значения эти торговые пути в XVI в. не получили, так как в этот период отношения с Литвой были натянутые, и литовские власти старались не пропускать русских торговых людей через свои земли.

Большое развитие во второй половине XVI в. получил Волжский торговый путь. Это произошло в связи с присоединением Казани и Астрахани. Этот путь начинался обычно в Москве, откуда купцы спускались по Москве-реке и Оке до Волги. Водный путь от Москвы до Астрахани продолжался 1,5-2 месяца. В Астрахани товары перегружались на морские суда, и путь продолжался в восточные страны вдоль берегов Каспийского моря. Несколько сухопутных дорог вело от Астрахани в Среднюю Азию и Иран [32].

Север всегда привлекал русских мореплавателей. К XVI в. относятся значительные успехи в освоении ими Северного морского пути. Северный путь в Европу был известен русским людям издавна.

В литературе утвердилось мнение об открытии морского пути из Западной Европы в Белое море англичанами, однако, на самом деле это верно только отчасти, поскольку Ченслер прошел по тому пути, по которому задолго до него в XII-XV вв. ходили новгородские ушкуйники [28].

В конце XVI в. общегосударственное значение приобрел также путь через Ледовитый океан до устья реки Таз, притока Оби, получивший название Мангазейского морского хода [28].

Кроме больших транзитных торговых путей существовало множество дорог, имеющих местное значение, связывавших крупные города с мелкими городскими и сельскими пунктами, торгами и торжками.

Средневековые пути сообщения были трудны и опасны не только примитивным состоянием дорог и транспорта. Немало забот для путешественников представляли набеги всевозможных разбойных людей с целью ограбления. Поэтому путешествовать в одиночку было рискованно. Этим в значительной степени объясняется присоединение купцов к дипломатическим посольствам, которые имели достаточно надежную охрану [28].

Посольские дела содержат массу свидетельств о торговых людях в составе иностранных посольств. Послы и торговцы объединялись в большие караваны, доходящие до 500 судов. Но, несмотря на многочисленность этих караванов, нападения на них и грабежи товаров были очень часты. Документы сохранили многочисленные жалобы купцов на ограбления во время переездов [28].

Все перечисленные трудности заставляли средневековых купцов быть одновременно и торговцами, и дипломатами, и воинами. «Гость» XVI в. настолько же купец, насколько и воин; он в равной мере владеет и веслом, и мечом; он настолько же опытен в торге, как и в ратном деле [26].

Правительство пыталось организовать на некоторых дорогах постоянную охрану путешественников от разбойных людей. Еще при Василии III Россия совместно с Турцией предпринимает меры для охраны Донского пути. Султан послал для «донского бережения три судна с пушками и пищальями». Им навстречу должны были двигаться русские охранные суда. На Волге русский царь держал отряды стрельцов для

охраны посольских и торговых караванов. Но, несмотря на все эти меры, нападения на торговые и посольские караваны были очень часты и считались обычным делом на русских средневековых дорогах [28].

В XVII в. роль северного торгового направления еще более усиливается. Через Архангельский порт и Архангельскую ярмарку идут основные товарные потоки из стран Западной Европы в Россию и обратно. Поэтому торговый путь из Москвы в Архангельск становится основной транспортной артерией.

Путь из Москвы в Архангельск пролегал частично по суше и частично по реке. На первом этапе путь вел по суше из Москвы через Переяславль-Залесский, Ростов и Ярославль на Вологду. Летом перевозка товаров по этому маршруту обходилась дорого и была медленной, поскольку товар приходилось перевозить на телегах. Зимой товар перевозили на санях, что было быстрее и дешевле.

Второй, водный этап торгового пути из Москвы в Архангельск начинался в Вологде и проходил сначала по реке Вологде, а далее – на северо-восток по реке Сухоне через Тотму и Великий Устюг, затем – еще 600 верст по Северной Двине к Холмогорам и Архангельску. Летом купеческий товар перевозился на речных судах, а зимой, когда реки замерзали и покрывались льдом, на санях.

Недалеко от Великого Устюга начинался еще один торговый путь вверх по реке Вычегде к Уралу, а далее через Уральские горы - в Сибирь, где он, все более дробясь, терялся в бесконечной тайге.

Купцы Великого Устюга везли из Сибири меха, а обратно – зерно и соль. Осенью в Великом Устюге разворачивались большие пушные торги,

на которых сибирские меха скупали купцы, приезжавшие из Вологды и Москвы.

Вологда была важнейшим перевалочным пунктом между сухопутной и водной частями торгового пути из Москвы в Архангельск. Весной и осенью дороги были непроходимыми из-за слякоти, а реки весной – из-за ледохода, так что и товары, и людей перевозить можно было лишь летом и зимой. При регулярной перемене лошадей путешественники зимой могли преодолеть все расстояние от Москвы до Архангельска в течение всего 14 дней.

Перевозка товара проходила много медленнее. Если товар доставлялся в северном направлении на санях зимой, то в Вологде приходилось ждать, пока лед на реке растает и можно будет продолжить перевозку на речных судах. А когда товары из Архангельска прибывали летом, в Вологде ожидали, пока слой снега станет достаточным, чтобы можно было продолжить перевозку на санях.

Так, в XVI-XVII вв. появились новые торговые пути в России, что дало толчок к развитию торговли и предпринимательства.

3.3. Государственное и частное предпринимательство

Новым явлением стало развитие государственного предпринимательства в производственной сфере – участие государства в организации ряда отраслей производства, непосредственно удовлетворявших его нужды. В 1479 г. в Москве было основано крупное государственное предприятие (мануфактура) по производству огнестрельного оружия – Пушечный двор, где наряду с пушками отливали

и колокола. К 1547 г. относится первое упоминание об Оружейной палате, где работало несколько десятков мастеров, изготавливавших стрелковое и холодное оружие. Государственными отраслями хозяйства в XVI в. являлись строительное дело (все крупные строительные работы в стране выполнялись под руководством Приказа каменных дел) и «государево полотняное дело», находившееся в управлении Дворцового приказа. Государственное промышленное предпринимательство XVI в. было организовано по принципу мануфактуры рассеянного типа [31].

К примеру, в Тульской оружейной слободе, учрежденной царской грамотой от 1595 г., казенные мастера-оружейники жили в окруженной крепостной стеной части города, освобождались от податей и повинностей, за что должны были выполнять государственные заказы по изготовлению стрелкового оружия. Подобным образом было организовано и полотняное дело. Полотно для царского двора изготовлялось жителями дворцовых слобод и сел – Кадашовской слободы под Москвой, тверской Хамовной слободы, двух сел Ярославского уезда. Каждая слобода (село) должна была поставлять для нужд двора «оброк» – определенное количество ткани установленного ассортимента, – который в действительности таковым не являлся, так как за него выдавалась определенная плата. Каждый хозяин выполнял часть общей работы – «дело». Помимо освобождения от государственных повинностей за каждое «дело» он получал «хлебное жалованье» (бесплатное продовольствие) и определенную денежную сумму.

Частное же промышленное предпринимательство, по существу, не развивалось вследствие монополизации государством этого вида деятельности, а также ввиду отсутствия, как реального потребительского

рынка, так и собственных разрабатываемых месторождений цветных и благородных металлов. Одним из немногих исключений была монополия частного предпринимательства на добычу и сбыт соли. Из-за постоянного и высокого спроса наряду с интенсивной разработкой старых месторождений соли на протяжении XVI в. заметно увеличивалось число ее вновь открытых месторождений. В Восточном Поморье крупнейшим центром ее добычи стал Сольвычегодск.

Именно там, в XVI в. развернулась предпринимательская деятельность Строгановых, которые олицетворяли собой образ типичного промышленника-купца эпохи Ивана Грозного. Только в Сольвычегодске они вываривали до 400 тыс. пудов соли в год [1].

Строгановы – выходцы из поморских крестьян – поселились в Вычегодском крае еще в 70-е гг. XV в. Основателем династии стал Аникий Строганов, который, согласно записи устюжского летописца, в 1515 г. завел в Сольвычегодске солеваренный промысел. Наиболее же известным представителем этой династии стал Григорий Строганов, который в 1558 и 1564 гг. получил от царя жалованные грамоты на освоение земель на реках Кама и Чусовая, а в 1572 г. – привилегию добывать не только железную руду, но и цветные металлы (медь, олово, свинец). В 1581 г. Строгановы снарядили на освоение Сибири отряд казаков под командованием атамана Ермака, который разбил хана Кучума и занял столицу Сибирского ханства Искер [1].

Обширной была и география торговых операций Строгановых. Их приказчики везли пушнину в Архангельск, обменивая ее на европейские товары, совершали торговые поездки в Стокгольм и другие города Европы. На строгановских верфях около Архангельска строились морские суда по

западному образцу. Строгановы выполняли поручения царя Ивана IV по закупке и доставке продовольствия и пушнины. К ним же царь обращался и за деньгами – Строгановы были его «банкирами». Ими ежегодно уплачивались налоги на фантастические по тем временам суммы – до 23 тыс. руб. [1].

Династия Строгановых внесла весомый вклад в развитие русской культуры. В их иконописных мастерских зародилась знаменитая Строгановская школа иконописи. В нач. XII в. их личная библиотека насчитывала около двух тысяч книг, а на книжном рынке появились каллиграфически оформленные книги.

Таким образом, применительно к XVI в. можно говорить лишь о первых шагах в развитии отечественного промышленного предпринимательства. И здесь инициатива принадлежала казне, располагавшей необходимыми финансовыми средствами для учреждения мануфактур. Что касается частного предпринимательства, то оно зарождается в основном в добывающих отраслях и под контролем государства [40].

На торговой деятельности отрицательно сказывались отсутствие единой монетной системы, а также единой системы налогообложения и таможенных пошлин до середины XVI в. После денежной реформы в 1535-1538 гг. (во время правления Елены Глинской) на денежных дворах Москвы, Новгорода и Пскова стали чеканить одинаковые по весовым нормам и внешнему виду серебряные монеты: «новгородки» (копейки) весом 0,68 г, «московки» (деньги) – 0,34 г и «полушки» – весом 0,17 г. Из гривны серебра стали чеканить 300 копеек с изображением Георгия Победоносца с копьем. Введение единых стандартов веса и оформления

монеты позволило быстро вытеснить из обращения старые деньги, среди которых было немало неполновесных и фальшивых монет, и обеспечить более благоприятные условия для совершения торговых операций.

Европейские талеры – ефимки, известные в России с середины XVI в., – за редким исключением во внутреннем денежном обращении участия не принимали. Вместе с привозным серебром в слитках они служили лишь сырьем для чеканки русской «ходячей монеты». При этом любой русский или иноземный собственник серебра имел право обмена (продажи) его на копейки, деньги и полушки. Русские купцы также могли привозить серебро на денежные дворы для передела в русскую монету.

Торговля серебром была предметом особого внимания русского правительства, которое было постоянно озабочено привлечением в страну благородных металлов и стремилось не допустить их вывоза за рубеж. К концу XVI в. были выработаны система закупочных цен на талеры, порядок приемки их на денежных дворах и нормы выхода готовой продукции (копеек) из иностранного сырья.

Русское правительство ежегодно устанавливало обменный курс талера на копейки. Эта «указная» цена талера и становилась «предельной рыночной ценой для русских покупателей», и возможное отступление от нее могло быть только в сторону уменьшения. Монетный двор в Москве оставался совершенно недоступным для иностранцев.

В результате проведенной денежной реформы основной русской монетой стала копейка – серебряная монета, которая составляла одну сотую часть рубля. Создание копейки-новгородки окончательно определило десятичный строй московской счетно-денежной системы. Рубль как денежная единица реально не существовал, был лишь счетным

понятием (точно также как полтина, гривна, алтын), который выражался определенным количеством мелких серебряных монет – копеек (100), денег (200), полушек (400). Можно считать, что копейка была первой государственной русской монетой.

Последним веком Московского царства стал XVII в. Его начало оказалось весьма неблагоприятным для российского предпринимательства. Ужесточение в течение последнего десятилетия предшествующего века крепостного права создавало в масштабе страны ситуацию, объективно осложнявшую торгово-промышленное развитие и придававшую ему специфические особенности. Далее, острейший политический кризис, известный как смутное время, появление царей-самозванцев, иностранная интервенция и т.д., разрушили прежний уклад жизни, поставили вопрос о существовании государственности на Руси. После изгнания интервентов на Земском соборе в 1613 г. был решен вопрос о новой царской династии [28].

Однако на восстановление хозяйственной жизни потребовались многие годы. В начале правления Михаила Федоровича (1613-1645 гг.) проводился сбор чрезвычайных налогов с торгово-промышленного населения государства. Эта мера позволила частично пополнить опустевшую казну. Лишь к середине XVII в. экономика страны была не только восстановлена, но и стала энергично развиваться, росла и территория российского государства (в среднем с середины XVI и до конца XVII в. его площадь ежегодно увеличивалась на 35 тыс. кв. км).

Уже к середине XVII в. Россия стала крупнейшим государством в мире, хотя по численности населения еще существенно отставала от ведущих европейских стран. Основу экономики страны составляло сельское хозяйство. Излишки его продукции, появившиеся в результате

повышения его общей продуктивности, шли на продажу. Хлеб стал одним из важнейших товаров на внутреннем и внешнем рынках. Развитию торговли способствовало повсеместное перерастание ремесла в мелкотоварное производство, развитие мануфактурного производства и т.п.

Можно указать на ряд факторов, которые способствовали развитию торгового и промышленного предпринимательства в XVII в.:

Во-первых, произошедшая в результате преодоления кризиса Смутного времени стабилизация, и укрепление государства позволили обеспечить политические условия для налаживания хозяйственной жизни, развития предпринимательской деятельности.

Во-вторых, благодаря политике властей, хотя и довольно непоследовательной, постепенно складывались правовые предпосылки предпринимательской деятельности.

В-третьих, активное проникновение после Строгановской экспедиции русских торговых людей в Сибирь, способствовало резкому росту богатств купеческой верхушки, что стимулировало освоение новых территорий.

В-четвертых, открытие и освоение в последние десятилетия XVI в. Архангельского порта, налаживание торговых контактов с Англией, Голландией и другими западными странами в целом благоприятствовали развитию отечественного предпринимательства.

В рассматриваемый период происходит усиление экономических, производственных и коммерческих отношений между различными регионами русского государства. Продолжается процесс специализации отдельных областных рынков: хлебного – Вологда, Вятка, Устюг Великий, Воронеж, Елец, Белгород, Нижний Новгород; соляного – Вологда, Соль Камская; пушного – Сольвычегодск, Ирбит; текстильного (лен, пенька,

холст) – Новгород, Псков, Смоленск; железных изделий – Тула, Устюжна Железнопольская и т.д.

Общерусским центром предпринимательства в XVII в. по-прежнему оставалась Москва, численность населения которой приблизилась к 200 тыс. человек. По несколько тысяч жителей имели такие города как Вологда, Великий Устюг, Кострома, Новгород, Ярославль. Всего к концу столетия в России насчитывалось более 300 городов.

В последние десятилетия XVI в. Русское правительство выделило из состава посадских людей немногочисленные группы наиболее состоятельных, процветающих купцов, объединив их в три привилегированные корпорации [39].

Высшую корпорацию составили «государевы гости», которые получали от царя жалованную грамоту. Их основными привилегиями были: освобождение от государственных повинностей (тягла); подсудность непосредственно царю; право приобретать вотчины; свободный проезд за границу для торговых целей. Обязанностью являлось выполнение, как правило, с периодичностью в 5 лет разного рода казенных поручений, связанных как с дипломатическими, так и административными функциями. Кроме того, они использовались и в качестве консультантов по разным вопросам экономической политики России.

Это вынудило власти разработать особую систему комплектования кадров, которая предусматривала два основных руководящих принципа. Первый состоял в том, чтобы при отборе кандидатов для пополнения числа «гостей» учитывалась не только их высокая имущественная обеспеченность, но и их опытность, наличие организаторских навыков и других индивидуальных свойств, включавшихся в представление о

высоком уровне служебной годности. Состав «гостей» подбирался путем тщательного отбора. Скрупулезности отбора отвечал, и второй принцип назначения в «гости», лишивший их права передачи чина по наследству. Благодаря такой системе состав корпорации носил сравнительно однородный характер, хотя в нее входили весьма разные по своим качествам, талантам и другим индивидуальным особенностям люди [28].

Следующую корпорацию образовали торговые люди «Гостиной сотни». Они также получали от царя жалованные грамоты, пользуясь теми же привилегиями, что и гости, за исключением свободного выезда за границу и также выполняли казенные поручения, но менее ответственные по характеру. Гостиная сотня, во всяком случае, на первом этапе ее существования, рассматривалась как своеобразный отряд вспомогательного назначения (прямые помощники гостей в крупных городах, штат таможен и других учреждений в менее значимых торговых центрах). Третья корпорация привилегированного купечества – это торговые люди «суконной сотни», удостаивавшиеся жалованных грамот, но не пользовавшиеся двумя существенными привилегиями гостей: правом покупки вотчин и свободного выезда за границу [39].

Торговое население увеличивалось в основном за счет посадских людей и крестьян. Численность же привилегированных купцов, составлявших Гостиную и Суконную сотни, наоборот, уменьшалась: в Гостиной сотне к концу XVI в. состояли 358 человек, в Суконной – 250, в 1649 г. – соответственно лишь 171 и 116 человек. Численность самого привилегированного купечества – гостей, также снижалась. Если в конце XVI в. их насчитывалось 70 человек, то в середине XVII в. – уже не более 30. Объем торгов определялся для гостей в 20-50 тыс. руб., иногда до 100

тыс. [41]. Сокращение численности привилегированных торговых сословий было вызвано наличием широкого круга довольно обременительных обязанностей, выполняемых в пользу государства находившимся на «государевой службе» купечеством. Они охватывали выполнение различных финансовых поручений, контролирование деятельности казенной промышленности и торговли и т.д. Кроме того, торговых людей привлекали к выполнению некоторых разовых поручений, например, к оценке имущества при обыске. Так при обыске в доме боярина Голицына, возглавлявшего правительство в период регентства царевны Софьи, «сундуки ценили серебряного ряда торговые люди, книги ценили книжного ряду торговые люди».

Купцы, выезжающие за границу, обязаны были выполнять также некоторые дипломатические поручения. В основном они должны были решать проблемы связанные с правильностью написания царского титула, чему в XVII веке придавалось особое значение.

Выполнение государственных поручений приводило к тому, что некоторые купцы, входящие в высшую категорию, не избежали разорения. В то же время состав высшей категории купечества – «гостей» регулярно пополнялся за счет представителей Гостиной и Суконной сотен, а также посадских людей, разбогатевших на торговле и промыслах. Повышение социального статуса торгового человека, его перевод в высшие разряды купеческого сословия зависели от размеров находящихся в обороте капиталов, значения занимаемой должности и результатов служебной деятельности. Пожалованные в звание «гостя» обязаны были переехать в Москву. Это касалось также выходцев из «черных» сотен и посадских людей, пожалованных в Гостиновую и Суконную сотни [41].

Таким образом, в России к середине XVII в. окончательно сформировалось сословие торговых людей, обособившееся от других категорий городского и сельского населения. Соборное уложение 1649 г., прикрепившее посадских к тяглу и посадской общине, предоставило им исключительные права на торгово-ремесленную деятельность. Поскольку уже в XVII в. силами одной, даже большой, семьи было трудно поставить крупное торговое предприятие, приходилось прибегать к посторонней помощи, в частности, к найму приказчиков и других работников. Сложилась и определенная иерархия наемных работников, верхнюю позицию в которой занимали приказчики. Они подразделялись на три типа:

1) наемное лицо, работающее за годовое жалование (обычно за 30 руб.) и исполняющее определенные торговые поручения;

2) лицо, берущее на себя ведение хозяйственных дел «из прибыли» (как правило, 50%);

3) компаньон и участник в торговом предприятии, который работал бесплатно и при этом брал на себя письменное обязательство не воровать и не злоупотреблять служебным положением (в этом случае обе стороны объединяли свои капиталы, по окончании операции каждый получал обратно свою часть, прибыль же делилась пополам).

Следующую позицию занимали «сидельцы» – работные люди, которые на известный срок поступали во двор к купцу-хозяину, находились в личной зависимости от него и чаще всего они выполняли обязанности «лавочных сидельцев».

Ниже «сидельцев» находились «разносчики», торговавшие не в лавке, а «в разнос» и также на «урочные годы» лично зависимые от хозяина.

Самую нижнюю позицию занимали «люди» – работники, попавшие к предпринимателю не по договору, а в силу личной зависимости от него (иногда дворовых людей покупали у донских казаков).

Основой правового обеспечения деловых отношений в XVII в. оставался «правеж» – провинившихся били прутьями перед приказом. Уложение 1649 г. устанавливало определенную норму отработки долга: год работы мужчины оценивался в 5 руб., женщины – в 2,5 руб., ребенка – в 2 руб. Получила распространение и такая форма погашения долга, как отдача в «зажив», т.е. должник попадал в личную зависимость от купца.

При получении денег в долг устанавливались проценты по ссудам. Согласно указу 1626 г. было разрешено их взимание в размере 20% только на протяжении пяти лет, пока процентные платежи не составят полученную сумму. Уложением 1649 г. были вообще запрещены процентные ссуды. Однако это правило зачастую обходилось: при выписке «кабалы» (долгового обязательства) к сумме долга заранее приписывались проценты. Статья Уложения, запрещающая процентные ссуды, формально сохраняла силу более 100 лет [28]. Лишь в 1754 г. Манифестом императрицы Елизаветы Петровны была установлена предельно допустимая ставка в 6%.

Подъем городской торговли в XVII в. был обусловлен не только вовлечением в нее тяглового, т.е. платящего государственные налоги, населения посадов, но и активным проникновением на городской рынок жителей «белых» слобод и крестьян. Рост конкуренции со стороны последних вызывал все большее недовольство посадских людей. Поэтому Уложением 1649 г. «пашенные» крестьяне были лишены права заниматься торговой деятельностью в Москве и должны были продать свои заведения посадским жителям. «Белые» слободы были ликвидированы, а их жители

вошли в состав посадской общины. Тем не менее, крестьяне, пользуясь покровительством своих господ, продолжали вести оптовую и розничную торговлю.

Таким образом, торговое население России в XVII в. не представляло единого сословия и активно пополнялось, в основном за счет торгующего крестьянства.

Активное развитие торговли обусловило переход властей к политике меркантилизма, в соответствии с которой торговля рассматривалась как главный источник общественного богатства, которым считался денежный капитал. Государство всячески поощряло внешнюю торговлю в целях накопления золота и серебра за счет преобладания вывоза товаров над ввозом. Однако этому препятствовала политика, проводившаяся властями начиная с XVI в., вследствие которой главные доходы от внешней торговли доставались не российским, а иностранным купцам, в руках которых находились ввоз и вывоз товаров из страны [31].

Имея значительные привилегии и располагая большими, чем у русских купцов, капиталами, иностранцы притесняли русских торговцев не только на внешнем, но и на внутреннем рынке: так, англичане через свои торговые дворы, имевшиеся почти во всех крупных городах России, скупали экспортные российские товары и продавали их другим иностранным купцам в Архангельске. Русские купцы неоднократно подавали на имя царя челобитные, прося оградить их от конкуренции иностранцев на внутреннем рынке. Но лишь при правлении царя Алексея Михайловича началась отмена этих привилегий: в 1646 г. была отменена беспошлинная торговля для англичан; в 1649 г. они были лишены свободы торговли внутри страны; в 1653 г. был принят Торговый устав, который

вместо множества торговых пошлин («мостовой», «явочной» и др.) устанавливал единую пошлину в размере 5% цены продаваемого товара, для иностранных купцов – 6%. Кроме того, Соборное уложение 1649 г. ограничило продажу московских домов иностранцам, а в 1652 г. царь вновь повелел иностранцам селиться за пределами города [31].

В 1667 г. был принят Новоторговый устав, автором которого стал А.Л. Ордин-Нащекин – дипломат и, по словам В.О. Ключевского [31], самый замечательный из московских государственных людей. Ратуя за всемерное развитие частной торговли, разумную европеизацию России, он во многом предвосхитил замыслы Петра I. Новоторговым уставом ставились общие условия торговли с иностранцами в масштабах всего государства. Теперь иностранные купцы, продавая привезенные товары в Архангельске и приграничных городах, должны были платить таможенную пошлину в размере 5% с оборота товаров, продаваемых на вес, и 4% - с оборота прочих товаров. Те иностранцы, которые имели особое разрешение на торговлю в Москве и других внутренних рынках России должны были платить дополнительно 10%-ю «проезжую» пошлину со стоимости товаров, плюс еще 6% – на месте. Всего, таким образом, иностранцы платили теперь более 20% пошлины, то есть в три-четыре раза больше той суммы, которую платили российские купцы. При этом они могли торговать в России только с русскими оптовиками и не имели права заниматься розничной торговлей. Тот факт, что столь высокими оказались именно внутрироссийские тарифы, доказывает, что предназначались они для защиты интересов именно россиян [31].

Расширение российской внешней торговли привело к притоку серебряных денег и значительному увеличению спроса на продукты

ремесленного производства, сырье и полуфабрикаты для европейской мануфактурной промышленности. Это стимулировало дальнейшее развитие товарного производства, накопление торгового капитала и постепенное образование всероссийского рынка. Особую роль в формировании этого рынка играли ярмарки. Будучи центрами оптовой торговли, они привлекали купцов из многих районов страны. В XVII в. цепь ярмарок протянулась с востока на запад, экономически связывая государство воедино. Наиболее крупными были имевшие значение всероссийских: Ирбитская ярмарка в Западной Сибири, Макарьевская - у Нижнего Новгорода, Московская, Свенская - у Брянска и Архангельская ярмарки [40].

Внешнеторговые связи Русского государства и русского купечества в XVII в. шли по трем основным направлениям. Прежде всего, через Архангельский порт. Его товарооборот в середине века достигал 75% всего внешнеторгового оборота страны. К тому же это был единственный морской порт, оставшийся у России. Торговые операции между русскими и иноземными купцами осуществлялись на Архангельской ярмарке, которая сначала функционировала только по летним месяцам, а с 1679 г. стала бессрочной. К концу XVII в. в Архангельске был возведен двухэтажный каменный гостиный двор, где располагались как русские, так и иностранные купцы [14].

В XVII в. деловые отношения с Россией поддерживали 644 нидерландских, 319 английских и 210 гамбургских купцов и их приказчиков. Русское правительство особенно дорожило отношениями с Нидерландами, принимая во внимание исключительную роль этой страны в удовлетворении казенной надобности в пушках, ружейных стволах,

пищалых, пистолетах, порохе, ядрах, алебардах и другом военном снаряжении и военных припасах. Что касается английских купцов, то их привилегии на право беспошлинной торговли на всей территории страны, дарованные еще в XVI в. Иваном Грозным, в середине XVII в. были окончательно отменены.

Именно голландские купцы стали важнейшими торговыми партнерами России, о чем свидетельствуют записи об импорте в порт Архангельск: «В 1604 г. в устье Северной Двины прибыло 29 торговых судов: 17 голландских, 9 английских и 3 французских. Общая стоимость привезенных товаров составила 105344 рубля, причем на долю голландцев пришлось 55% импорта, 40% приходилось на англичан и 5% - на долю французов» [14].

Причина подобной активности голландцев заключалась в том, что они, в отличие от англичан, которые экспортировали в основном английскую продукцию, прежде всего шерстяные ткани, занимались международной посреднической торговлей, т.е. поставляли те товары, на которые имелся спрос. Это означало, что в России они могли предложить гораздо более широкий ассортимент товаров, чем англичане. Голландцы поставляли на российский рынок практически все шерстяные ткани дорогих сортов, 91% жемчуга, 93% золотых и серебряных нитей и 70% пряностей. Англичане поставляли в основном набор товаров собственного производства, куда входили дешевые сорта шерстяных тканей и цветные металлы, такие как медь и свинец, а также олово [28].

Ассортимент товаров, закупаемых голландцами, был также обширнее того, что закупала Московская компания, и это тоже способствовало более выгодному положению голландцев на российском экспортном рынке по

сравнению с англичанами. Московская компания закупала в России преимущественно веревки, лен, сало, кожи, меха и воск, а кроме того, ворвань, свиную щетину и слюду. Голландцы, помимо тех же товаров, закупали еще пеньку, икру, поташ, добытую из древесной золы щелочную соль, которая использовалась, в частности для отбеливания льняного полотна, а также зерно и шелк-сырец из Персии [28].

В результате роста голландской торговли резко возросли и масштабы российского экспорта, идущего через порт Архангельск. Если в 1604 г. экспорт составил почти 149 тыс. рублей (1,1 млн. гульденов), то в 1642 г. – уже 430 тыс. рублей (2,3 млн. гульденов), то есть вырос более чем в два раза, как в рублевом, так и в валютном исчислении [31].

Вторым направлением внешней торговли было западное направление, представленной такими городами как Новгород, Псков, Смоленск и Тихвин.

Восточная и южная торговля шла через Астрахань, которая осуществляла коммерческие связи со Средней Азией, Персией, Индией, Китаем. Объемы экспорта и импорта товаров этих двух направлений в XVII в. значительно уступали торговле, производившейся через Архангельский порт.

В целом содержание внешнеторговых обменов в XVII в. по сравнению с предшествующим периодом существенных изменений не претерпело. Экспортировалось по-прежнему сырье и полуфабрикаты. При этом важнейшие российские товары, меха и юфть (говяжья шкура высокого качества), могли, как правило, экспортироваться без ограничений.

Однако экспорт многих других продуктов подвергался регламентации. Смола, поташ, ворвань, икра, шелк-сырец, ревень, пенька и

зерно являлись так называемыми заповедными товарами и могли вывозиться лишь от имени царя либо по его специальному разрешению. Торговлю некоторыми из заповедных товаров царь отдавал на откуп. Откупщики, чаще всего иностранцы, получали после уплаты откупной суммы монополию на экспорт соответствующего продукта на срок от пяти до десяти лет [41].

Что касается импорта, то он, по-прежнему, состоял из серебра, украшений, тканей, металлов, специй, вина, москательных товаров. Важной статьей импорта в XVII в. становится огнестрельное оружие (мушкеты, карабины, пистолеты) и порох. Серебро доставлялось частично в виде слитков, частично в монете (ефимки). Ассортимент тканей был весьма разнообразен и состоял, в частности, из сукон и шелковых материй, сатина, бархата, позументов и шелка для обивки стен. Сукно среди всех товаров занимало первое место, далее шли металлы, прежде всего, медь, на долю которой приходилось от 15 до 20% от всех товаров, привозимых в Архангельск [28].

В XVII в. дальнейшее развитие получает мануфактурное производство – происходит переход от мануфактур рассеянного типа к мануфактурам, основанным на разделении труда, где хотя и преобладал ручной труд, но уже применялись различные механизмы, приводимые в основном силой падения воды (молоты, сверлильные станки и т.д.). Мануфактуры организовывались для обслуживания казенных нужд – удовлетворения разнообразных потребностей государства, прежде всего в производстве оружия для армии. Большая часть мануфактур в то время принадлежала государству; именно они стали основой развития государственного промышленного предпринимательства.

В XVII в. мануфактурой становится московский Пушечный двор, насчитывавший в 30-е гг. порядка 140 работников разных специальностей, перечень которых свидетельствует о разделении труда, характерной для этой формы производства. Мануфактурой стала также Оружейная палата, где в 1680-е гг. было занято более 300 мастеров. Казне принадлежали Измайловский и Воскресенский стекольные заводы в подмосковных селах, производившие оконное стекло, аптечную и столовую посуду, а также полотняная мануфактура Хамовный двор и две мануфактуры в Ярославском уезде. На них использовался подневольный труд «приписных» крестьян, а продукция поступала в распоряжение дворцового ведомства или казны [44].

Кроме названных мануфактур, работали еще Золотая и Серебряные палаты, которые производили золотые и серебряные вещи для царского двора, Денежный двор, государству в основном принадлежали поташные промыслы, медноплавильные заводы в Онежском крае и т.п.

Ряд мануфактур в XVII в. был основан иностранцами: например, Тульско-Каширские и Олонецкие заводы – голландцем А. Виниусом и его компаньонами, которые, согласно царской грамоте, полученной в 1632 г., должны были выполнять заказы казны, а уже затем продавать свою продукцию повсюду в России и беспошлинно вывозить ее за границу. Тульско-Каширские заводы производили для казны пушки, ядра, мушкетные стволы, шпажное железо, а для продажи на внутреннем рынке – сохи, замки, якоря, лопаты, мотыги и т.п. При этом квалифицированную работу выполняли иностранные и русские наемные мастера, а для подсобных черных работ к заводам «приписывали» дворцовых и государственных крестьян [28].

Построенный А. Виниусом и компаньонами завод стал первым железоделательным предприятием, работающим на энергии воды. Завод состоял из трех парных комплексов железоплавильни и дробильни, каждый комплекс имел собственную запруду для поддержания силы падающей воды на водяных мельницах. В марте 1636 г. Виниус поставил царю первую партия в 101 пуд прутового железа и 42 пуда листового железа, и уже вскоре заводы перешли к производству пушек. К 1638 г. производство было запущено на полную мощность. В 1647 г. на Тульских заводах работал 21 иностранец: плавильщики, формовщики, литейщики, кузнецы и углежоги.

Однако компаньоны не полностью выполняли свои обязанности по поставкам государству, но экспортировали большое количество пушек в Голландию: в 1646 г. более 600, в первые месяцы 1647 г. – около 360 штук. В результате в марте 1647 г. правительство царя Алексея Михайловича конфисковало Тульские заводы и передало их боярину Г. Пушкину [28].

Заводы Виниуса были не единственными предприятиями иностранцев. Например, швед Койет основал Духанинский стекольный завод в 40 верстах от Москвы; в районе Ярославля появилась полотняная мануфактура голландского купца Я. Томеса; голландский купец Карел дю Мулен основал завод в Холмогорах, производивший более тысячи пудов канатов ежегодно [28].

Всего в России на протяжении XVII в. действовало до 30 мануфактур, но из них стабильно работали не более 15 – свободные деньги купцы предпочитали вкладывать не в промышленность, а в торговлю, так как торговая прибыль была по-прежнему гораздо выше промышленной [61].

Тем не менее, все активнее начало развиваться и частное отечественное промышленное предпринимательство. Так, в 1694-1695 гг.

был заложен Тульский завод Н.Д. Демидова, ставший первым крупным предприятием с полным металлургическим циклом [66]. Пример успешного сочетания феодального хозяйствования, служения государю и развития частного промышленного предпринимательства являет собой Б.И. Морозов – один из крупнейших феодалов своего времени.

О боярине Б.И. Морозове современники говорили, что у него жажда золота была «как обыкновенно жажда пить». Огромное хозяйство Морозова являло собой пример товарной направленности практически всех его звеньев, будь то сельское хозяйство, промыслы или промышленное производство. Вотчины Морозова насчитывали 9 тыс. крестьянских дворов более чем в 300 селах и деревнях. Будучи свояком царя Алексея Михайловича (мужем сестры царицы), он управлял делами русского государства и возглавлял четыре важнейших приказа, в том числе Приказ большой казны – главное финансовое ведомство государства [5].

Ведущее место в промышленной деятельности Морозова занимало изготовление поташа, применявшегося при производстве канатов и различных красителей: около 30 Морозовских предприятий, выпускали 56% производимого в стране поташа (до 80-90 тыс. пудов в год) и обеспечивали владельцу ежегодный доход от продажи этого товара до 180 тыс. руб. К тому же царский родственник добился права беспошлинного провоза поташа с его предприятий до Архангельска. После смерти Б.И. Морозова его поташные заводы частично отошли к дворцу.

Помимо этого Морозов занимался металлургическим производством: под Звенигородом он построил железоделательный завод, в котором, по-видимому, имелась доменная печь. Хотя сведений о выпуске продукции с этого завода нет, но при нем находилось 50 дворов для «мастеровых и

рабочих людей», что свидетельствовало о достаточно значительном производстве. Действовали в имениях Морозова и винокуренные заведения, где перерабатывалось зерно, поступавшее из его вотчин [5].

Характерно, что поташное, металлургическое и винокуренное производства Морозова были тесно связаны с государственным хозяйством. Поташ производился для нужд государства, винокурение обслуживало казенную питейную монополию, а металлургические заводы изготавливали оружие для армии. Морозову принадлежали также кирпичные и кожевенные заведения, мукомольные мельницы и рыбные промыслы. Промышленное предпринимательство боярина сочеталось с оптовой торговлей. Он не только продавал хлеб, полученный из своих владений, но занимался скупкой и перепродажей зерна и других сельскохозяйственных продуктов, вел экспортную торговлю хлебом и кожей.

В пределах вотчин Б.И. Морозова находились крупные торгово-промышленные села Лысково и Мурашкино, по своим размерам, числу жителей и уровню производства превосходившие многие города России того времени [5]. Б.И. Морозов самый известный представитель знати, занимавшийся предпринимательством, однако, помимо него промышленным и торговым предпринимательством занимались князья Милославский, Черкасский, Одоевский, Ромодановский и др.

На путь промышленного предпринимательства в XVII в. встало и купечество. Наиболее знатными в этой иерархии являлись именитые люди Строгановы, далее шли гости, которых к концу XVII в. насчитывалось 34, далее следовали торговые люди Гостиной (158 человек) и Суконной (116 человек) сотен [1].

Следующими «по рангу» шли посадские торгово-промышленные люди. Многие из «лучших» посадских людей вели значительные торговые операции, владели заводами и винокурнями и т.д.

На путь купеческого, торгово-промышленного предпринимательства вставали и отдельные ремесленники, принадлежавшие большей частью к посадским людям, а иногда и крестьянам.

Таким образом, особенностью предпринимательской деятельности в Московской Руси XIV-XVII вв. была постепенно возрастающая в ней роль государства. На службу ему в XVII в. были поставлены высшие категории торговых предпринимателей, при этом государство усиленно вмешивалось в сферу внешнеторговых отношений. Торговля некоторыми товарами (хлебом, пенькой, поташом) оставалась монополией государственной казны. Что касается промышленного предпринимательства, то оно в основном зарождалось в рассматриваемый период как государственное. Но немало примеров, когда государство, видя необходимость в развитии промышленного предприятия вкладывало капитал в частые. Это мы видим на примере металлургических и железоделательных предприятий Н.Д. Демидова, Б.И. Морозова, кирпичного завода Н. Светешникова и др. Следует отметить, что и в наши дни актуальным является государственно-частное партнерство и тому служит ряд работ, посвященных данной теме [64; 68].

При этом частное или иностранное предпринимательство было связано с государственным хозяйством, обслуживало его нужды и действовало в его интересах. Господствующее положение государства в промышленности и других сферах экономики продолжало укрепляться и в последующие периоды.

Вопросы для самоподготовки:

1. В чем заключались особенности мануфактурного производства в России?
2. Какие привилегии были предоставлены Иваном IV купцам Московской компании?
3. Как изменялась иерархия торгового сословия в рассматриваемый исторический период (XIV-XVII вв.)?
4. В чем заключались особенности формирования денежной системы в России?

Глава IV. Предпринимательство во времена правления Петра I

4.1. Реформы Петра I

В XVIII в. границы России продолжали расширяться. В первой четверти столетия в ее состав вошли земли, открывавшие широкий доступ к Балтийскому морю: побережье Финского залива, Эстляндия, Лифляндия, часть Карелии. Позднее, ближе к середине века, к России отошла часть земель Казахстана и, наконец, в последней трети века были присоединены Южная и Правобережная Украина, Белоруссия, Литва, Курляндия, Новороссия и Крым; был установлен протекторат над Грузией. Именно в XVIII в. русские морские экспедиции открыли Аляску и Алеутские острова, где были основаны восемь факторий, начавших освоение этого края.

В результате этого политико-географическое положение России коренным образом изменилось. Была преодолена ее относительная изолированность, она получила непосредственный доступ сначала к Балтийскому, а потом и к Черному морям, странам Центральной Европы, Балканам, Кавказу и Средней Азии. Тем самым были созданы важные предпосылки для активного включения России в международные политические и экономические отношения, для дальнейшего расширения ее влияния.

Увеличение территории и соответственно населения государства являлось важнейшим условием его дальнейшего развития. Приобретение новых земель имело огромное экономическое значение, новые морские порты дали мощный импульс развитию торговли. Численность населения с 1719 по 1795 г. выросла в 2,4 раза – с 15,5 до 37,2 млн. человек [32].

Успешными были начинания, связанные с развитием путей сообщения. На Балтике возник новый крупный порт – Санкт-Петербург, куда в 1724 г. приходили 240 иностранных судов с товарами. В 1703 г. для соединения Санкт-Петербурга с бассейном Волги началось сооружение Вышневолоцкого канала, движение по которому было открыто в 1709 г.; в 1718 г. было начато сооружение обводного Ладожского канала. Льготы и поощрения были предоставлены портам Риги, Выборга и др. На Котлине было начато строительство торгового порта для стоянки военных и торговых судов [32].

Принимались меры к развитию сухопутной торговли, а также торговли по Волге и Каспийскому морю со Средней Азией и Ираном. Особое значение для развития внутреннего рынка приобрели новые транспортные магистрали – Мариинская и Тихвинская водные системы.

Новый импульс был дан развитию контактов России с западноевропейскими странами. В страну потянулись сотни иностранных предпринимателей, в большинстве своем выходцев из стран Западной Европы. Количество иностранных купцов по сравнению с XVII в. значительно увеличилось. Общее число торговых иноземцев, деятельность которых отмечается в России с 1693 по 1726 гг. составила порядка 540 человек. Подавляющее большинство среди торгующих в России западноевропейских купцов составляли представители 3-х стран: Англии, Голландии и Германии, порядка 400 человек или 75% всех западноевропейских купцов [18].

Во время Северной войны иностранные купцы приняли участие в организации заводов, в частности по производству пороха. Так с 1708 г. монопольное право на производство пороха получил англичанин

А. Стейлс, который имел два пороховых завода на реке Клязьме. В Москве была организована полотняная мануфактура, принадлежавшая голландскому купцу И. Тамесу [18].

Всего более чем 10-летний стаж торговли в России имели 125 западноевропейских купцов. В отношении иностранного купечества существовало специальное законодательство. В частности, регулировались вопросы их въезда и выезда из страны. Доступ иностранцев в Россию при Петре I, в принципе был свободным и даже поощрялся. Однако выезд иностранных купцов, особенно тех, кто достаточно давно работал в стране, регламентировался достаточно строго [25].

Иностранным купцам запрещалось держать у себя дома товары, тем более торговать в розницу. Для оптовой торговли и хранения товаров строились специальные иноземные гостиные дворы, которые предоставлялись за отдельную плату в аренду.

Петр I, заинтересованный в поставках оружия и военного снаряжения из-за рубежа, а также в увеличении доходов казны, предоставил некоторым иноземным купцам привилегии на закупку на внутреннем рынке экспортных товаров (льна, пеньки, щетины, мачтового леса). Когда миновал наиболее напряженный период Северной войны, большинство подобных привилегий, полученных иностранцами, было отменено [25].

XVIII столетие – это время реформ, кардинально изменивших уклад российского государства. Однако они явились естественным продолжением и углублением процессов, начатых в предшествующую эпоху. Происходило дальнейшее усиление роли государства во всех сферах жизни общества, в том числе и в экономике. Повышенное внимание государственной власти к экономическим вопросам объяснялось

сложившейся на европейском континенте военно-политической обстановкой.

XVII-XVIII столетия – это период почти непрерывных войн, заставлявших правителей всех стран содействовать развитию в них тех отраслей промышленности, которые обеспечивали военное могущество и политическую стабильность государства. Россия в этом смысле не являлась исключением. Северная война, продолжавшаяся более 20 лет (1700-1721 гг.), войны с Турцией (1695-1696 и 1711 гг.) и Персией (1722-1727 гг.), а также внутренние стрелецкие мятежи и народные восстания вынуждали Петра I проводить реформы в интересах армии, причем специфически «российским» способом – с использованием силы и принуждения.

В условиях войны и реорганизации армии потребовалось проведение финансовой реформы, которая на первом этапе в основном свелась к реформированию налоговой сферы, увеличению количества налогов, а также к монополизации выгодных статей сбыта. Острая нужда в деньгах заставила Петра I использовать внутреннюю торговлю в качестве важнейшего источника государственных доходов. Торговля облагалась разными налогами, что не могло не сдерживать ее оборота. Продажа части товаров на внутреннем рынке была объявлена государственной монополией. К ним относились соль, табак и другие товары, торговля которыми нередко отдавалась на откуп отдельным купцам, монастырям или производилась непосредственно казенными учреждениями [21].

После введения в 1705 г. монополии на соль ее цена для потребителей выросла вдвое. В результате введения монополии на табак прибыль государства выросла в восемь раз. Особое значение для казны имела монополия на продажу товаров за границу. Введение монополии на

«заповедные товары» практиковалось и в XVII в., но при Петре I государством была монополизирована продажа практически всех товаров, которые русские купцы везли за рубеж или продавали в Архангельске иностранцам. Казенной монополией стала продажа железа, парусного полотна, мачтового дерева, а также традиционных для внешней торговли товаров – юфти, пеньки, льна, сала, воска, мела, дегтя и т.п. Более того, можно было пострадать и за продажу товаров, которые формально не являлись объектами государственной монополии, но частная реализация, которых в силу ряда причин не поощрялась государством. Например, за торговлю русским платьем купцам грозили наказание кнутом, конфискация и каторга [21].

Петр I сумел добиться активного баланса во внешней торговле – превышения вывоза отечественных товаров (экспорта) над ввозом иностранных (импортом), что, безусловно, способствовало укреплению экономики государства. В 1726 г. объем российского экспорта составил 4,3 млн. руб., а импорта – 2,1 млн. руб. [45].

При Петре I было положено начало биржевой торговле. В заложенном в 1703 г. Санкт-Петербургском Гостином дворе было отведено место для собрания торговых людей, а в 1704 г., как указывают источники, «первый английский корабль был приведен к бирже». В 1705 г. для нее построили специальное здание, и Петр I предписал «приневолить купцов идти на биржу». Указом Сената 1723 г. определялись структура и организация деятельности бирж, способы получения информации о ценах на российские и зарубежные товары. Этим же указом учреждались биржевые институты: маклеры во главе с гофмаклером, аукционисты, браковщики и биржевые артели. Ранее, в изданном в 1721 г. Регламенте Главного магистрата

предписывалось: «В больших приморских и прочих купеческих знатных городах, со временем же в удобных местах, недалеко от ратуши, по примеру иностранных купеческих городов, построить биржи» [21]. Но старания Петра I полным успехом не увенчались. Своим окончательным становлением биржевое дело было обязано политике экономического либерализма Екатерины Великой.

Петровские реформы в области торговли явились сильным потрясением для купцов, прежде всего для привилегированной и состоятельной их части – «гостей», оправиться от которого они так и не смогли. Разрушались налаженные пути движения товаров за границу, особенно после переноса центра морской торговли из Архангельска в Санкт-Петербург, резко менялись условия и структура торговли, пересматривались прежние, традиционные для Московской Руси, нормы взаимоотношений крупного купечества с государством. В результате, если в 1705 г. среди «гостей» насчитывалось 27 фамилий, то уже в 1713 г. – всего десять, а во второй четверти XVIII в. их осталось только пять. Все это привело к ликвидации самого института «гостей» [6].

Значительно уменьшилась численность и другой привилегированной группы купечества – представителей Гостиной сотни. По имеющимся данным, к 1717 г. из 226 состоявших в ней человек только 104 сохранили причастность к торговле и промыслам, остальные изменили сословную принадлежность: оказались в солдатах, монашестве, подьячих, денщиках [6].

Однако активное вмешательство властей в деятельность купечества имело для торгового населения неоднозначные последствия. С одной стороны, переселение купцов и ремесленников в новую столицу Санкт-

Петербург в целом негативно отразилось на купечестве и оказалось для него крайне разорительным, поскольку каждый торговый дом имел свой район деятельности, а переселение нарушило сложившиеся деловые связи. На новом месте все приходилось начинать заново, а обстоятельства не всегда складывались удачно. С другой стороны, в правление Петра I конкуренцию купцам сначала на внутреннем, а потом и на внешнем рынке начали составлять крестьяне. Указ 1699 г. разрешил дворцовым крестьянам записываться в города и посады, что способствовало появлению купцов нового типа.

Правда, некоторые ограничения для крестьянского предпринимательства были введены в 1714 г., а в 1722 г. Петр I более четко определил порядок переезда крестьян в посады и перехода в купечество, разрешив записываться только тем, кто имел в посадах дома, лавки и заводы. Эти крестьяне обязаны были платить прежние налоги – подушные деньги, а также подати своим прежним владельцам. Крестьяне, пожелавшие записаться в купеческое сословие, должны были обладать определенным капиталом: от 300 руб. и выше для записи в городское купечество и от 500 руб. и выше – в купечество, имевшее право вести торговлю в портах. Наличие таких капиталов следовало доказывать специальными таможенными записками. Дворцовым крестьянам для перехода в городское сословие необходимо было получить разрешение от Главной дворцовой канцелярии [21].

Первые единичные случаи перехода дворцовых крестьян в купечество относятся к 1710 г., однако с 1722 по 1728 г. эта практика стала регулярной, что, безусловно, способствовало увеличению общей численности городского купечества. По разным оценкам, численность посадских людей,

которые имели право заниматься предпринимательством, с 1719 по 1762 г. выросла с 295,8 тыс. до 321,6 тыс. лиц мужского пола, причем основную массу (68,2%) составляли купцы третьей гильдии, т.е. выходцы из крестьян. В целом удельный вес купечества среди податного населения оставался незначительным – не более 2,5% [45].

Стремление к регламентации общественной жизни, в том числе экономической, нашло отражение в царском Указе от 16 января 1721 г., определявшем правовое положение купечества. В соответствии с ним все городское население, за исключением иностранцев, дворян, духовенства и «подлых людей» (чернорабочих, поденщиков и пр.) разделялось на две гильдии. К первой были отнесены банкиры, знатные купцы, городские доктора, шкиперы купеческих кораблей, золотых и серебряных дел мастера, живописцы. Во вторую гильдию вошли все торговцы мелочными товарами и харчевыми припасами, а также ремесленники. В третий разряд, который не назывался гильдией, были включены чернорабочие, лица наемного труда. Указ устранял монополию купечества на ведение торговли, которой оно пользовалось со времен Соборного Уложения 1649г. Торговлей теперь разрешалось заниматься лицам «всякого звания», за исключением военных, а ранее изданный Указ о единонаследии 1714 г. прямо рекомендовал младшим сыновьям дворянских фамилий заниматься торговой деятельностью [21].

Купцы, записанные в гильдии, получили ряд весьма серьезных льгот, положивших начало их выделению в новое привилегированное сословие. Таким образом, на «обломках» прежних купеческих корпораций возникает новый предпринимательский слой – гильдейское купечество, что свидетельствует не только о наличии деловой активности в стране, но

также о дальнейшем ее развитии. Однако эти успехи, по выражению В.О. Ключевского, «были несоразмерны со стоимостью их достижения и с потраченными на них жертвами» [31].

Одним из идеологов Петровских реформ являлся И.Т. Посошков, который входил в «Ученую дружину» при Петре и подготовил ряд проектов, в частности: «О денежном деле». Особенно высоко И.Т. Посошков оценивал социальное значение купечества, утверждая, что без торгового сословия ни одно «царство состояти не может» [18].

Активное вмешательство властей в деятельность купечества имело для него неоднозначные последствия. Монополизм и привилегии заметно сужали пространство для свободной конкуренции, поиска новых форм деловой активности и формирования рынка наемной рабочей силы. Вместе с тем эти же факторы способствовали укреплению положения наиболее удачливых и «указных» торговых предпринимателей.

Главным промышленным предпринимателем в петровскую эпоху, как и ранее, оставалось государство, сконцентрировавшее все свое внимание на создании отраслей, обслуживающих нужды армии. Помимо основных металлургических предприятий, построенных в Тульско-Каширском, Московском и Олонецком районах во второй половине XVII в. и принадлежавших русским и иностранным предпринимателям, в 20-е гг. XVIII в. было сооружено крупнейшее для своего времени железоделательное и металлообрабатывающее предприятие в Екатеринбурге. Оно представляло собой мощный промышленный комплекс, состоявший из разных цехов, где производились сталь, жечь, проволока и т.п. Казенные уральские заводы начала XVIII в. не уступали западноевропейским ни по технической оснащенности, ни по объемам

продукции: если ежегодная выплавка чугуна на английских предприятиях в 1720-х гг. составляла немногим более 17 тыс. пудов, то на уральских – 51,5 тыс. [18].

Начиная со второго десятилетия XVIII в. казенные предприятия учреждаются и в других отраслях, не всегда связанных с военными потребностями. Всего в петровский период (с 1695 по 1725 г.) в стране действовали 205 предприятий, в том числе: 69 металлургических (или около 34% общего числа предприятий), 32 текстильных (17%), 23 лесопильных (11%), 17 пороховых (8%), 10 по выработке стекла и изделий из него (5%) и 6 писчебумажных (3%). В результате этого в первой половине XVIII в. Россия стала единственной страной в Европе, где крупное промышленное производство получило наибольшее развитие. Так, на Сестрорецком оружейном заводе работали 683 человека, к казенному оружейному заводу в Туле были «приписаны» 508 крестьянских дворов, на Казенной мануфактуре в Москве числились 1162 рабочих [6].

Наряду с развитием «чисто казенных» предприятий власти поощряли деятельность частных лиц по сооружению промышленных предприятий и выполнению государственных заказов. Первыми такими предприятиями стали металлургические заводы, построенные еще в 90-х гг. XVII в.: доменный завод Борина под Липецком, доменный и оружейный заводы Избранта и оружейный завод Акинева недалеко от Москвы. Очевидно, что промышленное предпринимательство было более дорогостоящим и рискованным по сравнению с торговым, поэтому предприниматели, выполнявшие государственные заказы, находились в привилегированном положении. Они обеспечивались беспроцентными ссудами, инструментами и необходимой рабочей силой. Власти также практиковали передачу

казенных мануфактур частным лицам, при этом предпочтение отдавалось представителям крупного купеческого капитала – торговым людям Гостиной сотни. Среди владельцев московских мануфактур в 1720 г. можно было встретить представителей Гостиной сотни – Я. Лушникова, И. Култыгина, И. Акинеева и др. В 1723 г. частным лицам были переданы несколько суконных предприятий, с тем, чтобы казна через пять лет уже могла получать изделия отечественного производства. На частных предприятиях производство также велось в крупных размерах [6; 31].

В московской суконной мануфактуре «Щеголина с товарищами» трудились 730 рабочих, в казанской суконной мануфактуре Микляева – 742 человека; московская полотняная мануфактура Тамеса с компанией имела 443 стана и использовала 841 рабочего, а ярославская мануфактура Тамеса и Затрапезного – 172 стана и 180 рабочих; в московской ленточной и позументной мануфактуре компании Евреинова работало до 1,5 тыс. мужчин и женщин. Таких крупных предприятий в Европе не было не только в петровский период, но практически и в течение всего XVIII в. [31].

Государство поощряло создание промышленных компаний, так как крупная мануфактура требовала затраты больших средств, а индивидуальных капиталов для ее создания оказывалось недостаточно. В последнее десятилетие царствования Петра I возникло более 15 компаний, обеспечивающих строительство и содержание мануфактур. Государство в данном случае выступало в качестве банкира и тем самым приобретало право следить за деятельностью компаний. Ни одно ее переустройство, даже незначительное, не могло быть осуществлено без соответствующего донесения из Мануфактур-коллегии. Фабриканты были обязаны доставлять в Мануфактур-коллегию образцы своих изделий, а она устанавливала вид,

форму, цены на товары, которые направлялись в казну и запрещались к продаже в розницу [45].

Однако промышленность в петровскую эпоху не могла функционировать исключительно за счет казенных субсидий. Государство само очень нуждалось в деньгах и не могло оказывать существенную помощь фабрикантам денежными ссудами. Всего при Петре I таких ссуд было выдано казной приблизительно на 100 тыс. руб., тогда как многие предприятия требовали для своего развития огромных капиталов.

Поэтому наряду с жестким контролем и разного рода ограничениями государство активно использовало средства поощрения, включая предоставление различных льгот (монопольные права на продажу тех или иных изделий, долгосрочные беспроцентные ссуды, право беспошлинной торговли, высокие цены при закупке товаров казной). Государство помогало решать и проблему обеспечения производства кадрами. Особую категорию работников мануфактуры составляли «посессионные люди» – работники, прикрепленные к мануфактурам в результате покупки ими земель. Указом Петра I от 18 января 1721 г. частным предпринимателям, для развития вновь создаваемых заводов и фабрик, разрешалось покупать деревни с крепостными крестьянами. При этом специально оговаривалось, что обратная продажа этих деревень была возможна только вместе с заводами. Указом от 18 июля 1722 г. воспрещалось возвращение с фабрик законным владельцам мастеров и учеников, «чьи бы они ни были, хотя бы и беглые» [21].

Для защиты нарождающейся отечественной промышленности государство встало на путь ее ограждения от конкуренции со стороны иностранных предпринимателей. Примером такой протекционистской

политики может служить указ Петра I от 24 июля 1719 г., согласно которому устанавливались стопроцентные пошлины на все товары, ввозимые в Россию. Указом, в частности, предписывалось «продавать иглы во всем Российском государстве, которые делаются на заводах российских купецких людей Сидора Томилина и Панкрата Рюмина» [21].

Значительная поддержка русским предпринимателям была оказана принятием в 1724 г. покровительственного таможенного тарифа, в соответствии с которым размер пошлин, взимаемых с заграничных товаров, находился в прямой зависимости от способности отечественных купцов удовлетворять потребности внутреннего рынка в этих товарах, и составлял от 10 до 75%. С товаров, вывозимых из страны, в большинстве случаев взималась низкая пошлина (до 3 %), а если русские купцы вывозили товары на собственных судах, пошлина снижалась втрое [21].

Льготы, которые государство предоставляло «казенным фабрикантам», способствовали вовлечению в промышленное предпринимательство дворянства. Однако на первых порах подавляющее большинство дворян-предпринимателей составляли ближайшие соратники Петра I. В 1714 г. А.Д. Меншиков соорудил на реке Клязьме парусную фабрику, другие сподвижники Петра I (Апраксин, Толстой, Шафиров) учредили в 1717 г. шелковую компанию. Она получила субсидии от государства на общую сумму более 45 тыс. руб., право беспошлинной продажи своих изделий в течение 50 лет, свободу от податей и постоя и ряд других привилегий [45].

Многие подобные компании, нередко созданные из желания угодить царю, но не имевшие необходимых капиталов и опыта, в скором времени

оказались на грани разорения. То же произошло и с шелковой компанией, в 1720 г. через три года после создания, она была продана купцам.

Петровские реформы во многом продолжали хозяйственную политику предшествующего периода и проводились в русле меркантилизма. Они приобщали Россию к передовым западноевропейским знаниям, опыту, технологиям. Однако в целом продукция российской промышленности петровской эпохи оставалась неконкурентоспособной на европейских рынках, прежде всего из-за ее низкого качества. Вскоре после смерти Петра I в крупной промышленности обозначились кризисные явления. Ряд мануфактур и «дутых» предприятий закрылся, многие из предприятий владели жалкое существование в качестве «подложных», числившихся только на бумаге, пока, наконец, в 1744 г. власти не распорядились закрыть 44 из них из-за плохого качества товаров.

4.2. Предприниматели эпохи Петра I

Пример успешного предпринимательства при поддержке государства являет собой деятельность Никиты Демидова, которому Петр I покровительствовал во всех его начинаниях и инициативах.

Основатель рода – Никита Демидович Антуфьев (1656-1725 гг.), происходивший родом из тульских ремесленников, и его старший сын Акинфий Никитич (1678-1745 гг.), унаследовавший уральские заводы отца, за сорок пять лет (1701-1745 гг.) увеличили свое состояние в 930 раз. Никита Демидов якобы обратил на себя внимание Петра I, подарив ему в 1696 г., во время поездки царя в Тулу, шесть собственноручно изготовленных ружей. Царь остался доволен его работой и пожаловал ему

100 руб., а для расширения дела приказал отвести для него в 12 верстах от Тулы несколько десятин земли. Поощренный царем Демидов устроил там железный завод и начал поставлять в Пушкарский приказ разные воинские снаряды, продавая пуд по 12 коп., в то время как другие заводчики брали за пуд по 25 коп. [5].

Существуют и другие версии начала деловой карьеры Н. Демидова, важно, однако, то, что вся его деятельность проходила под покровительством царя и в основном была ориентирована на удовлетворение потребностей армии, т.е. государственный заказ [39; 41].

В 1700 г. по приказу царя Демидов проверял качество железной руды у реки Невьи в Пермской губернии, после чего обратился с просьбой передать ему казенный Невьянский (Верхнетурский) завод. В 1702 г. по именному указу Петра I этот завод был ему уступлен, т.е. фактически передан во владение. К заводу были приписаны волости и села с более чем 2,5 тыс. крестьян. Демидову предоставлялось право покупки крепостных людей для заводских работ. В свою очередь он обязывался на протяжении пяти лет поставлять железо в казну с тем, чтобы выплатить сумму, потраченную ею на устройство завода. В период Северной войны Невьянский завод снабжал артиллерийскими орудиями русские войска, причем по цене, более низкой, чем это делали другие заводы, что отчасти объяснялось дешевизной используемой рабочей силы, а также постоянным расположением и покровительством деятельности Демидова со стороны Петра I [5;41].

Никита Демидов получил в свое владение и ряд других заводов на Урале, земли в Сибири, где построил несколько медно- и чугуноплавильных заводов. Он имел заводы в Костромской губернии,

производил разработку полезных ископаемых в Иркутской губернии, поставлял Санкт-Петербургскому адмиралтейству корабельный лес из Казанской губернии и т.д. [5].

Чтобы представить масштабы предпринимательской деятельности Демидовых в петровскую эпоху, достаточно сказать, что из 22 металлургических заводов Урала им принадлежали восемь. Эти предприятия не уступали государственным ни размерами, ни объемом выпускаемой продукции. В 1725 г. на заводах Демидова было выплавлено около 370 тыс. т. чугуна, что составляло почти половину его выплавки на казенных и частных заводах России. Никита Демидов умер в том же году, что и Петр I. За четверть века своей интенсивной деловой жизни он стал обладателем огромного состояния с ежегодным доходом до 100 тыс. руб., по тем временам равным стоимости целого завода [18].

Небезынтересна также судьба Рыбной слободы и ее жителей, в чем решающую роль сыграло ее особое географическое положение. Слобода располагалась в самой северо-западной излучине Волги, выше которой река становилась уже мелководной. К Санкт-Петербургу протянулись два крупных притока – Шексна и Молога, один из которых впадал в Волгу непосредственно напротив слободы, другой – 40 верстами выше. Позднее эти притоки станут основами двух больших водных систем – Мариинской и Тихвинской. Здесь, в Рыбной слободе, шла перегрузка товаров, прибывавших с низовий, на более мелкие суда, которые могли проходить по Вышневолоцкой, а затем и по другим водным системам. Судостроение, транспортировка и торговля стали главными занятиями слобожан, оттесняя на второй план традиционный рыбный промысел. К 1711 г. слобода имела

порт, девять пристаней, три гавани для постройки и ремонта деревянных судов.

Постепенно ловцы рыбы превратились в купцов, промышленных предпринимателей, судовладельцев и судостроителей. Теперь их путь лежал не в Москву – с осетрами, белугами, стерлядями, а в Санкт-Петербург – с лесом, железом, хлебом, солью. В руках жителей слободы оказались важные государственные подряды. Поднялись и крепили богатые купеческие кланы, в которые входили наиболее энергичные и предприимчивые люди: Поповы, Тюменевы, Крашенинниковы, Григорьевские. Некоторые из них лично встречались с Петром I. Возникли в Рыбной слободе и первые мануфактуры. Их основателями были Матвей Сергеевич Нечаев с сыновьями Петром, Иваном и Даниилом, бывшие по происхождению крестьянами – выходцами из села Нового дворцовой Юхотской волости Ярославского уезда. Судьбы многих известных предпринимателей петровской эпохи можно проследить и в последующие времена [5; 6].

В целом реформы Петра I, независимо от неоднозначных оценок их результатов, – безусловно, явление значительное в истории России. По мнению историка С.Н. Соловьева, начало XVIII в. – это «своеобразный переход России из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, когда господствует мысль». Самого же Петра I Соловьев считал творцом [45]. В петровскую эпоху государственной властью были приняты многочисленные законоположения и предложены мероприятия, реализация которых благоприятно сложилась на развитии торговли и промышленности, предпринимательства в целом. Реформы вывели страну из экономической стагнации XVII в.,

способствовали значительным сдвигам в ее экономическом, культурном и государственном развитии. Поощряемое государством развитие промышленности способствовало преодолению экономической отсталости России и укреплению ее военной мощи, поставило ее в ряд ведущих мировых держав.

К отрицательным факторам следует отнести возросшее в ходе реформ давление государства на торгово-промышленные слои общества, что привело к сужению сфер функционирования купеческого капитала, ограничению возможностей его накопления и даже к прямому его изъятию. Противоречивость и непоследовательность торгово-промышленной политики государства во многом обуславливались остротой социальных противоречий и столкновением интересов разных сословий общества. Однако социальные противоречия – лишь часть проблемы. Главной целью, которую преследовало государство по отношению к торгово-промышленным слоям российского общества, было увеличение государственных доходов за счет деятельности купечества. И эта цель в основном была достигнута.

Крайне негативно оценивал социальный аспект реформ Петра I В.О. Ключевский, считавший, что все они пошли на пользу государству, но ничего не дали народу. «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозю власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно» [31].

Действительно при Петре государство стало могущественной европейской империей с сильной армией, но это могущество покоилось на обнищавшем и порабощенном народе. Петровская эпоха привела к слиянию в единое сословие крепостных крестьян и холопов, которые стали разновидностью крепостных и потеряли право на получение свободы.

Однако следует заметить, что Петра трудно считать реформатором в современном понимании этого слова, так как он не ставил целью реформировать русскую жизнь. Но те инструментальные методы и социальные механизмы, которые были внедрены Петром I и просуществовали очень долго (например, Сенат и Синод были ликвидированы только после 1917 г.), показали, что главные направления развития он определил, без сомнения, верно.

Меркантилистская идеология, приверженцем которой был Петр I, требовала активизации торгового баланса и преобладания вывоза над ввозом, протекционизма национальной промышленности, расширения рынков сбыта отечественных товаров, перестройки сложившейся торговых купеческих корпораций и т.п. В условиях окружения молодых растущих капиталистических государств необходимо было создать инфраструктуру, которая могла бы обеспечить существование государства в условиях того времени, и эта задача была успешно решена.

Вопросы для самоподготовки:

1. Каковы реформы Петра I?
2. Каким образом Петр I устранил монополию купечества на ведение торговли?

3. В чем заключалась политика поощрения государственного и частного промышленного предпринимательства при Петре I?

4. В какой сфере деятельности сделал свои капиталы Никита Демидов?

5. Каковы объективные экономические результаты деятельности Петра I?

Глава V. Предпринимательство в годы правления Екатерины II

5.1. «Экономический либерализм» Екатерины II

Преемники Петра I продолжили намеченный курс на модернизацию России, ее сближение с Западной Европой. Государство покровительствовало развитию крупной промышленности путем создания дворянских мануфактур, выдачи ссуд и пособий от казны. Постепенно политика «поощрения промышленности» превратилась в политику «поощрения дворянства», отдельных лиц и императорских фаворитов. Наибольший вес в хозяйственной жизни набрало столичное дворянство, разного рода авантюристы, волей случая приближенные к царствующей особе.

Лишь к середине столетия, уже в годы правления императрицы Елизаветы Петровны, государственные власти, озабоченные развитием торговли и промышленности, приняли ряд решений, повлиявших на экономику и имевших огромное значение для становления предпринимательства. В 1747 г. было установлено единообразие в системе мер и веса: на Санкт-Петербургском монетном дворе появились торговые эталоны – золоченый фунт и аршин. В том же году для составления нового таможенного тарифа была создана комиссия, главным результатом деятельности которой стала отмена с апреля 1754 г. внутренних пошлин. Именным указом от 13 мая 1754 г. в обеих столицах были созданы для дворянства государственные Заемные банки при Сенате и Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества при Коммерц-коллегии. В 1755 г. был введен новый таможенный устав, а в 1758 г. с целью облегчения «меры

вексельного производства» указом императрицы в обеих столицах были созданы самостоятельные банки под названием «Банковские конторы вексельного производства для обращения медных денег», более известные как «Медные банки». Все эти меры способствовали развитию внутреннего рынка России. Однако банковское, как и биржевое, дело стало успешно развиваться лишь с момента восшествия на престол Екатерины II, сумевшей превратить Россию в великую европейскую державу.

По выражению В.О. Ключевского, царствование Екатерины II (1762-1796 гг.) – это целая эпоха нашей истории. А значение любой исторической эпохи лучше всего оценивается тем, насколько в этот период увеличились или уменьшились материальные ресурсы общества и насколько улучшились или ухудшились условия жизни народа. Что касается материальных ресурсов, то они существенно увеличились. В царствование Екатерины II территория государства почти достигла пределов, в которых она затем оставалась вплоть до 1917 г., причем из 50 губерний, на которые была разделена Россия, 11 были приобретены именно в этот период, в том числе три новые губернии были образованы на юге и восемь – на западе страны [31].

Возросла численность населения России: с 19-20 млн. человек в 1762-1763 гг. до 34 млн. в 1796 г., т.е. на три четверти. Пополнились и государственные финансовые ресурсы, которые за указанный период возросли с 16 млн. до 68,5 млн. руб. [35]. Что касается социальной сферы, то здесь ситуация была не столь однозначной. С одной стороны, эпоха Екатерины II – это время усиления крепостничества в России, а с другой – в этот период происходит окончательное оформление дворянства в господствующее сословие, экономически независимое от государства,

свободное от государственной службы, чему в немалой степени способствовала политика «экономического либерализма», проводившаяся во второй половине XVIII в. [35].

В более широком смысле эта политика обычно обозначается в исторической литературе термином «просвещенный абсолютизм». В ее основу были положены идеи французских просветителей того времени. Петр I и его последователи проводили политику меркантилизма, ставя во главу угла сохранение активного баланса внешней торговли, для чего предполагалось поддерживать одни и ограничивать другие отрасли производства, а также активно использовать повышенные таможенные тарифы для поддержки отечественных производителей. Екатерина II как просвещенный монарх видела одну из своих задач в том, чтобы обеспечивать экономический расцвет государства путем подъема благосостояния подданных. Решить эту задачу прежними политическими и экономическими методами было невозможно.

На смену меркантилизму пришла концепция физиократов, признававших источником богатства исключительно природу, при содействии которой только и можно получить «чистый продукт». Важнейшим элементом данного построения являлась идея абсолютной ценности частной собственности, свободной конкуренции и свободы внешней торговли. В вопросах экономической политики Екатерина II разделяла взгляды физиократов, о чем свидетельствует содержание ее записки «Рассуждения о мануфактурах». Нельзя сказать с уверенностью, что Екатерина II была автором этой записки, но поскольку она объявила о своем полном согласии с изложенными в ней идеями, этот вопрос не столь важен. Кроме того, императрица сделала ряд замечаний к этой записке,

озаглавленных «ремарки», относительно рассматриваемых в ней проблем. И эти «ремарки» также представляют собой важный источник, дающий возможность судить о ее подходе к основным экономическим проблемам [35].

Мнения, высказанные в «Рассуждении...» и «ремарках» к ним императрицы, были основаны на убеждении, что здоровое экономическое развитие должно иметь естественный и стихийный характер. Екатерина II провозгласила принцип «не запрещать и не принуждать»: отныне занятие ремеслами было доступно для каждого. Она подтвердила свое стремление к развитию внутренней конкуренции, ликвидировав учрежденную еще Петром I Мануфактур-коллегию, что согласовывалось с принципиальным требованием императрицы: «Не мешайте предпринимать и не сделайте много учреждений» [35]. В Указе 1780 г. подчеркивалось, что регламент Мануфактур-коллегии был издан в такое время, когда для распространения полезных ремесел и фабрик собственная выгода казалась недостаточно заманчивой, когда государству приходилось бороться с существующими предрассудками путем поощрения предпринимателей. Впредь же всем подданным предоставлялась неограниченная свобода в их торговой и промышленной деятельности.

Экономическая политика Екатерины II включала также отмену казенных монополий. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще при правлении Елизаветы Петровны, когда в интересах торговли дворян продуктами своего сельского хозяйства и крестьянского домашнего ремесла начали отменять монополию казны на торговлю отдельными товарами и прежде всего внешнюю. В 1750-е гг. была разрешена свободная продажа из всех портов и таможен воска, льна, пеньки, поташа, дегтя, клея,

юфти и других товаров, бывших прежде предметами казенной монополии. В 1755 г. были разрешены свободное производство и продажа на экспорт узкого крестьянского холста, запрещенные ранее Петром I, а затем и свободное производство набоечной льняной ткани, шляп, веревок и канатов. Указом от 28 марта 1762 г. (при Петре III) был провозглашен отказ от системы монополий в промышленности и торговле.

Екатерина II продолжила эту политику. Сразу же после вступления на престол ею были разрешены вывоз хлеба за рубеж и свободное производство ситца по всей стране, кроме Москвы и Санкт-Петербурга. В 1763 г. был подтвержден провозглашенный в предыдущее царствование отказ от принципа государственных монополий в экономике. Екатерина подчеркивала, что единственный метод, которым может пользоваться государство для развития промышленности и всей экономики, – это премии и разъяснения.

В годы правления Екатерины II был осуществлен ряд мероприятий по развитию денежного обращения и банковской системы. Особую роль в становлении последней сыграл Ассигнационный банк. Его создание было обусловлено двумя причинами: с одной стороны, интересами казны, связанными, как и при Петре I, с финансовыми затруднениями, вызванными постоянными войнами, а с другой – стремлением дать дополнительный импульс хозяйственной жизни, облегчив денежные расчеты, замедляемые обращением крайне тяжелых и громоздких медных денег. Чтобы обеспечить доверие к бумажным деньгам, в указе об основании банка Екатерина II торжественно дала собственную гарантию обмена ассигнаций на медные деньги [35].

Выпуск ассигнаций начался с 1769 г. Предполагалось, что банки, созданные в Москве и Санкт-Петербурге, в целях размена ассигнаций будут обеспечены медной монетой на 500 тыс. руб. каждый. Однако увеличение расходов вследствие ведения турецких войн подталкивало власти к усиленному производству бумажных денег, что привело к падению их курса. Если в 1777 г. ассигнация стоила 98 коп., в 1780 г. – 87 коп., то в 1794 г. – уже 68 коп.; в конце XVIII в. серебряный рубль обменивался на ассигнации достоинством в 40 коп. [6].

В 1786 г. был учрежден Государственный заемный банк для содействия дворянскому землевладению, «дабы всякий хозяин был в состоянии удержать свои земли, улучшить их и основать навсегда непреременный доход своему дому». Позднее, уже в годы правления императора Александра I, был создан Государственный коммерческий банк. В манифесте (от 7 мая 1817 г.) об его открытии с 1818 г. указывалась одна из главных задач: «открыть купечеству вящие способы к облегчению и расширению оборотов». Однако купечество уже само стало создавать частные кредитные учреждения – банкирские дома и конторы. Тем самым было положено начало еще одному виду частного предпринимательства – банковскому делу. Наиболее успешно этот процесс проходил в Москве и Санкт-Петербурге, в Польше и Прибалтике, на юге страны.

5.2. Купеческое, дворянское и крестьянское предпринимательство

Екатерина II высказывалась не только в пользу свободы экономической деятельности и частной инициативы, она также решительно одобряла либеральный принцип частной собственности: Указ 1780 г.

предписывал, что «принадлежащие частным людям собственные фабрики и мануфактуры не иначе разумеемы были, как собственное имение, которым каждый может свободно распоряжаться, не требуя никакого дозволения от начальства» [35].

Купечество подозрительно относилось к мерам по либерализации торговли и мануфактурного предпринимательства, так как эти меры стали серьезной помехой монополии состоятельного купечества на ведение розничной торговли. Указом от 1782 г. на всей территории России разрешалось иметь при домах лавки и торговать в них. Полученное мелкими торговцами право на устройство лавок при собственных домах заметно ослабило положение крупного купечества, торговавшего товарами в рядах и гостиных дворах по высоким монопольным ценам. Многочисленные новые торговые заведения при домах их владельцев привлекали покупателей относительно низкими ценами. Это обеспечивало ускорение товарооборота, повышало прибыль.

Законодательство Екатерины II в период 1762-1770 гг. существенно улучшало правовое положение крестьянства, так как возможность беспрепятственно торговать и заниматься любыми промыслами благоприятно сказывалась на благосостоянии крестьянского сословия. В то же время эти меры были экономически выгодны и дворянству, поскольку занятие крестьян торговлей, домашними и отхожими промыслами, мануфактурным предпринимательством позволяло ему получать более высокие доходы за счет оброка. В пользу дворянства в 1765 г. винокурение было вновь объявлено дворянской монополией [7].

Впервые частная собственность на землю была введена в России как привилегия дворянства. Екатерина II подтвердила уже существующие

права дворян на поземельную собственность как на подлинную частную собственность и, кроме того, расширила сферу применения этого права. В 1782 г. она издала два закона, которые регламентировали право собственности дворян и помещиков недворянского происхождения на недра земли и воды.

Следующим шагом было признание за дворянством гражданской свободы и гражданского права, что и было зафиксировано в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г. В результате этого в России появилось сословие, за которым признавалась гражданская свобода и члены которого располагали гражданскими правами. Дальнейшая историческая задача состояла в том, чтобы распространить эту гражданскую свободу на все новые группы населения. Такие попытки были сделаны Екатериной II в отношении купечества, которое в сословном отношении стояло ниже дворянства и духовенства. Ущемив экономические интересы купцов, Екатерина II пошла навстречу их желанию выделиться из остальной массы посадского (городского ремесленного и торгового) населения и, получив ощутимые привилегии, приблизиться по своему правовому положению к господствующему дворянскому сословию. Первым шагом в этом направлении было освобождение в 1766 г. купцов от рекрутской повинности, вместо отбывания которой они получили возможность выплаты сначала 360, а затем 500 руб. за рекрута [35].

Следующим шагом стали городские реформы 1775-1785 гг., которые во многом изменили положение российского купечества, сделали его сословием в более строгом значении этого слова и позволили в дальнейшем более четко и точно контролировать его численность и состав. Манифестом 17 марта 1775 г. население городов было разделено на две части –

мещанство и купечество. Дальнейшее развитие эта мера получила в Указе от 25 мая того же года, по которому купцы всех гильдий освобождались от подушной подати. Вместо нее вводился однопроцентный налог с объявленного «по совести» капитала. По размеру этого капитала определялись принадлежность купца к гильдии, а также предоставление прав и льгот при торгово-промышленной деятельности.

Наконец, «Жалованная грамота городам» 1785 г. позволила купечеству окончательно оформиться в качестве самостоятельного сословия. Согласно этой грамоте, каждый в зависимости от объявленного капитала, верхний предел которого был установлен в 50 тыс. руб., мог записаться в гильдию: в первую – при капитале от 10 тыс. до 50 тыс. руб., во вторую – от 5 тыс. до 10 тыс. руб., в третью – от 1 тыс. до 5 тыс. руб. Купцы первой и второй гильдий не могли быть подвергнуты телесным наказаниям, принадлежность к ним повышала социально-экономический статус купцов: они имели право на занятие внутренней оптовой и розничной торговлей, на устройство заводов и фабрик, освобождались от казенной службы [40]. При этом купцам первой гильдии разрешалось торговать не только в России, но и за ее пределами, для чего можно было иметь морские суда, членам же второй гильдии разрешалось иметь только речные суда. Наконец, купцы первой гильдии пользовались преимуществом при получении подрядов и откупов. Сфера деятельности купцов третьей гильдии ограничивалась мелочным торгом, содержанием трактиров, бань, постоялых дворов. В первую гильдию московского купечества вошли 322 человека, во вторую – 2002, в третью – 8153 человека. К концу века в общей массе городского населения России лица, получившие привилегии гильдейских купцов, составляли 31% [39; 40; 42].

Кроме купцов разных гильдий вводилось также понятие «именитый гражданин». По статусу он был выше купца первой гильдии, так как его капитал должен был составлять не менее 100 тыс. руб. «Именитые граждане» получали право иметь загородные дачи, сады, заводы и фабрики.

Образ жизни гильдейского купечества строго регламентировался. Например, купцам первой гильдии позволялось ездить по городу в карете парюю, второй – в коляске парюю, третьей же гильдии запрещалось ездить в карете и впрягать зимой и летом более одной лошади.

В то же время купцы вынуждены были расстаться с мечтой о приобретении подобно дворянам чинов, права ношения шпаги (исключение составлял «именитый гражданин») и других отличий благородного сословия. Российское купечество было лишено такого мощного фактора преемственности, как земельная собственность, поэтому оно, в отличие от дворянства, было гораздо менее устойчиво в генеалогическом плане. Купцам было очень трудно основывать династии, так как ежегодно нужно было доказывать местной администрации свою состоятельность через объявление гильдейского капитала. В этом кроется главная причина частой смены состава купечества и отнесение его к числу полупривилегированных сословий.

В результате сословных преобразований, осуществленных Екатериной II, статус предпринимателей существенно повысился: после опубликования «Манифеста о свободной торговле» 1775 г. и «Жалованной грамоты городам» 1785 г., закрепивших разделение городского населения на купечество и мещанство, купцы, освобожденные от подати, постоя и рекрутской повинности, уже не были «сравнены с мужиком, следовательно, презрительны и беззащитны». А позднее император Александр I в

Манифесте 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» позволял купцам первых гильдий ношение шпаги, составление «Бархатной книги знатных купеческих родов». Император высказал «монаршую любовь» к купечеству, «чьими трудами даруется изобилие и богатство». Однако высшее сословие России – дворянство – испытывало явную неприязнь к торговым предпринимателям: слова «купец», «купчишка» зачастую презрительно звучали в дворянских усадьбах [5].

Результатом проводимой Екатериной II экономической политики стал подъем промышленности и торговли во второй половине XVIII в. Однако ведущим в промышленности XVIII в. по-прежнему оставалось крупное мануфактурное производство. Общее количество мануфактурных предприятий за время царствования Екатерины II возросло с 683 до 2423, т.е. почти в четыре раза, а общая численность занятых на предприятиях достигла 100 тыс. человек. По ряду экономических показателей Россия вышла на передовые рубежи в Европе. Прежде всего, это относилось к металлургической промышленности. Хотя число предприятий металлургии и металлообработки – доменных, молотовых, железоделательных, медеплавильных – увеличилось незначительно (со 182 до 200), но это были уже более крупные и технически совершенные производства. К середине века главным центром русской металлургии стал Урал, оттеснивший на второй план старые районы металлообработки (Тулу, Каширу, Липецк, Олонец и Петрозаводск). В 1770-е гг. Урал давал 65% производства черного металла и 90% выплавки меди по всей России [17].

По объему выплавляемого чугуна Россия в полтора раза превосходила Англию и другие передовые страны Европы, так как уральские домны достигали высоты 13-14 м. (в Западной Европе – 7-8 м.) и ширины - 4 м. В 1779 г. заводчики были освобождены от обязательных поставок металла в казну. Развитие русской черной металлургии стимулировалось не столько внутренним спросом, сколько значительным экспортом железа. На 1780-е гг. пришелся пик металлургического экспорта: в 1782 г. из России было вывезено 3,8 млн. пудов железа при выплавке 8-9 млн. пудов, т.е. около половины произведенного черного металла было продано за границу. В 1793-1795 гг. ежегодный вывоз железа составлял около 3 млн. пудов, далее наметился спад и в вывозе, и в производстве черных металлов. Падение производства железа в конце XVIII – первой половине XIX вв. во многом объясняется тем, что горнозаводская промышленность всецело основывалась на принудительном труде, а это способствовало тому, что цена на железо, в отличие от Англии (где за четверть столетия она понизилась на 60%) и других европейских стран не снижалась. Вывоз русского железа за границу неуклонно сокращался, а его сбыт внутри страны не возрастал [6; 61].

Во второй половине XVIII в. стала бурно развиваться легкая промышленность. Число только текстильных мануфактур – суконных, полотняных, шелковых и др. – возросло за время царствования Екатерины II с 231 до 1082, т.е. в 4,5 раза. Значительная часть продукции шла на экспорт [35].

Конкуренцию купцам в текстильной промышленности составили предприниматели-дворяне. В 1770-е гг., по данным Мануфактур-коллегии, из 305 текстильных предприятий им принадлежали 57, причем на долю

последних приходилось около трети общего оборота. Особенно много было вотчинных суконных производств, тесно связанных с казной. Из 40 основных суконных предприятий 19 принадлежали дворянам. К началу XIX в. из 98 суконных фабрикантов, поставлявших свои изделия государству, к дворянскому сословию принадлежали 74 человека, в то время как к купеческому – лишь 12 [62].

Дворянство не стояло в стороне и от таких «неблагородных», но приносивших большой доход видов деятельности, каковыми являлись винокурение и откуп. Некоторые помещики нажили крупные состояния на винной торговле, тем более что в 1754 г. они получили монополию на производство и продажу вина, а с 1775 г. специальным указом купцам было запрещено винокурение. Во времена Екатерины II возникло много вотчинных мануфактур, опиравшихся на барщинную эксплуатацию крестьян, которые получили наибольшее распространение как раз в винокурении и суконной промышленности. Кроме того, дворянство создавало посессионные мануфактуры, в которых соединялись элементы несвободного и наемного труда. Рабочая сила, земля и недра находились в условной собственности мануфактуры.

Хотя основную массу промышленных изделий, как и прежде, давало мелкое ремесленное производство, но все большее развитие получало не только городское, но и сельское домашнее ремесло. Крестьяне поставляли на рынок холст и полотно, грубое сукно, обработанную кожу и овчину, гончарные изделия и изделия из дерева. Именно в крестьянской среде во второй половине XVIII в. заявили о себе известные в будущем предпринимательские династии Абрикосовых, Расторгуевых, Солдатенковых, Хлудовых и др. [5].

Новым явлением в российской экономике стала крестьянская мануфактура. Государственные и оброчные помещичьи крестьяне, расширяя собственное домашнее производство, начинали нанимать работников или использовали труд многочисленных надомников, покупая для них сырье, ткацкие станы и забирая готовую продукцию. Так, благодаря предпринимательской инициативе крепостных крестьян графа Шереметева возник Иваново-Вознесенский текстильный район. В середине XVIII в. здесь было только пять полотняных мануфактур, а к концу 1780-х гг. – более 50, причем это уже были предприятия новой для России отрасли текстильного производства – хлопчатобумажной [62].

В 1760-х гг. в московской губернии почти 62% крестьян одновременно с земледелием занимались обработкой льна, конопли и бумажной пряжи. Из них в 1770-х гг. 40% работали на рынок. Кроме того, крестьяне производили лопаты, дуги, мочала, рогожи; организовывали столярное, печное, колесное, кирпичное и прочие производства; изготавливали для продажи масло, холст, сукно, бумагу и другие изделия. Возрастание числа отходников, особенно из Московской, Ярославской и Нижегородской губерний, где 10-20% крестьян постоянно находились на заработках, привело к резкому росту городского населения, которое увеличилось за 1724-1796 гг. в четыре раза: с 328 тыс. до 1301 тыс. человек [6].

К концу столетия в предпринимательстве появился новый феномен – «капиталисты» мужики, которых еще называли «крепостными фабрикантами». Часто помещики принуждали крепостных к переходу от земледелия к занятию промыслами, и численность подобных предпринимателей непрерывно увеличивалась. Некоторые крестьяне имели

уже своих собственных крепостных и владели деревнями, купленными, естественно, на имя своих господ, а также содержали по тысяче и более рабочих. Располагая значительными средствами, многие из них «покупали» себе свободу.

Именно так стали свободными представители известных в будущем предпринимательских династий – Коноваловы, Морозовы и др. Отличительная черта крестьянского предпринимательства – работа на внутренний рынок, а также то, что оно во многом основывалось на вольнонаемном труде [41].

В качестве примера можно привести историю династии Прохоровых, основавших в конце XVIII в. фабрику, получившую впоследствии название «Товарищество Прохоровской трехгорной мануфактуры». Родоначальником этой предпринимательской династии являлся Василий Иванович Прохоров. Его отец, Иван Прохорович, принадлежал к монастырским крестьянам Троице-Сергиевой лавры. В 1764 г., когда у монастырей были отобраны вотчины, он освободился от крепостной зависимости и вскоре переехал с семьей в Москву. Чем первое время занимался в Москве Иван Прохорович – неизвестно, но вероятно, что никакого прибыльного и надежного дела он не имел, что и заставило его отдать сына, Василия Ивановича, приказчиком на службу к купцу. Однако уже в 1784 г. он приписался к московскому купечеству и начал самостоятельно заниматься пивоваренным производством, а в 1799 г. заключил договор на устройство в Москве ситценабивной фабрики. С момента появления этой фабрики и ведет отсчет своей деятельности династия Прохоровых, расцвет которой пришелся на следующее столетие.

Подобные биографии имели многие «капиталисты» мужики, начавшие свою предпринимательскую деятельность в эпоху Екатерины II [5; 62].

Создавалась парадоксальная ситуация: крепостная система в России играла немаловажную роль в генезисе капитализма в экономике. К концу XVIII в. крепостничество обрело близкие к рабству формы, барщина увеличилась в 2,5 раза, реальный оброк – более чем в 1,3 раза, крестьян можно было сослать на каторгу, отдавать в солдаты, переселять, продавать без семьи. При этом на рубеже XVIII-XIX вв. происходит законодательное закрепление деловой активности крестьян. Согласно Уставу Санкт-Петербурга от 1798 г., а затем и Уставу Москвы от 1799 г. крестьянская торговля облагалась платой в пользу города – акцизом, что означало ее признание законной. Размер акциза зависел от вида, продающегося в лавках товара, и был довольно высоким – 25, 50, 100 руб. Мелочная торговля тоже облагалась акцизным налогом и тем самым также была узаконена [35].

Однако не стоит преувеличивать предпринимательскую активность крестьянства в целом: в 1766 г. насчитывалось всего 5,5 тыс. торгующих крестьян, что составляло 0,17% податного населения России. И хотя крестьяне-торговцы стали неотъемлемой частью торгового мира России, а некоторые из них по масштабам своих операций не уступали богатейшим городским купцам, в целом положение этой группы населения оставалось весьма тяжелым в течение всего периода правления Екатерины II [35].

В своем стремлении перенести цивилизованные отношения на русскую почву Екатерина II прибегла к практике переселения иностранных колонистов на свободные русские территории. В 1762-1763 гг. она решила заселить колонистами южные, вновь приобретенные пустующие земли.

Приглашенные переселенцы освобождались от повинностей, им предоставлялись земли, ссуды и право свободно заниматься предпринимательской деятельностью. Естественно, не все из вновь приехавших были готовы к активному производительному труду, но были и другие, весьма показательные, примеры.

В 1764 г. к императрице обратилась община христиан-евангелистов из Германии. Это были люди, отличавшиеся трудолюбием и высокой нравственностью. На родине они подвергались преследованиям за свою веру. Им разрешили поселиться в Поволжье и предоставили дополнительные привилегии. Таким образом, появилась колония Сарепта, вскоре ставшая образцовой среди многих ей подобных [27].

Постепенно начинают вырабатываться общие принципы деловой этики предпринимателя, включающие в первую очередь добропорядочность, достижение процветания добронравием и строгостью к себе [71].

Приведем слова, характеризующие «образцового купца», принадлежащие крупному торговцу из Архангельска А. Фомину, сказанные им еще во второй половине XVIII в. «Образцовому купцу» надлежало «быть трудолюбиву, ласкову, обходительну, учтиву, честну, скромну... умеющу говорить красно и порядочно и словом вкрадывающемуся... в людей. Надобно, чтоб бодрость и предприимчивость было его удел; осторожность и быстрота мыслей – его счастье, а довольная опытность и осмотрительность – его подпора. Весьма противоестественну купцу быть лениву или тратить время в излишних забавах». А самым главным А. Фомин считал «честность и непоколебимое держание своего слова» [71].

Многие деловые люди той поры соблюдали нормы честности, верности слову, добросовестности, стремились к завоеванию доброго имени и т.п. Но были среди предпринимателей и те, кто мог обмануть, нарушить обязательства, попытаться получить прибыль несправедливыми и незаконными способами, добиваться успеха с помощью протекции или благодаря выгодному браку. Тем не менее, нерушимость и верность «купеческого слова» всегда были примером подражания для многих предпринимателей [41].

В период царствования Екатерины II предпринимательство сделало новые шаги в своем развитии. Появились его новые формы (дворянское и крестьянское), получили доступ к занятию предпринимательством фактически все слои общества, был законодательно подтвержден правовой статус предпринимателей и т.д. Вместе с тем специфика социально-экономического развития России второй половины XVIII – начала XIX в. состояла в сосуществовании таких антиподов, как экономический либерализм и крепостничество, дворянское и крестьянское предпринимательство, развитие частной инициативы и укрепление дворянства как оплота самодержавия. Все это сдерживало развитие страны. Новые рыночные институты (биржи, банкирские дома и конторы, страховые общества, акционерные компании и т.д.) возникали на крепостной почве. Просвещенный абсолютизм Екатерины Великой нуждался в модернизации.

Вопросы для самоподготовки:

1. В чем заключалась политика «экономического либерализма» проводимая Екатериной II?

2. Какие факторы содействовали росту дворянского предпринимательства?

3. Каким образом Екатерина II решала проблему заселения пустующих земель в Поволжье и на Юге страны?

4. Каким образом изменение экономического и правового статуса купечества стимулировало его социальную активность?

5. Почему купечество оставалось полупривилегированным сословием во времена правления Екатерины II?

Глава VI. Предпринимательство в первой половине XIX в.

6.1. Либеральные реформы и предпринимательство

К началу XIX в. Россия имела громадную территорию, простиравшуюся от Прибалтики до Аляски и продолжавшую расширяться далее – к середине XIX в. за счет присоединения Финляндии, Царства Польского, Бессарабии, Кавказа, Закавказья, Казахстана, Приуралья и Приморья она достигала 18 млн. кв. км. За этот период значительно увеличилась и численность населения – с приблизительно 37 млн. до 69 млн. человек [17].

В это время императорская Россия в политическом и военном смысле достигает своего наивысшего влияния в Европе, особенно после победы над Наполеоном в 1812 г. В ходе заграничного похода русской армии в Европу и восстановления монархии во Франции в 1815 г. Россия заключила Священный союз с Австрией и Пруссией. В дальнейшем к нему присоединились большинство монархий Европы, кроме Англии. Священный союз до 1830 г. был главным органом военно-политического регулирования внутриевропейской политики, а Россия играла в нем ведущую роль.

Если в политическом отношении положение России в первой половине XIX в. было достаточно прочным и стабильным (начинает снижаться после подавления польского восстания в 1830-1831 гг.), то в экономическом отношении Россия в рассматриваемый период начинает все больше отставать от европейских стран.

Господствующим сословием по-прежнему оставалось дворянство, а самым многочисленным сословием – крестьянство (94% населения

страны). Что касается купечества, то его сословный статус был определен еще при Петре I и к началу XIX в. существенно не изменился. Купечество было поделено сначала на две, а с 1775 г. – на три гильдии. Каждый купец вносил гильдейский взнос с объявленного им капитала, согласно размеру которого зачислялся в ту или иную гильдию. Неоднократное повышение гильдейского взноса затрудняло доступ в купеческое сословие, особенно в первую и вторую гильдии. Купечество освобождалось от подушной подати и телесных наказаний, а купцы первой и второй гильдий – и от рекрутчины.

Сословный статус купца всецело зависел от его имущественного состояния: в случае разорения и банкротства он выбывал из своего сословия. Численность купеческого сословия быстро росла: если в конце XVIII в. в его составе насчитывалось 107 тыс. душ мужского пола, то в 1811 г. – 125 тыс., а к 1851 г. – 180 тыс. Это составляло более 1 % общей численности населения страны [61]. Причем три четверти купцов относились к третьей гильдии. В купеческом сословии состояли и купцы-промышленники. В то же время в больших городах серьезными конкурентами купцов третьей гильдии стали торгующие крестьяне, которые также начали активно проникать в мелкую промышленность, в основном – хлопчатобумажную.

Участие представителей дворянского сословия в предпринимательстве в первой половине XIX в. было невелико. Помещики обращали внимание прежде всего на организацию производства в своих имениях. Сукноделие, писчебумажное производство, изготовление стекла, хрусталя, производство сахара и, конечно, винокурение оставались «дворянскими» отраслями промышленности, где применялся труд крепостных крестьян.

В целом русский предприниматель начала XIX в. не был похож не только на английского, но и на французского буржуа. Это был или крепостной, как Савва Морозов, основавший в 1797 г. свою текстильную фабрику в Орехово-Зуеве, или крепостник, как Никита Демидов – вчерашний тульский купец, выбившийся в дворянство и утративший связи со своим классом, или мелкий купчик, обслуживающий небогатый городской оборот и мечтавший «превратиться в Демидова». Такая «буржуазия» не могла иметь самостоятельного исторического значения и выступать двигателем хозяйственного развития – эта функция по-прежнему принадлежала государству.

Поэтому развитие российской промышленности в первой половине XIX в. всецело зависело от политики, проводимой императором и его правительством, которая, в свою очередь, диктовалась социально-экономическим положением России. Это положение можно охарактеризовать как предкризисное, поскольку в экономике страны переплетались старые феодальные формы хозяйства и новые рыночные отношения. В эти годы стало ясно, что Россия не может двигаться вперед при сохранении крепостного права, но сделать радикальные шаги в направлении его отмены оказалось чрезвычайно трудно. Этим обусловлена противоречивость многих действий, предпринятых в период правления императора Александра I.

Ввиду отсутствия широкой социальной базы и в условиях сохранения крепостного права развитие капитализма в России могло проходить и проходило только посредством проведения реформ сверху. Уже первые указы императора способствовали значительному улучшению предпринимательского климата в стране. В 1801 г. специальными указами

были сняты все ограничения на ввоз и вывоз товаров, отменены эмбарго, наложенное Павлом I на английские суда и товары, и ограничения в пропуске едущих в Россию и выезжающих из нее.

Проводником императорских реформ стал Негласный комитет (в составе В. Кочубея, Н. Новосельцева, А. Чарторыйского, П. Строганова, позднее к ним присоединился М. Сперанский). «Молодые друзья» Александра I в первые годы его царствования выработали программу экономической политики, которая была составлена в духе экономического либерализма. Аргументы для ее обоснования они черпали из сочинений А. Смита, прежде всего из его главного труда «Исследования о природе и причинах богатства народов», вышедшего в Англии еще в 1776 г.

В России активным проводником идей А. Смита стал председатель Департамента государственной экономии Государственного совета граф Н.С. Мордвинов, способствовавший переводу и изданию этого труда (переводчик получил за него из государственной казны 5 тыс. руб.). Выдержки из этого перевода неоднократно публиковались в официальном издании «Санкт-Петербургского журнала».

О популярности идей А. Смита в России того времени можно судить, в частности, по произведению А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В нем автор в стихотворной форме, по существу, изложил важные аспекты учения Смита, считавшего, что богатством государства является не золотой запас, а постоянно воспроизводимый «простой продукт», т.е. масса разнообразных полезных товаров и услуг [4].

Под влиянием идей А. Смита в программе Негласного комитета выдвигалось требование свободы торговли (особенно внешней), а также были заложены принципы свободного земледелия и управления

промышленностью. Особое внимание было обращено на мелкие, крестьянские, фабрики. Допускалась некоторая поддержка дворянской промышленности, основанной на местном сырье, предполагалось перевести в «свободное состояние» казенные фабрики. Поднятие общего уровня купечества усматривалось путем повышения его образованности, расширения его прав, издания коммерческой газеты и коммерческих отчетов. Однако в жизнь эти планы проводились довольно робко и со многими ограничениями.

А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» так объяснил одну из причин этого: «Отец понять его не мог и земли отдавал в залог». В черновике романа есть такой вариант: «Отец с ним спорил полчаса и продавал свои леса». Однако автор не сохранил второй вариант, в виду того, что помещику в условиях присоединения России к континентальной блокаде Англии оказалось просто некуда продавать свой лес. Иными словами, помещики на опыте убеждались в односторонности и оторванности от реальной жизни того взгляда, что деньги сами по себе мало что значат, а важен «простой продукт»: если этот продукт (товар) не продается, то от него производителю мало толку. В пушкинских строках есть, безусловно, и ирония, и доля сатиры по поводу увлечения светского общества в России политической экономией и идеями А. Смита [4].

Ряд указов, принятых Александром I, отвечали духу экономического либерализма. Так, с конца 1801 г. представителям недворянских сословий (купцам, мещанам, государственным крестьянам, вольноотпущенникам) было разрешено «приобретать земли покупкою». Этим несколько смягчались сословные различия при проведении земельных сделок. В 1803 г. был издан указ «О вольных хлебопашцах», согласно которому

помещикам разрешалось освобождать крестьян с землей за выкуп, что было особенно важно для крестьянства, занимавшегося предпринимательством. Положение 1804 г. давало право евреям-фабрикантам, купцам и ремесленникам выезжать за пределы черты оседлости «на время по делам». Подтверждались все права евреев-предпринимателей на неприкосновенность их собственности, личную свободу, а при открытии текстильных и кожевенных фабрик они получали право на прямую государственную помощь. Указами от 23 февраля 1806 г. и 29 декабря 1812г. крестьянам разрешалось вести в городах широкую оптовую и розничную торговлю, в том числе импортными товарами. Это способствовало увеличению численности торгующих крестьян, особенно в Москве.

Однако уже с 1805 г. в силу изменения внешнеполитических условий либеральная политика начала сворачиваться. Война с Францией, сопровождавшаяся в 1805-1807 гг. крупными неудачами на полях сражений, подорвала престиж Александра I не только среди дворянства, но и в городских купеческих слоях. Ухудшилось финансовое положение страны, повысился уровень инфляции, дефицит бюджета достиг 300 млн. руб. Императору не могли простить бегства из-под Аустерлица и особенно Тильзитский мир. Ореол Александра I как «либерального монарха» потускнел, даже «молодые друзья» стали его критиковать, а вскоре Негласный комитет вообще прекратил свое существование.

В экономике смена курса означала переход от либеральной к протекционистской политике. В 1807 г. Александр I подписал Манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». В

целях поощрения отечественной торговли манифест предусматривал ряд ограничений для иностранных купцов. В то же время он открывал для русского купечества большие возможности во внешней торговле – для ее ведения было разрешено создавать товарищества. Подъему общественного положения и престижа представителей купеческого сословия способствовали также рекомендации дворянам входить в состав товариществ и записываться в гильдии. Были предприняты и другие меры, которые поднимали престиж купцов: им разрешалось носить шпаги, вводилась «Бархатная книга» знатных купеческих родов, «первостатейное» купечество получило право приезжать к царскому двору и ездить в карете парю и четвернею. На министра коммерции возлагалась обязанность «охранять права и преимущества купеческого сословия». В Манифесте декларировалась «монаршая любовь» к купцам, «чьими трудами даруется изобилие и богатство».

В то же время, Манифест 1807 г. поднял планку для первой гильдии до 50 тыс. руб. объявленного капитала (15 тыс. руб. серебром), у второй гильдии размер объявленного капитала достиг 20 тыс. руб. (6 тыс. руб. серебром) и для третьей гильдии минимальный уровень капитала был доведен до 8 тыс. руб. (2,4 тыс. руб. серебром). За Манифестом в 1809 г. последовали указы о предоставлении ссуд купцам и мещанам, основывающим суконные фабрики и владевшим ими.

Однако заключение союза Александра I с Наполеоном и связанные с ним договоры, прежде всего о присоединении России к континентальной блокаде Англии, крайне негативно отразились на российской экономике в целом и на торговле в частности. Все это вызывало недовольство со стороны дворянства и купечества. Ответом императора явилась вторая

волна реформ, связанная с именем М.М. Сперанского, который предложил план государственных преобразований, изложенный им в записке от 1809 г. Представленный им проект реформ в широком смысле касался либерализации политической сферы. Начать следовало с приведения в порядок существующих законов, с реформ в области политики и экономики, которые должны были повлечь за собой совершенствование судопроизводства. Финансовый план Сперанского предусматривал прекращение выпуска ассигнаций, введение налога на их погашение, сокращение расходов, проведение внутреннего займа под залог государственного имущества.

Предусматривался также отказ от континентальной блокады: с этой целью в 1810 г. под руководством Сперанского было разработано «Положение о нейтральной торговле» и принят таможенный тариф. Он носил строго запретительный характер и был нацелен на покровительство русской торговли и промышленности: был запрещен ввоз из-за границы предметов роскоши, повышались пошлины на иностранные товары фабричной промышленности. Все это улучшило положение в финансовой сфере, и если бы план Сперанского полностью претворился в жизнь, мог бы произойти рост курса бумажного рубля. Однако выпуск в 1810 г. дополнительных ассигнаций (на 43 млн. руб.) обусловил падение их курса до 20 коп. В результате в обществе усилилось недовольство деятельностью Сперанского, что привело к его отставке.

Вследствие ухудшения отношений с Наполеоном и начала Отечественной войны 1812 г. разработка и внедрение в экономику либеральных реформ приостановились. Война и заграничные походы русской армии требовали от страны напряжения всех сил и необходимые

для войны средства получали, в том числе и от купечества, которое вынуждено было платить до 5% с объявленного капитала и еще нести бремя дополнительных местных налогов.

После войны углубился общий кризис феодально-крепостнической организации хозяйства, и нужна была смена условий социально-экономического развития России. По мнению ряда исследователей, Отечественная война 1812 г. положила конец эпохе либеральных начинаний и преобразований Александра I [17; 32]. Согласно другой позиции, и после окончания войны император не отказался от попыток совместить феодальный абсолютизм с реформами, но стал еще осторожнее и медлительнее, чем раньше [38; 51].

С последним, на наш взгляд, следует согласиться, тем более что помимо обсуждения возможных политических реформ, в частности разработанных Н.Н. Новосельцевым проекта российской конституции и М.М. Сперанским и А.Л. Аракчеевым проекта освобождения крестьян (так и оставшихся нереализованными), Александр I предпринял конкретные шаги в экономической сфере. В целях укрепления не только политических, но и экономических связей с европейскими странами и США в рамках Священного союза в 1816-1819 гг. были резко снижены заградительные пошлины на западноевропейские товары и введены так называемые фритредерские тарифы.

Однако российская промышленность оказалась не готовой к тому, что на страну обрушилась лавина английских, французских, германских изделий. Русские товары не выдерживали конкуренции. Начались разорение и банкротство российского купечества и фабрикантов (в частности, сократилось число шелкоткацких мануфактур и суконных

фабрик). В итоге Александр I был вынужден отказаться от «экономической интеграции»: в 1822 г. был введен высокий протекционистский тариф, вновь опустил занавес, экономически отгородивший Россию от Европы.

В общей своей массе господствующий класс России, включая верхушку купечества и фабрикантов, отверг шедшие сверху нововведения. Реформы, в том числе экономические, «повисли в воздухе», не находя социальной поддержки в обществе. Государство оказалось неспособным разрушить крепостническую экономику. Император был вынужден сойти с пути либерализма, хотя в душе до конца оставался сторонником либеральных идей.

Наступление кризиса либерального развития России ускорили декабристы, восстание которых имело для него роковые последствия. Эпоха правления Николая I, по выражению В.О. Ключевского, явилась логическим продолжением второй половины предшествующего царствования, которое он оценивал как консервативно-охранительное: не ставились цели что-либо изменить, было лишь стремление сохранить существующее устройство государства и общества и навести в нем порядок [31].

Эту точку зрения разделяет большинство исследователей, однако по поводу оценки экономической политики Николая I отсутствует единообразие. Одни исследователи считают, что военно-бюрократическое устройство государства при Николае I менее всего благоприятствовало развитию капитализма. Другие полагают, что в сфере экономической политики самодержавие в рассматриваемый период было более последовательным и шло значительно дальше в вопросах социальной политики. Сам процесс экономического развития страны заставлял

покровительствовать промышленности, торговле и, в конечном счете, способствовать развитию буржуазных отношений. По мнению третьих, правление Николая I – это эпоха, в которой один строй незаметно сменялся другим, а именно, крепостной строй – строем гражданским. Сам Николай I признавал принцип частной собственности, а взгляды многих из его окружения на вопросы экономической политики вообще и свободы торговли в частности нельзя назвать иначе, как либеральными.

Таким образом, формирование при Александре I более благоприятных условий для предпринимательской деятельности явилось закономерным следствием проведенных либеральных реформ. Ту же политику, хотя и менее последовательно, проводил и Николай I.

6.2. Становление капиталистического предпринимательства

Процесс формирования капиталистического способа производства наиболее активно происходил в промышленности. Для России начала – середины XIX в. было характерным широкое распространение мелкой, преимущественно крестьянской, промышленности. В 1850-е гг. вся обрабатывающая промышленность выпускала продукции на 550 млн. руб., при этом две трети ее приходились на долю мелкой промышленности, представленной в основном крестьянскими кустарными промыслами. Если в XVIII в. развивались преимущественно отрасли, которые удовлетворяли спрос государства (суконное, парусно-полотняное, писчебумажное, горнозаводское производства), то в первой половине XIX в. происходил быстрый рост производств, вполне независимых от спроса государства и работавших на рынок (например, хлопчатобумажного производства).

В 1808 г. купец Пантелеев открыл в Москве первую частную бумагопрядильную фабрику. В условиях присоединения России к континентальной блокаде Англии и прекращения вследствие этого подвоза из нее пряжи потребовалось создание еще нескольких бумагопрядильных фабрик (в 1812 г. в Москве их уже было 11), работавших на среднеазиатском хлопке. За первую четверть века число хлопчатобумажных фабрик увеличилось в три раза, а количество занятых на них рабочих – в десять раз. После пожара в Москве в 1812 г., когда сгорели практически все московские фабрики, центр предпринимательской активности сместился в провинцию – Кострому, Иваново, Владимир [17].

В Москве текстильная промышленность стала возрождаться в 1820-е гг. Этому способствовали, во-первых, введение в 1822 г. протекционистского таможенного тарифа, приведшее к увеличению пошлины на ввозимые из-за границы готовые мануфактурные изделия, а во-вторых – значительное удешевление импортной хлопковой пряжи вследствие технического совершенствования производства на английских фабриках, что, в свою очередь, было вызвано промышленными кризисами в Англии в 1820-1840-х гг. К 1850 г. по числу бумагопрядильных веретен (1100 тыс.) Россия вышла на пятое место в мире, обогнав Германию и уступая Англии, Франции, США и Австрии [61].

Таким образом, уже на первом этапе промышленного переворота в хлопчатобумажном производстве Россия освободилась от импорта английской пряжи и перешла на американский и частично среднеазиатский хлопок, что повлекло за собой удешевление производства. Механизация процесса ткачества в 1830-1850-е гг. привела к снижению цен на 70%, что еще более укрепило позиции хлопчатобумажной отрасли, позволило ей

составить мощную конкуренцию другим текстильным отраслям и выйти на первое место. Остальные отрасли текстильной промышленности в разной степени оказались готовыми к восприятию технического прогресса, что было связано с особенностями используемого сырья, применяемыми технологиями и, главное, исторически сложившимися типами предприятий.

В русской промышленности того времени действовали три типа мануфактур: крепостная (вотчинная), посессионная и вольнонаемная, которые назывались либо фабриками (в легкой и пищевой отраслях), либо заводами (в горнодобывающей отрасли и металлургии). Вотчинная мануфактура создавалась в помещичьих имениях и обслуживалась трудом крепостных крестьян. Посессионные мануфактуры принадлежали частным лицам либо казне, а трудились на них или навсегда причисленные к заводам и фабрикам казенные крестьяне, или приписанные (с выплатой компенсации прежним владельцам) беглые и бродяги, или купленные с разрешения правительства крепостные крестьяне. Все они считались принадлежащими самой мануфактуре, а не ее владельцу, и не могли быть проданными отдельно от нее. Вольнонаемные мануфактуры создавались предпринимателями – выходцами из купцов и «капиталистских» мужиков, и там использовался труд наемных рабочих – как правило, крестьян-отходников и лично свободных мещан (горожан) [33; 42]

Основанные на подневольном труде вотчинные и посессионные мануфактуры преобладали в старых отраслях – металлургии, суконном, полотняном и парусном производствах; вольнонаемные мануфактуры – в быстро развивающихся новых – хлопчатобумажной (прядельной и ткацкой), шелковой, кожевенной, свеклосахарной отраслях. Производительность свободного труда была намного выше по сравнению с

крепостным трудом, в чем постепенно убеждались и владельцы посессионных заводов и фабрик. В 1847 г. они получили разрешение отпускать посессионных крестьян на волю, чтобы заменить их вольнонаемными работниками. Возрастание доли вольнонаемного труда в русской промышленности (в 1804 г. работали по найму 48% всех фабричных и заводских рабочих, в 1825 г. – 54, в 1856 г. – 87%) было одним из основных проявлений ее развития по пути капитализма [61].

Другое проявление развития капитализма в России – начало промышленного переворота, состоявшего в переходе от мануфактуры, основанной преимущественно на ручном труде, к фабрике, базировавшейся на машинной технике, использовании паровых двигателей и станков. Применение паровых машин радикально изменило энергетическую базу производства: за 1831-1860 гг. мощность паровых машин в промышленности увеличилась в 13 раз. Начальная фаза промышленного переворота происходила за счет импорта машин. Если за 1831-1840 гг. стоимость ввоза машин составила 4,1 млн. руб. серебром, то за 1851-1860 гг. – уже 48 млн. руб. Постепенно стало развиваться и отечественное машиностроение. Появляются первые машиностроительные заводы: Александровский - в Петербурге, Сормовский – в Нижнем Новгороде и др. Основной их продукцией были паровые машины и котлы для оснащения новых крупных фабрик и паровых судов. В целом промышленный переворот завершился в рамках следующего пореформенного периода в 70-80-е гг. XIX в. [17].

Одним из признаков промышленного переворота был рост числа промышленных предприятий и количества занятых на них рабочих. Если в 1804 г. в России было свыше 2400 мануфактур с общим числом рабочих

более 95 тыс., в 1825 г. – соответственно 5260 и 210 тыс., то в 1856 г. насчитывалось уже 11 560 предприятий, на которых были заняты почти 519 тыс. рабочих. Таким образом, за 50 лет общее число предприятий увеличилось в пять, а количество рабочих – более чем в пять раз [17].

В 40-х гг. XIX в. началось вытеснение из крупной промышленности мануфактур, основанных на подневольном труде, обусловленное тем, что, во-первых, такие мануфактуры по производительности труда и себестоимости продукции не могли конкурировать с вольнонаемной частнокапиталистической мануфактурой. Во-вторых, в 1830-1840-е гг. началось широкое внедрение в производство (в первую очередь на частнокапиталистических предприятиях и в новых отраслях) паровых машин и разнообразных технических усовершенствований. Эксплуатация же нового оборудования с применением подневольного труда оказывалась менее выгодной, чем его использование на вольнонаемных предприятиях. К тому же владельцы вотчинных мануфактур зачастую не имели средств для внедрения технических новшеств. В результате крепостнические мануфактуры приходили в упадок и вытеснялись более конкурентоспособными капиталистическими.

Особенно заметными преимуществами частнокапиталистической мануфактуры оказались в хлопчатобумажной промышленности. При одинаковой технической вооруженности производительность вольнонаемных рабочих здесь была в три раза выше, чем крепостных. Будучи новой отраслью, хлопчатобумажное производство изначально создавалось преимущественно на основе наемного труда: уже в 1825 г. 95% рабочих здесь были вольнонаемными.

Промышленный переворот, начавшийся в хлопчатобумажной промышленности, затем распространился и на другие отрасли. Уже на первом его этапе появились предприятия, ставшие «пионерами» отечественного машиностроения, – Санкт-Петербургские литейные заводы (завод Берда и Александровский казенный завод), выпускавшие пароходы, паровозы, паровые машины, вагоны, промышленное оборудование. В Санкт-Петербурге были также основаны Невский машиностроительный завод, завод Нобеля «Русский дизель», и др. В 1830-1850-е гг. были построены машиностроительные заводы в Москве, Екатеринбурге, Риге, в 1849 г. – Сормовский завод в Нижнем Новгороде. К 1860 г. в России было уже около 100 машиностроительных заводов, а производство машин только за 1850-е гг. возросло в 16 раз [32].

Следствием промышленного переворота стало формирование новых классов: промышленной буржуазии и наемных рабочих – пролетариата. Первая (купцы-промышленники) складывалась из купцов, разбогатевших на торговле, винных откупах и казенных подрядах и открывших свои фабрики (Солдатенковы, Титовы, Кондрашевы), и «капиталистских» мужиков из государственных или выкупившихся на волю крепостных (Гучковы, Мосоловы, Морозовы). Чаще всего они совмещали торговые функции с промышленным предпринимательством. В середине века численность купечества трех гильдий составляла 180 тыс., а «торгующих крестьян» – 100-110 тыс.

Характерно, что большая часть предпринимателей и «торгующих крестьян» по-прежнему оставалась крепостными. Многие из них уже имели большие капиталы, владели мануфактурами, однако, как и в XVIII в.,

продолжали платить немалые суммы оброка помещикам, которые не торопились отпускать их на волю.

Так, миллионер, владелец крупной шелкоткацкой фабрики в Подмоскowie И. Кондрашев оставался крепостным князей Голицыных вплоть до отмены крепостного права в 1861 г. Несколько десятков фабрикантов из села Иваново выкупились у графа Шереметева более чем за 1 млн. руб. Менее повезло еще одному семейству крепостных – ему Шереметев обещал вольную за 50 тыс. руб., но, получив деньги, оставил обедневшее семейство в крепостной зависимости [5].

Таким образом, русская буржуазия первой половины XIX в., формировавшаяся в условиях самодержавно-крепостнического государства, страдала от гражданского неравноправия и представляла собой социальный слой, находившийся в сильной зависимости от политики властей.

«Сверху» – от правительственных кругов – исходила и инициатива создания первых организаций с участием предпринимателей. Еще в 1827 г. с целью получения достоверных сведений о работе отечественной промышленности и оказания ей необходимой государственной поддержки министр финансов высказался за учреждение при Департаменте мануфактур особого Мануфактурного совета, который посредством подведомственных ему местных комитетов и корреспондентов содействовал бы означенному департаменту во всех вопросах, касающихся работы отечественных мануфактур. В 1828 г. было учреждено Положение о Мануфактурном совете, а в 1829 г. образован Коммерческий совет. Оба совета оказались громоздкими бюрократическими органами с участием промышленников и торговцев, безынициативными даже в постановке

сколько-нибудь важных вопросов торгово-промышленной жизни страны, и не оправдали правительственных ожиданий.

Что касается наемных рабочих, то этот слой российского общества состоял из лично свободного населения (горожан, казенных крестьян на заработках) и крепостного населения (помещичьих крестьян). Сохранение крепостной зависимости тормозило процесс дифференциации крестьянства, выделения из его среды предпринимателей и наемных работников, живущих только за счет продажи своей рабочей силы.

Россия в первой половине XIX в. оставалась страной бездорожья, что существенно мешало ее экономическому развитию. Основными видами транспорта в то время были водный и гужевой (перевозки на лошадях и волах). В начале века стали функционировать каналы, которые соединяли Волгу с Северной Двиной и Балтийским бассейном (Мариинская и Тихвинская водные системы), а Днепр – с Вислой, Неманом, Западной Двиной. Правда, пропускная способность каналов была небольшой, кроме того, навигация на них имела сезонный характер – зимой она прекращалась.

Своему ускоренному развитию предпринимательство в сфере водного транспорта было обязано пароходам. Первые из них появились на реках в 1813-1817 гг. Однако существенно число пароходов начало расти только в 1850-е гг.: если в 1854 г. их насчитывалось 115, то в 1860 г. – уже 392. В основном это были пароходы иностранного производства, хотя первый отечественный пароход был построен еще в 1813 г. в Петербурге на заводе Берда, в дальнейшем получившего привилегию на постройку пароходов.

Поскольку организация свободного пароходства по рекам, которое было разрешено с 1843 г., требовала значительных капиталов, в середине

века возник ряд пароходных компаний для внутреннего сообщения. Первая компания – «Общество пароходства на Волге» (с основным капиталом 1 млн. 300 тыс. руб.) – была создана в 1843 г.; в 1849 г. было основано общество «Меркурий» (с основным капиталом 750 тыс. руб.) – для срочного сообщения по Волге, Каме, Оке. В 1853 г. были учреждены общество «Медиатор» с основным капиталом 300 тыс. руб. для перевозки грузов между Петербургом и другими балтийскими портами и товарищество легкого пароходства по Волге «Самолет» с капиталом 250 тыс. руб.

Протяженность шоссейных дорог в России была крайне невелика. К их строительству приступили в 1817 г., но наиболее интенсивным оно было в 1836-1855 гг. Тогда были проложены дороги с твердым покрытием между Москвой и Санкт-Петербургом протяженностью 676 верст, Московско-Варшавское шоссе – 999 верст, Киевское шоссе – 787 верст и др.

Самым важным событием в развитии системы транспортных коммуникаций и вообще в промышленной революции явилось начало строительства железных дорог. Первая железная дорога была проложена в 1837 г. от Петербурга до Царского села, в 1838 г. она была продолжена до Павловска. Поскольку эта дорога не имела никакого экономического значения, появились утверждения, что применительно к громадным пространствам России железнодорожное сообщение бесперспективно. К строительству новых железных дорог приступили лишь в конце 1840-х гг. Первыми экономически значимыми линиями стали Николаевская железная дорога, связавшая Санкт-Петербург и Москву в 1851 г., и Санкт-Петербург – Варшава, построенная в 1857 г. Обе дороги были построены за казенный счет с привлечением иностранных займов. Общая же протяженность

железнодорожных линий в России к 1861 г. составляла около 1,5 тыс. верст (для сравнения, в Англии – 15 тыс. верст).

В первой половине XIX в. продолжалось поступательное развитие торговли, ее оборот, в том числе и внешней торговли, рос. В начале века на внутреннем рынке ежегодно продавались и покупались товары на сумму 900 млн. руб., оборот внешней торговли составлял 235 млн. руб. За 50 лет среднегодовой экспорт вырос в 3 раза, а импорт – почти в 4 раза. При этом торговый баланс продолжал оставаться активным. В структуре экспорта, который приобретал все более выраженный аграрный характер, происходили важные изменения. Помимо традиционных сырьевых товаров, основной статьёй экспорта становится хлеб, вывоз которого стал расти быстрее других товаров.

Изменилась структура импорта, который начал приобретать ярко выраженный производственный характер. Главными предметами ввоза вместо предметов роскоши стали промышленные изделия: машины и аппараты для фабрик и заводов, красители, хлопок-сырец, уголь. Однако, по-прежнему, большое значение имели такие потребительские товары, как чай, сахар, вино и др.

Внешнеторговая политика в целом оставалась протекционистской, хотя и непоследовательной. Тем не менее, можно говорить о постепенном переходе к более умеренному протекционистскому тарифу. Введением этого тарифа предполагалось стимулировать отечественную промышленность, уменьшив пошлины на подлежащие обработке предметы и главные фабричные материалы.

Основной объем внутренней торговли приходился по-прежнему на сельскохозяйственную продукцию и изделия кустарных промыслов. И

лишь к середине века увеличилась доля изделий крупных промышленных предприятий, особенно текстильных и кожевенных.

Развитию торговли способствовал быстрый рост городского населения. В целом за полвека оно возросло более чем в 2,5 раза: с 2,2 млн. до 5,7 млн. человек, однако не превышало 8% всего населения страны.

В XIX в. изменился состав участников торговли. Она стала утрачивать сословный характер и перестала быть функцией гильдейского купечества. Возросло значение «торгующего крестьянства». В 1825 г. В Москве более 2 тыс. крестьян занимались торговлей, разнося товары по домам и дворам. Указ 1824 г. существенно облегчал переход государственных крестьян, занимавшихся торговлей и промыслами, в городское население.

Центром торговли по-прежнему оставалась Москва, где основные торговые операции совершались в Китай-городе. Французский путешественник Астольф де Кюстин, посетивший Россию в 1839 г, так описывает московскую торговлю: «Китай-город, своего рода приложение к Кремлю, – это огромный базар, целый город, изобилующий темными сводчатыми улочками, напоминающими подземелья; впрочем, эти купеческие катакомбы менее всего походят на кладбища; в лабиринте галерей, которые уступают парижским в изяществе и блеске, но зато выигрывают в основательности, шумит вечная ярмарка» [33].

Внутренняя торговля в основном имела ярмарочный характер. К середине XIX в. в России, согласно разным источникам, насчитывалось до 4-6 тыс. ярмарок, из них крупных – с оборотом свыше 100 млн. руб. – от 30 до 64 (в их числе Макарьевская ярмарка, перенесенная в 1817 г. в Нижний Новгород). Оборот Ирбитской ярмарки достигал 40 млн. руб., а к 1863 г.

достигли 125 млн. руб. По своим объемам и значимости она стала второй после Нижегородской ярмарки [10]. Крупнейшие ярмарки были центрами российского предпринимательства. Здесь заключались крупные оптовые сделки и нередко с участием иностранных оптовых торговцев.

Астольф де Кюстин так описывал Нижегородскую ярмарку 1839 г.: «Число иностранцев, постоянно находящихся в Нижнем на всем протяжении ярмарки, составляет двести тысяч, образующие это множество люди несколько раз сменяются, но количество остается примерно одинаковым; в иные дни этого съезда негоциантов в Нижнем бывает одновременно до трехсот тысяч человек» [33].

Согласно Положению 1835 г., на главнейшие ярмарки внутренних губерний для ведения там временной торговли допускались еврейские купцы и фабриканты. На ярмарках, помимо самого процесса торговли, демонстрировались технические новшества, завязывались деловые контакты, создавались товарищества и акционерные общества. Ярмарки были самым чутким «барометром» экономической жизни и ее надежным регулятором, благодаря им достигался баланс между спросом и предложением, производством и потреблением главных российских продуктов. Однако в середине XIX в. ярмарки постепенно стали уступать место характерной для капиталистического хозяйства стационарной торговле – лавочной и магазинной, поэтому в крупных городах ярмарки, как правило, стали закрываться.

Внешняя торговля России ориентировалась в основном на западноевропейский рынок – на его долю приходилось до 90% всего внешнеторгового оборота. Главным торговым партнером (более 30% товарооборота России) по-прежнему выступала Англия. Торговля с

Европой осуществлялась через морские порты Петербург и Архангельск. Большое значение в первые десятилетия XIX в. приобрела черноморская торговля, которая велась через Одесский порт. В 1817 г. Одессе было предоставлено право «порто-франко» (быть свободным портом, осуществляющим ввоз и вывоз товаров без пошлины), вследствие чего она стала основным местом складирования для иностранных товаров.

В XIX в. изменилась структура экспорта: если в XVIII в. из России в основном вывозилось железо, то теперь она поставляла на европейский рынок исключительно сельскохозяйственные товары и полуфабрикаты. Быстро увеличивался экспорт зерна: в первое десятилетие XIX в. ежегодно вывозилось до 20 млн. пудов, в 1850-е гг. – уже до 70 млн. пудов (35% стоимости всего экспорта). Из Европы ввозились товары, необходимые для российской промышленности, – машины, хлопок-сырец, краски и т.д. Развивалась и торговля с Востоком: Китаем, Ираном, Турцией, Хивой, Бухарой. Ее структура была иной: Россия поставляла в основном промышленную продукцию (текстиль, металлические изделия), а ввозила традиционные товары восточной торговли – хлопок, шелк, чай, пряности.

Государство регулировало внешнюю торговлю, устанавливая дифференцированные таможенные пошлины на различные товары. В таможенной политике на протяжении первой половины XIX в. преобладала тенденция к установлению высоких пошлин на ввоз готовых изделий, производство которых уже налаживалось в России, и низких – на сырье, полуфабрикаты и оборудование для отечественной промышленности. В то же время запрещался экспорт некоторых товаров. Ограничительные и запретительные меры (таможенные тарифы 1810 и 1822 гг.) преследовали не столько протекционистскую цель – покровительство отечественной

промышленности, защита ее от иностранной конкуренции, сколько финансовую – обеспечение положительного баланса внешней торговли (даже за счет ограничения импорта) и притока в страну «звонкой монеты».

Финансовое положение России первой половины XIX в. было неустойчивым. К концу царствования Павла I общий долг государства составлял 408 млн. руб., что превышало четырехлетний доход государственного бюджета. Его общий дефицит еще более возрос в первые годы царствования Александра I: за 1801-1809 гг. он составил 442 млн. руб., или 50 млн. руб. в год, т.е. расходы ежегодно на одну треть превышали доходы [61].

Доходная часть бюджета формировалась за счет подушной подати, винных доходов (полученных от винных откупов, за счет акцизных сборов с каждой бутылки или государственной монополии на продажу водки), однопроцентных сборов с купеческих капиталов (вместо подушной подати), соляного налога, таможенных пошлин и др. Основная часть расходов приходилась на содержание армии и флота, полиции, аппарата управления, царского двора. Поскольку русская армия постоянно воевала, большая часть расходов бюджета приходилась на военные нужды: в 1808 г. при его доходах в 127 млн. руб. расходы на армию и флот составили 140 млн.; в 1809 г. суммы доходов бюджета и расходов на армию совпали – те и другие составили по 136 млн. руб. Правительство получало недостающие средства за счет дополнительного выпуска ассигнаций, что в условиях бюджетного дефицита приводило к обесценению бумажных денег (в 1808 г. за один рубль в ассигнациях давали 48 коп. серебром, в 1809 г. – 40, а в 1810 г. – 29 коп.).

Таким образом, страна оказалась на грани банкротства, и только благодаря пересмотру таможенного тарифа и открытию, по предложению М.М. Сперанского и Н.С. Мордвинова, русских гаваней для всех судов под нейтральным флагом, чьи бы товары они ни привозили, удалось остановить дальнейшее обесценение ассигнаций.

Тяжелое финансовое положение России еще более усугубила Отечественная война 1812 г. Военные затраты составили в 1813-1814 гг. около 83% годовых доходов бюджета, и печатание бумажных денег продолжалось. В результате цена одного рубля в ассигнациях упала до 20 коп. серебром. Попытки Министерства финансов уменьшить количество не обеспеченных серебром ассигнаций успехом не увенчались [76].

Более успешная попытка преодолеть инфляцию была предпринята при Николае I: прекращение выпуска новых бумажных денег позволило стабилизировать, а потом и повысить стоимость бумажного рубля. Удалось также сократить бюджет военного министерства более чем на 20 млн. руб., а бюджет министерства финансов – на 24 млн. В результате стоимость бумажного рубля стабилизировалась на уровне 25-27 коп. серебром. С целью ликвидации дефицита бюджета и создания денежных запасов в 1827 г. в винной торговле взамен казенной монополии (сопровождавшейся большими расходами казны и злоупотреблением чиновников) была введена откупная система. Эта мера позволила увеличить доходы от продажи вина с 79 до 110 млн. руб.

Расширению возможностей иностранной и отечественной торговли, поиску ее новых форм способствовала гильдейская реформа 1824 г. Она была направлена на ограничение тенденции к монополизации торговли купцами первой гильдии и на расширение прав среднего городского

купечества. Стимулировался переход купцов третьей гильдии в более высокую гильдию. Увеличивались торговые возможности крестьянства, в том числе крепостного, при условии уплаты ими всех налогов и пошлин. Тем самым происходило укрепление мелкой торговли в городах, что обеспечивало поступление дополнительных доходов в государственный бюджет.

Однако высшим достижением в финансовой сфере того времени стала денежная реформа 1839-1844 гг., проведенная министром финансов Е.Ф. Канкриным. Она была направлена на укрепление российского рубля и стабилизацию финансовой системы страны. Основной денежной единицей снова объявлялся серебряный рубль. Было установлено, что 3,5 руб. ассигнациями равнялись одному рублю серебром. В 1843 г. был провозглашен Манифест об уничтожении ассигнаций и их замене кредитными билетами, которые по предъявлению разменивались на монеты [76].

Денежная реформа прошла успешно, полностью себя оправдала и привела к укреплению финансовой системы страны. Но в ходе Крымской войны и после поражения в ней правительство не раз прибегало к денежной эмиссии. В результате курс кредитного рубля постоянно снижался относительно серебряного рубля, поэтому их свободный обмен был отменен.

В первой половине XIX в. усложнились кредитные отношения, хотя сама кредитно-банковская система почти не менялась со времен Екатерины II и продолжала оставаться в руках государства. Преимущественно государственными были банки. Возможность получения денег из казенных банков под невысокие проценты и на длительные сроки позволяла

помещикам сохранять феодальные отношения в сельском хозяйстве и промышленности.

В 1818 г. в Петербурге был открыт Государственный коммерческий банк с отделениями в Архангельске, Астрахани, Нижнем Новгороде, Одессе, Риге и Москве. В Манифесте от 7 мая 1817 г. об его открытии в следующем году указывалась одна из главных задач банка: «открыть купечеству вящие способы к облегчению и расширению оборотов». Банк принимал вклады и выдавал ссуды «под товары российского производства». С первых же дней существования он испытывал сильнейшее давление со стороны «указных» промышленников, владельцев вотчинных предприятий и первостатейных купцов.

В 1820-е гг. в России появились первые банкирские дома. Старейшим из них являлся основанный в 1818 г. в Москве «Юнкер и Ко». До середины столетия придворные банкиры играли решающую роль в экономической жизни страны. Особо выделился имевший европейскую известность банкирский дом Л. Штиглица [36].

Поселившись в России в начале XIX в., Л. Штиглиц, будучи придворным банкиром Александра I, выполнял связанные с этой должностью традиционные обязанности: был посредником при заключении договоров о внешних займах, осуществлял финансовые операции членов царской семьи и т.д. В августе 1826 г. по случаю коронации Николая I «за оказание правительству услуг и усердие к распространению торговли» Л. Штиглиц был возведен в потомственное баронское достоинство, в 1828 г. причислен к петербургскому первостатейному купечеству, а затем, как крупнейший финансист, пожалован званием придворного банкира, что повышало его авторитет на всемирной бирже. Услугами банковской

конторы «Штиглиц и Ко» пользовались самые влиятельные вельможи империи, кредитовала она и многих крупных петербургских предпринимателей [36].

В 1828 г. Л. Штиглиц был избран членом Мануфактурного совета при Министерстве финансов, в 1829 г. – членом Коммерческого совета, а в 1836 г. назначен членом совещательного комитета «по предмету учреждения Российско-Азиатской торговой компании». В 1831 г. «за труды и усердие на пользу Отечества, торговли и промышленности» барон Л. Штиглиц был награжден орденом Анны второй степени, а в 1836 г. – орденом Владимира третьей степени. В 1841 г. Л. Штиглиц заключил договор о русском государственном займе на 50 млн. руб. серебром на постройку железной дороги из Петербурга в Москву. В 1843 г. он скончался, оставив состояние в 18 млн. руб. серебром своему сыну Александру [36].

А.Л. Штиглиц (1814-1884 гг.) способствовал дальнейшему процветанию созданного его отцом банкирского дома. Штиглицы оказали большие услуги русскому правительству, прежде всего в организации иностранных займов. С 1820 по 1855 г. царское правительство заключило договоры о 13 внешних займах на сумму 346 млн. руб. В конце 40-х гг. А. Штиглиц проявил интерес к финансированию российской промышленности. В 1847 г. он основал в Нарве суконную фабрику, в 1851 г. – льнопрядильную, а в 1857 г. выступил в качестве одного из учредителей Главного общества российских железных дорог. Общество было создано для постройки и эксплуатации железнодорожных линий протяженностью около 4 тыс. верст, которые должны были связать земледельческие районы России с Санкт-Петербургом, Москвой, Варшавой, а также побережья Балтийского и Черного морей. Кроме того, в

течение 13 лет А. Штиглиц занимал должность председателя Петербургского биржевого комитета. Однако к концу 1850-х гг. влияние А. Штиглица стало ослабевать, что привело к ликвидации им своих частных дел. Впоследствии он был назначен первым управляющим вновь созданного Государственного банка, в 1862 г. был произведен в тайные советники, а в 1881 г. – в действительные тайные советники [36].

В 1830-1840-е гг. стали набирать силу купеческие банки. Их количество постоянно увеличивалось и к 1857 г. достигло 150. Примечательно, что открывались они не только в промышленных центрах, но и на окраинах страны. Так, в Вологде на средства мещан и купцов был организован общественный заемный банк. Успешно развивался созданный еще в 1809 г. крупным купцом К.А. Анфиловым в г. Слободском Вятской губернии специальный банк для кредитования ремесленников и торговых людей. Банк открыл свои операции на основании Указа Александра I от 29 октября 1809 г. на пожертвованные Ксенофонтом Анфиловым 25 тыс. руб. и 3 тыс. руб., собранных горожанами. За 25 лет работы капитал банка увеличился в пять раз. В то же время попытка московских именитых купцов организовать частный банк успехом не увенчалась.

Первая половина XIX в. явилась переходным периодом в развитии отечественного предпринимательства. Начало промышленного переворота, доминирование вольнонаемного труда в промышленности, изменение социального состава общества создавали материальные условия для перехода к капитализму и формирования предпринимательства капиталистического типа [39].

Частные капиталы активно «перетекали» в производственную сферу. Росло число мануфактур, все более приобретающих качества фабрик,

особенно в хлопчатобумажной промышленности, изначально основанной на вольнонаемном труде.

Замедление оборота торговых капиталов, недостаток кредитов, шаткость тарифной системы сдерживали развитие купеческого предпринимательства в промышленной сфере. Внешнеполитическая ситуация, военные события (участие в континентальной блокаде Англии, Отечественная война 1812 г., заграничные походы русской армии, Крымская война) также отрицательно сказывались на развитии отечественного предпринимательства.

Разорение и упадок старого гильдейского купечества и приток новой генерации предпринимателей, прежде всего из торгующих («капиталистских») крестьян, – еще одна характерная черта того времени. Одновременно теряли свои позиции дворянские предприниматели, работавшие в основном на нужды государства. В то же время промышленное и торговое предпринимательство продолжало нести на себе отпечатки феодального строя: некоторые предприниматели, даже будучи владельцами фабрик и заводов, продолжали оставаться в крепостной зависимости от помещиков.

Государство в целом осуществляло поддержку отечественной частной торгово-промышленной деятельности. Она выражалась в проведении тарифной политики, в поощрении достижений отечественного предпринимательства, но зачастую проводилась жесткими административными методами. Биржевое и банковское дело еще не играли важной роли в хозяйстве, хотя и продолжали развиваться. Финансовое положение страны практически на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось тяжелым, а инфляция – высокой. Главным же

препятствием, сдерживающим развитие предпринимательства, оставалось сохранение феодально-крепостнической системы, что вело к отставанию России от ведущих стран Европы.

Это отставание наглядно проявилось в ходе Крымской войны (1853-1855 гг.), поражение в которой ускорило крах государственного сектора экономики, заставив правительство пойти на пересмотр своей экономической политики и поиска новых путей развития.

Вопросы для самоподготовки:

1. Почему провалились либеральные экономические реформы Александра I?
2. В каких отраслях промышленности в первой половине XIX в. стал использоваться вольнонаемный труд?
3. В чем заключался переход от мануфактурного к фабричному производству?
4. Каким образом правительство пыталось стабилизировать финансовую систему России?

Глава VII. Развитие предпринимательства при Александре II

7.1. Формирование промышленной буржуазии

Поражение в Крымской войне в 1853-1856 гг. выявило не только техническую отсталость России, но и привело к краху всей ее экономической политики, наглядно показав стратегическое отставание страны от ведущих европейских держав. Экономический и финансовый кризисы, охватившие Россию в результате войны, поставили ее перед выбором: либо потеря статуса великой державы и превращение в третьестепенную монархию, либо быстрое и энергичное реформирование всего хозяйственного механизма. Александр II (1855-1881 гг.) и его правительство понимали остроту сложившейся ситуации и выбрали путь реформ, которые с небольшими перерывами и отступлениями продолжались вплоть до начала Первой мировой войны. Реформы открыли путь утверждению капитализма как экономической и социальной системы.

В рамках этой эпохи можно выделить два относительно самостоятельных, имевших свои особенности и характерные черты периода: 1) собственно пореформенный период – с середины до конца XIX в.; 2) период промышленной модернизации страны, охватывающий конец XIX в. – 1914 г.

Реформы 1860-1870-х гг., в первую очередь крестьянская – отмена в 1861 г. крепостничества, – явились важным условием развития страны по капиталистическому пути. Два первых пореформенных десятилетия были, по мнению ряда исследователей, переходными или «переломными»: происходила ломка феодальных отношений в сфере сельского хозяйства; завершался процесс технического перевооружения промышленности;

создавался механизированный транспорт, в том числе железнодорожный; складывались новые, характерные для капиталистического общества социальные слои населения – пролетариат и буржуазия.

Экономические реформы правительство начало с наведения порядка в финансах, так как в результате Крымской войны финансовая система страны находилась в глубоком кризисе. Особая роль в решении финансовых проблем отводилась учрежденному в 1860 г. новому Государственному банку [37]. Согласно уставу, он был создан для оживления торговых оборотов и упрочения денежной и кредитной системы, при этом упразднялись старые кредитные учреждения (Заемный банк, ссудные кассы и др.). Известное значение в деле упорядочения государственных финансов имело и введение с 1862 г. «государственной росписи» (бюджета) [34].

Экономическую политику правительства в рассматриваемый период проводило Министерство финансов, во главе которого стояли видные государственные деятели, такие, как М.Х. Рейтерн (1862-1878 гг.), заявивший о себе как о стороннике поощрения частного предпринимательства, Н.Х. Бунге (1881-1886 гг.), И.А. Вышнеградский (1887-1892 гг.), позже – С.Ю. Витте (1892-1903).

Расширение кредитных и учетных операций Государственного банка не удовлетворяло возрастающие запросы предпринимательских кругов, и правительство разрешило создание частных коммерческих учреждений. Начиная с 1864 г. одно за другим они стали возникать сначала в Санкт-Петербурге (Частный и Международный банки) и Москве (Купеческий и Учетный банки, Московское купеческое общество взаимного кредита и др.), а потом и по всей стране. В 1870 г. в России насчитывалось 29

акционерных банков, 16 обществ взаимного кредита, 163 городских банка и 16 ссудо-сберегательных товариществ. Эта система как бы завершалась Государственным банком, имевшим 41 отделение [2].

Однако биржевой крах, разразившийся в России в начале 1870-х гг., несколько ослабил систему частных банков и ужесточил позицию государства в борьбе с биржевой спекуляцией. Оно перешло к политике регулирования курса рубля и ценных бумаг, что несколько сдерживало свободную конкуренцию. Тем не менее, преемники Рейтерна на посту министра финансов Бунге и Вышнеградский в целом продолжили политику поддержки частного капитала. При этом если в 1870-е гг. акционерные коммерческие банки занимались преимущественно операциями с «солидными» бумагами, т.е. с облигациями государственных займов и займов железнодорожных компаний, которые гарантировались правительством, то в период экономического подъема 1890-х гг. основное внимание они уделяли кредитованию быстро возраставшего товарооборота и финансированию промышленных предприятий [73].

Становление капитализма в России происходило при наличии хотя и реформированной, но по существу старой политической системы – при сохранении самодержавия и сословного строя, что накладывало определенный отпечаток на социально-экономические процессы, обуславливало их сложность и противоречивость.

Быстрая модернизация страны в период царствования Александра II привела к существенным изменениям в составе и облике отечественного делового мира. Принципиальной особенностью реформ 1860-1870-х гг., отличающей их от всех предшествующих преобразований, стало создание юридических гарантий предпринимателям со стороны государства.

Благодаря реформам было ликвидировано неравенство сословий в правах на занятие частной предпринимательской деятельностью. Положение от 8 января 1863 г. «О пошлинах за право торговли и других промыслов» и закон от 9 февраля 1865 г. определили практическое изменение структуры торгово-промышленного класса [34]. Приобретение прав на «купечество» в полном объеме становилось доступным всем российским подданным, имеющим соответствующие капиталы. Число купеческих гильдий было сокращено до двух вместо прежних трех. К первой гильдии относилась оптовая торговля (плата за гильдейское свидетельство составляла 565 руб.), ко второй – розничная торговля и фабрично-заводская промышленность (плата за свидетельство колебалась от 40 до 120 руб.). Лишь купив такое свидетельство, можно было, не нарушая закон, осуществлять предпринимательскую деятельность. Ограничения права заниматься предпринимательством устанавливались лишь для евреев, государственных служащих и военных [41].

Новая юридическая база, подведенная под торгово-промышленную деятельность, дала мощный импульс развитию предпринимательства, что отразилось на социально-классовом составе населения, прежде всего городов. Со времени переписи городов в 1863 г. до первой Всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 г., городское население увеличилось в 2,5 раза (с 6,1 млн. до 16,8 млн. человек, при общем росте населения страны в 1,5 раза), а удельный вес городских жителей возрос с 8 до 13,4%. По имущественному положению и занятиям городское население распределялось следующим образом: 11,3% – крупная буржуазия, дворяне-домовладельцы и высшие чиновники; 13,1% – зажиточные мелкие хозяева

(самостоятельные мелкие ремесленники, лавочники и пр.); 52,3% – те, кто жил наемным трудом [34].

Таким образом, к концу XIX в. крупная, средняя и мелкая буржуазия, а также наемные рабочие определяли социальный облик города.

Процесс формирования промышленной буржуазии начался еще в дореформенную эпоху, когда из среды мелких товаропроизводителей выделялись представители торгового и ростовщического капиталов. Накопив необходимый стартовый капитал, они вкладывали его в промышленное дело, становясь промышленниками-предпринимателями. Многие из них в то же время продолжали расширять и торговые операции. Соединение промышленного капитала с торговым – характерное явление для мануфактурной стадии развития промышленности. Предприниматель выступал здесь одновременно в роли купца и фабриканта. Последующий рост промышленного капитала и промышленной буржуазии был связан с переходом от мануфактуры к крупной машинной индустрии.

Социальной базой формирования промышленной буржуазии служили представители купечества, отчасти мещанства, но преимущественно разбогатевшего крестьянства. Хотя в государственных и городских переписях о составе населения не содержится прямых обобщающих материалов о численности буржуазии, тем не менее, прослеживается тенденция увеличения общего числа предпринимателей. Особенно возросло число крестьян-предпринимателей, входящих во вторую гильдию. К 1896 г. только в Москве они составляли 24,8% лиц, получивших свидетельство купца второй гильдии по сравнению с 10,6% в 1870 г. Росла численность и крупной буржуазии. По некоторым расчетам, она увеличилась с 800 тыс. – 1 млн. человек в начале 1880-х гг. до 1,5 млн. к

концу XIX в., что позволяет сделать вывод о значительном росте крупной буржуазии и об укреплении ее экономического и финансового положения.

Сильное давление на капитал в рассматриваемый период оказывало государство. Российские промышленники находились в состоянии теснейшей зависимости как от государственного аппарата в целом, так и от отдельных чиновников. В стране царил поистине бюрократический «беспредел». Местные власти ущемляли права, как средних предпринимателей, так и крупной буржуазии. Все это не могло не способствовать стремлению представителей предпринимательских кругов, прежде всего их верхушки – крупной буржуазии – к созданию учреждений, представлявших их интересы. В 1872 г. в Санкт-Петербурге был создан Совет торговли и мануфактур (он был образован путем слияния существовавших еще с 1820-х гг. Мануфактурного и Коммерческого советов). Этот правительственный орган (с отделением в Москве) находился в ведении Министерства финансов, а его председателем назначался товарищ министра финансов [34].

Однако заседания совета проводились от случая к случаю и сводились в основном к рассмотрению прошений о выдаче привилегий. Его московское отделение также не проявляло активности, а местные организации вообще существовали лишь фиктивно. Причина такого положения заключалась в самом принципе создания совета – отсутствии выборного начала при его комплектовании, притом, что местные комитеты, сформированные путем выборов, имели весьма ограниченный круг деятельности. В результате образовалась конструкция, имевшая в значительной мере бюрократический характер и включавшая, с одной стороны, центральное правительственное учреждение, состоявшее из

чиновников, которые обладали обширными компетенциями, а с другой стороны – представительные местные учреждения, не имевшие почти никакой власти.

Однако в пореформенный период предпринимательское сообщество постепенно начало осознавать необходимость создания собственных организаций. В 1866 г. в Санкт-Петербурге было создано Русское техническое общество (РТО), в 1868 г. возникло Общество для содействия промышленности и торговле (ОСПТ), а в 1873 г. – Общество для содействия русскому торговому мореходству (ОСРТМ). Примечателен тот факт, что ОСПТ возникло по инициативе «снизу» – благодаря усилиям примерно 50 капиталистов, хотя и не без помощи министра финансов М.Х. Рейтерна. В 1890 г. оно имело свои отделения более чем в 20 городах страны, периодически издавались его «Труды» и «Торговый сборник». В составе РТО, ОСПТ и ОСРТМ первоначально преобладала буржуазная интеллигенция, тогда как представительство самих капиталистов было еще незначительным. Главным в деятельности обществ было «просветительское» направление.

К середине 1870-х гг. положение крупных предпринимателей в ОСПТ значительно упрочилось, и Общество стало более последовательно выражать интересы промышленников – в частности, по тарифному вопросу, в отношении оградительных пошлин, торговли со Средней Азией и т.д. [34].

Оживление экономики страны, явившееся следствием отмены крепостного права, потребовало создания разветвленной транспортной сети. России с ее огромными пространствами стало жизненно необходимым железнодорожное строительство, которое имело не только

хозяйственное, но и стратегическое значение. Тяжелые последствия бездорожья особенно отчетливо обнаружались в годы Крымской войны. Широко развернувшееся в 1860-х гг. железнодорожное строительство – настоящая «рельсовая лихорадка» – дало толчок развитию других крупных отраслей промышленности.

Еще в 1857 г. специальным указом было учреждено Главное общество российских железных дорог, которое разработало широкую программу их строительства, предусматривающую, прежде всего соединение зернопроизводящих районов страны с судоходными реками и портами Черного и Балтийского морей, а также соединение железнодорожной сетью 26 губерний и трех столиц.

Однако острый финансовый кризис не позволил правительству самому реализовать намеченную программу и заставил его привлечь к финансированию железнодорожного строительства частный капитал. С этой целью было учреждено специальное акционерное общество, которое выдавало концессии на строительство железных дорог. Чтобы заинтересовать владельцев частного капитала в приобретении концессий, государство размещало внешние займы, по которым гарантировало выплату процентов и ежегодное погашение; облигации частных обществ с гарантированной выплатой до 5% годовых распространялись через систему сберкасс; на их приобретение предоставлялись значительные ссуды; казенные заказы на строительство железных дорог оформлялись по завышенным ценам.

Начало эпохе «железнодорожной лихорадки» положила организация П.Г. фон Дервизом в 1866 г. предприятия по строительству Рязано-Козловской железной дороги, принесшего ему фантастическую прибыль.

Правительство в лице министра финансов М.Х. Рейтерна сознательно моделировало образ удачливого предпринимателя для раскручивания первого витка железнодорожного бума. Факт мгновенного обогащения фон Дервиза послужил в данном случае другим предпринимателям привлекательным образцом для подражания [27].

Всего концессионный период железнодорожного строительства продлился в России 15 лет (с 1866 до 1880 г.). За это время были выданы 53 концессии на постройку частных железных дорог длиной 15 тыс. верст. Это строительство вызвало появление «железнодорожных королей» – группы предпринимателей, тесно связанных с банками, иностранным капиталом, правительственной бюрократией и придворными кругами. В их среде были выходцы из кругов дворян-предпринимателей (К.Ф. фон Мекк, С.Д. Башмаков), а также из числа откупщиков и купечества (П.И. Губонин, С.И. Мамонтов, И.С. Блюх, С.С. Поляков и др.). Все они нажили огромные состояния на строительстве железных дорог. С.Ю. Витте писал по поводу «железнодорожных королей», что поскольку значительная часть их капиталов гарантировалась государством, в сущности, они «заняли свое положение в значительной части благодаря случайностям, своему уму и хитрости» [8].

Основу механизма сказочного обогащения «железнодорожных королей» составляла разница между концессионной ценой и затратами на строительство. Концессионная цена за версту была такой, что давала возможность концессионеру положить себе в карман 50 тыс. руб. с версты, а 500-600 верст концессии давали капитал в 25-30 млн. руб. К 1871 г. почти все железные дороги находились в частных руках и оставались в таковых до 1878 г. Государство было вынуждено ежегодно выделять 50 млн. руб.

только на выплату процентов и погашение займов. К 1880 г. долг казне частных железных дорог превысил 1 млрд. руб. В результате правительство вынуждено было вернуться к казенной постройке железных дорог, а затем и к постепенному выкупу уже построенных частных.

С.Ю. Витте отмечал, что в период царствования Александра III (1881-1894 гг.) утвердилась идея о государственном значении железных дорог, исключавшая их строительство и эксплуатацию частными обществами, преследующими в основном собственные цели и не принимающими в расчет общегосударственные интересы [8].

Возможно, к необходимости возвращения железных дорог в казну Александра III подтолкнул курьезный случай, произошедший в 1882 г. в Гатчине. После организованного императором вечера многочисленные приглашенные должны были уехать на специальном поезде. Но вместо него был подан другой поезд, на котором уехал один из главных акционеров Николаевской железной дороги Половцев с супругой, что задержало отправку поезда, приготовленного по распоряжению императора [8].

Появление железнодорожных магнатов – закономерный процесс формирования нового поколения предпринимателей. Россия переживала процесс первоначального накопления капитала. Несмотря на издержки, связанные с этим процессом - мошенничеством и злоупотреблениями, о которых много писала тогдашняя пресса, можно с полным основанием утверждать, что усилиями этой предпринимательской группы создавалась «кровеносная система» хозяйства – залог дальнейшего экономического успеха страны.

7.2. Освоение новых отраслей предпринимателями

Железнодорожное строительство стимулировало развитие других отраслей хозяйства, т.к. оно предъявляло возрастающий спрос на металл, уголь, лес, нефть, что способствовало росту каменноугольной и лесной промышленности, предприятий по добыче и переработке нефти, металлургии, транспортного машиностроения.

В пореформенный период развиваются не только старые индустриальные центры (Московский, Петербургский, Прибалтийский, Уральский), но и складываются новые экономические районы. Наиболее значимым из них становится юг России, где появляются многочисленные предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности и первые машиностроительные заводы. Здесь возникают такие крупные промышленные центры, как Баку, Харьков, Екатеринослав, Юзовка, Горловка и др.

В 1880-1890-е гг. резко возросла роль Донецкого бассейна в добыче каменного угля и Бакинского района – в добыче нефти. Нефтедобыча в России развернулась лишь в 1870-х гг., но уже тогда на долю Бакинского района приходилось 74% всей добываемой в стране нефти, а к 1890-м гг. эта доля возросла до 95%. Первоначально ведущее место в Бакинской нефтедобыче занимали представители местной национальной буржуазии (Табиевы, Нагиевы, Манташевы, Лианозовы). К концу XIX в. их сильно потеснил иностранный капитал, главным образом английский (Ротшильд), а также шведский (Нобель).

Учрежденная в конце 1895 г. в Париже в память об Альфреде Нобеле премия – самая престижная из всех международных наград. Но эта

«большая» Нобелевская премия была учреждена в подражание «меньшей» – петербургской премии, – учрежденной шестью годами раньше в память о скончавшемся в 1888 г. Людвиге Нобеле. Капиталы братьев Людвиг и Альфреда Нобелей были тесно переплетены. Альфред Нобель был связан с Россией и, в частности, с Ижевским оружейным заводом, являясь пайщиком «Товарищества братьев Нобель». Поэтому можно сказать, что те 31 млн. крон, на проценты с которых присуждаются ныне «большие» Нобелевские премии, были в свое время «сколочены» в том числе и за счет труда ижевских пролетариев [34].

В производстве чугуна Урал также уступил первое место югу России: если в 1880 г. юг давал всего 5% выплавлявшегося в России чугуна, а Урал – 70%, то к 1990 г. на долю первого приходились уже 52, а второго – только 27% [65]. Своим стремительным ростом южная горнозаводская промышленность также во многом была обязана иностранному капиталу. Только два завода – Сулинский (Пастухова) и Александровский (Брянского общества) – были созданы отечественными предпринимателями. Все остальные целиком или на паях принадлежали иностранцам – бельгийцам, французам, англичанам. Основной капитал иностранных акционерных предприятий в металлургической и каменноугольной промышленности в 1897 г. оценивался более чем в 167 млн. руб., а весь их капитал (облигационный, запасной, резервный и пр.) – свыше 223 млн. руб.

Особенно усилился приток иностранных инвестиций после успешного проведения правительством денежной реформы, обеспечившей во второй половине 1890-х гг. устойчивость рубля. В России иностранных предпринимателей привлекали выгодный рынок сбыта и дешевая рабочая сила, гарантировавшие им высокие прибыли. Помимо уже упоминавшихся

Нобеля и Ротшильда, в России получили известность: англичанин Юз, основавший свое дело по угледобыче и в металлургии на юге России; англичанин Бромлей и француз Гужон, имевшие крупные металлообрабатывающие заводы в Москве; американская фирма «Зингер» по производству и продаже швейных машин, имевшая филиалы по всей России; шведская фирма «Эрикссон», занявшая монопольное положение в развитии телефонной сети, и многие другие. Иностранный капитал, безусловно, способствовал индустриализации страны, но отнюдь не являлся определяющим фактором промышленного развития пореформенной России.

Одним из крупнейших предпринимателей-иностранцев в пореформенный период являлся англичанин Дж. Юз – учредитель Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств, основатель и директор-распорядитель завода. В России Юз появился уже в зрелом возрасте, когда ему было 55 лет. К этому времени он уже имел собственное механическое производство в Англии в Нью-Порте и много времени уделял приготовлению рецептуры брони для обшивки судов и фортовых укреплений. В 60-е гг. его предприятие получило заказ русского правительства на изготовление брони для укрепления Кронштадта. Это привело его в России, где в 1868 г. он получил предложение построить на юге завод для выделки железных рельсов [27].

В результате в 1869 г. Дж. Юз заключает договор с русским правительством об образовании Новороссийского акционерного общества со складочным капиталом в 300 тыс. фунтов стерлингов (3 млн. руб.) для разработки каменного угля и основания рельсового производства в

Екатеринославской губернии. В 1871 г. было завершено строительство первой домны, а начиная с 1872 г. завод безостановочно во все возрастающих размерах начал плавить чугун. Одновременно с железоделательным заводом строится рельсопрокатный завод с подсобными цехами. В 1879 г. получена первая плавка мартеновской стали, а с 1880 г. Дж. Юз переходит на производство стальных рельсов, которые по качеству не уступали рельсам английских заводов [27].

К концу XIX в. за очень короткий срок малороссийская степь преобразилась: в некогда безлюдном месте был построен завод, дающий работу нескольким тысячам человек, и возник оживленный город, названный именем английского предпринимателя «Юзовка». Россия стала для Дж. Юза второй родиной, его семья покинула Англию и переселилась в новый городок на юге России. В свою очередь в лице Дж. Юза Россия приобрела не только талантливого инженера, но и энергичного предпринимателя, успешно и в сжатые сроки организовавшего производственный процесс многопрофильного металлургического комбината. В нач. XX в. производительность доменных печей достигала 70-ти тыс. пудов в сутки, а прокатный стан рельсопрокатного цеха мог перекачивать в сутки до 75 тыс. пудов рельс. На Юзовском заводе и рудниках трудились свыше 15 тыс. рабочих [27].

Значительные успехи были достигнуты в отечественном машиностроении. Крупными центрами транспортного машиностроения (производства паровозов, вагонов и пароходов) стали Сормово (близ Нижнего Новгорода), Луганск и Коломна. Сормовский завод был основан еще в 1849 г. и к началу 1870-х гг. стал производить железнодорожные вагоны; число рабочих на нем достигало 2,5 тыс. Коломенский завод,

возникший в 1863 г., производил мостовые фермы, вагоны, а затем – паровозы. В 1871 г. завод был акционирован: главными пайщиками Общества Коломенского завода стали братья Струве и московский купец А. Лессинг. В 1880-е гг. это предприятие превратилось в крупнейшего поставщика паровозов да русских железных дорог.

Однако ряд предприятий, учрежденных «железнодорожными королями» и откупщиками, разбогатевшими на железнодорожном буме и казенных заказах, к 1880-м гг. либо сменил своих хозяев, либо, обанкротившись, перешел в казну. Такая участь постигла Акционерное общество «Брянский рельсопрокатный, железоделательный и механический завод», учрежденное в 1873 г. П. Губониным и В. Голубевым. В подобной ситуации в 1880-е гг. оказались Путиловский, Невский и другие заводы, которые стали казенными.

В то же время владельцы крупных семейных предприятий (по преимуществу московская буржуазия), обладавшие немалыми капиталами, не особенно охотно вкладывали средства в тяжелую промышленность, в новые отрасли и регионы.

В пореформенный период в России завершился промышленный переворот в хлопчатобумажном производстве, начавшийся еще в 1830-1840-е гг. Утвердившееся здесь фабричное производство в 1860-1870-е гг. сосредоточилось на крупнейших предприятиях. В 1879 г. в среднем каждая прядильная фабрика насчитывала более 1600 рабочих. Такая же ситуация складывалась и на ткацких фабриках: к 1876 г. их насчитывалось уже 92, а число рабочих на них к 1879 г. достигло 162,7 тыс. При этом росла концентрация рабочей силы: если в 1865 г. на одну фабрику в среднем приходилось 28 рабочих, то в 1891 г. – уже 40; в 1894 г. на 68 крупных

фабриках было занято почти в два раза больше рабочих, чем на 426 остальных.

К концу пореформенного периода появляются гигантские для того времени комбинированные предприятия (Морозовых – в Твери, Богородске и Орехово-Зуеве; Коншиных – в Серпухове), на которых работали более чем по 5 тыс. человек. Продукция хлопчатобумажных фабрик была доступна по цене большинству населения, что делало ее конкурентоспособной на российском рынке.

Ведущее место в этой отрасли занимали фабрики, принадлежавшие династии Морозовых, основателем которой был Савва Васильевич Морозов (1770-1862 гг.). Будучи крепостным, он в 1797 г. устроил небольшое ручное ткацкое заведение, где работал сам вместе с членами своей семьи. После московского пожара 1812 г., когда сгорел ряд прежних купеческих фабрик, его дело круто пошло вверх. 1820 г. принес ему освобождение от крепостной зависимости (он выкупился у помещика Рюмина за 17 тыс. руб. ассигнациями). В 1837 г. Морозов купил у своего бывшего господина землю на другом берегу реки Клязьмы рядом с Орехово и перевел туда свою фабрику, где стал производить шерстяные и хлопчатобумажные ткани. К 1840 г. Савва Васильевич уже располагал капиталом в 300 тыс. руб. После его смерти сыновья занялись переработкой хлопка из Средней Азии, скупавшегося ими в то время по чрезвычайно низким ценам. Позже Морозовы организовали специальные хлопковые плантации под Бухарой и Кокандом и первичную переработку хлопка на месте [5].

К концу XIX в. Морозовы владели несколькими фабриками, которые объединились в четыре самостоятельные крупные фирмы: Товарищество

Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко»; Товарищество мануфактур «Викула Морозов с с-ми»; Компания Богородско-Глуховской мануфактуры и Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий. На четырех основных предприятиях были заняты 54 тыс. рабочих, выпускавших готовую продукцию на 102 млн. руб. Все это было достигнуто фактически без участия иностранных капиталов – лишь предприимчивостью и деловым напором [5].

Высокие прибыли, получаемые в текстильной, пищевой и других отраслях легкой промышленности, обеспечивались, конечно, не только за счет предприимчивости и деловых качеств российских предпринимателей. Совсем иную роль в этом играла такая черта отечественной промышленности, которую М. Туган-Барановский определял как «русская некультурность» – отсутствие защиты прав наемных работников, крайне низкая заработная плата и невысокая квалификация рабочих, что обеспечивало высокую степень их эксплуатации, а значит, и высокие прибыли [62].

Типичным для паевых московских хлопчатобумажных предприятий был дивиденд в 10% (у Морозовых он достигал и 25%). Безжалостная эксплуатация приводила к конфликтам наемных рабочих с работодателями. Государство было вынуждено реагировать на это. После выступлений рабочих Морозовской мануфактуры в 1885 г. был принят закон, вводивший систему фабричных инспекторов, трудовых договоров о найме на работу. Ограничивая произвол предпринимателей, закон запрещал им выдавать заработную плату товаром, занижать оплату сверхурочных работ и т.д.

Наряду с развитием крупной индустрии в пореформенный период успешно развивалась мелкая промышленность, заполняя бреши,

оставляемые крупным бизнесом. В ряде регионов под влиянием конкуренции со стороны машинной индустрии происходила переориентация крестьянской кустарной промышленности. Например, во Владимирской губернии рост сапожного и валяльного промыслов был обусловлен вытеснением ручного ткачества крупным фабричным производством. Вместе с тем последнее порождало новые виды промыслов, обслуживающих его нужды. В той же Владимирской губернии фабричное ткачество вызвало к жизни промыслы по изготовлению челноков, деревянных деталей для ткацких станков, коробов для упаковки тканей и т.п.

Именно кустарная промышленность удовлетворяла основные потребности сельских жителей в предметах труда и быта, поставляя на сельский рынок косы, вилы, грабли, упряжь, вязальные машины и т.д. Только мелкая промышленность занималась массовым производством музыкальных инструментов, в первую очередь национальных (балалаек, гармошек и др.). Одежда и обувь тоже в основном производились мелкими промышленниками.

На рынках Центральной и Северной России были хорошо известны романовские полушубки, валенки, кимрские сапоги, оренбургские пуховые платки. Широкое распространение в стране получили разного рода художественные промыслы: иконопись (Палех), изготовление тонких кружев (Вологда), хохломская роспись (Нижний Новгород), дымковская игрушка (Вятка) и т.д.

Таким образом, в России к началу XX в. сложились центры развитой мелкой промышленности, базирующейся на традиционных промыслах с

устойчивой структурой производства, которые спокойно сосуществовали с крупной промышленностью и рыночными монополиями.

Дальнейшее развитие в пореформенный период получила ярмарочная торговля, не смотря на быстрый процесс формирования единого экономического пространства, прежде всего, за счет активного железнодорожного строительства, роль ярмарок не только не уменьшилась, но еще более возросла. Если в 1865 г. в России действовало 6,5 тыс. ярмарок, то в 1911 – уже 16 тыс. с оборотом в 1 млрд. руб., при том, что государственный бюджет Российской империи был равен в том же году 1 млрд. 835 млн. руб. [74].

Нижегородская ярмарка становится крупнейшей в мире. Она собирала в год четверть миллиона предпринимателей и представляла целый город с сотнями павильонов, с отделениями банков и т.п. При этом на ярмарке лишь отчасти торговали привезенным товаром, все больше побеждало заключение сделок на основании образцов.

Внешняя торговля России во второй половине XIX в. не была сферой свободного предпринимательства. В это время она стала даже менее свободной, чем в нач. XIX в. – монополия государства на доходы от внешней торговли дополнилась монополией производителей зерна, нефти, сахара. Внешней торговлей ввиду ее выгоды занимались только самые экономически сильные или привилегированные предприниматели. Кроме того, продавать свою, во многом неконкурентоспособную, продукцию Россия могла либо при поддержке государства, либо используя политику монополии. Такая искусственная внешнеэкономическая политика нарушала естественные соотношения цен, а также соотношение экспорта и импорта товаров.

Запоздалое промышленное развитие России определило ее особое положение на мировом рынке, свою нишу на котором она смогла завоевать, прежде всего, благодаря экспорту зерна. Зерновой рынок России в пореформенный период развивался довольно быстро: если в 1860-е гг. на него поступало от 500 до 700 млн. пудов зерна, то в 1890-х гг. – уже свыше 1 млрд. пудов, (это позволяло ежегодно экспортировать в 1861-1866 гг. в среднем по 80 млн. пудов), а в 1896-1900 гг. – уже 444 млн. пудов зерна. Иначе говоря, за пореформенные 40 лет объем вывоза зерна вырос в 5,5 раза. Если в начале 1860-х гг. оно составляло 31% стоимости вывозимых из России товаров, то в конце 1890-х гг. – 47% [29].

Другими важными статьями российского экспорта являлись лес, лен, продукция животноводства. За 1860-1890-е гг. значительно увеличился вывоз сахара с 3,3 млн. до 12,4 млн. пудов. При этом Россия поддерживала устойчивый активный внешнеторговый баланс не в последнюю очередь благодаря жесткой монополизации внешней торговли.

Монополии в своих интересах ограничивали внутренний рынок, используя такие средства, как сокращение производства, перераспределение производимого в стране продукта между внутренним и внешним рынками в пользу последнего, а также прямое форсирование экспорта. Цель ограничения внутреннего рынка достигалась удержанием на нем высоких цен для получения монопольно высоких прибылей от собственного производства и обеспечения конкурентоспособности русских товаров на внешнем рынке.

Так, установление на внутреннем рынке монопольно высокой цены на сахар приводило к появлению его излишков, которые затем вывозились из страны по заниженным ценам. При этом Россия оставалась на одном из

последних мест по потреблению сахара населением: в 1890-х гг. на одного человека приходилось 10,4 фунта, в то время как в Германии – 47, а в Англии 92 фунта. В структуре российского импорта значительное место занимали хлопок, металлы, машины, уголь, нефть и так называемые колониальные товары (чай, кофе, пряности).

Что касается экспорта промышленных изделий, то во второй половине XIX в. он был значительным лишь в Среднюю Азию и Западный Китай, где у России отсутствовала конкуренция со стороны экономически развитых стран. Слабость внешнеторгового предпринимательства проявлялась и в том, что ряд крупнейших российских экспортеров на деле являлись агентами крупнейших западноевропейских фирм. Так, вывоз нефти и керосина контролировался Нобелями и Ротшильдами, внешняя торговля через прибалтийские порты находилась под контролем немецких фирм – через эти порты шел основной экспорт льна.

В 1880-е гг. в целях ограничения конкуренции русские промышленники стали создавать сбытовые объединения (картели и синдикаты). Их участники регулировали размеры производства, цены и условия продажи товаров. Хотя такие действия не были вполне законными, власть смотрела на них сквозь пальцы, а иногда даже содействовала заключению подобных соглашений. Более широкое развитие монополистические объединения в российской экономике получили в нач. XX в.

Российское правительство поощряло развитие торговли и старалось защитить отечественную промышленность от иностранной конкуренции путем установления протекционистских таможенных пошлин. В нач. 1890-х гг. от поощрения отдельных отраслей промышленности правительство

перешло к политике тотального протекционизма, венцом которой стал таможенный тариф 1891 г.

Великая реформа 1861 г. не только освободила от крепостной зависимости крестьян, но и сняла «путы», сковывавшие свободное предпринимательство. Реформы 60-70-х гг. XIX в. открыли путь для широкого развития капитализма в России и становления предпринимательства капиталистического типа. Быстрее всего капиталистическое предпринимательство развивалось в промышленности, медленнее – в сельском хозяйстве.

Однако о победе капитализма можно было говорить лишь применительно к крупной и средней промышленности. Сохранились и получили дальнейшее развитие различные формы докапиталистической промышленности, в основном в сфере мелкотоварного производства и ремесел. Для пореформенной России было характерно развитие капитализма «вширь» – его распространение на новые, еще неосвоенные территории и новые отрасли хозяйства. Объем промышленной продукции в России во второй половине XIX в. увеличился в семь с лишним раз, в то время как в Германии – в пять раз, во Франции – в два с половиной, в Англии – в два раза.

Однако столь высокие темпы роста были следствием не «экономического чуда», а крайне низкого уровня промышленного производства в предшествующий период. Россия по-прежнему отставала от передовых государств. Ее внешнеторговый оборот уступал американскому и германскому более чем в три раза, а торговому обороту Великобритании – в пять раз. С такими результатами российская экономика и российское предпринимательство вступили в XX столетие.

Вопросы для самоподготовки:

1. Каким образом государство решало проблему строительства железных дорог?
2. Как железнодорожное строительство повлияло на развитие народного хозяйства страны?
3. Как в пореформенный период изменилась структура торгово-промышленного класса?
4. Какие новые промышленные районы возникли в пореформенный период?
5. Почему реформы 60-70-х гг. XIX в. стимулировали формирование класса буржуазии, хотя напрямую не носили экономического характера?

Глава VIII. Деловой мир России конца XIX – начала XX вв.

8.1. Политика государства и российская буржуазия

В России в 1893 г. начался мощный промышленный подъем, предпосылки которого были заложены в предшествующий период, когда шло бурное строительство железных дорог. Создание современных транспортных артерий в свою очередь способствовало окончательному оформлению внутренних рынков. Еще одной предпосылкой промышленного подъема стало развитие капитализма в деревне. Разложение крестьянской общины и появление свободной рабочей силы привели к формированию рынка труда, росту товарности земледелия и расширению внутреннего рынка для промышленности.

«Золотое десятилетие» 90-х гг. XIX в. изменило экономику России. Вторая в мире по протяженности железнодорожная сеть, 40% которой были построены в 1890-е гг., втягивала в процесс экономической трансформации огромные территории Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. В центральных районах империи наблюдались устойчивый рост производства, концентрация и централизация капитала, приводившие к образованию монополий в различных отраслях хозяйства. Именно в этот период возрастала роль банков, и происходило перерождение промышленного капитала в финансовый капитал, постепенно занимавший доминирующее положение в экономике.

Наконец, немаловажным фактором явилась экономическая и финансовая политика, связанная с именем С.Ю. Витте и его реформаторская деятельность на посту Министра финансов (1892-1903 гг.),

Председателя Комитета министров (1903-1905 гг.) и Председателя Совета министров (1905-1906 гг.).

С.Ю. Витте ставил задачу интенсивного развития страны, ее скорейшей индустриализации с тем, чтобы в течение десяти лет догнать ведущие западноевропейские страны. Финансировать процесс индустриализации предполагалось в первую очередь за счет иностранных займов. А чтобы повысить международное доверие к рублю, следовало провести денежную реформу. Ее результатом стало введение золотой валюты [8].

В своей деятельности Витте исходил из того, что в России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются. Следовало учитывать и то, что против реформ выступала, по его выражению, почти вся мыслящая Россия: «во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке и, в-третьих, по личному, хотя и мнимому, интересу некоторых классов населения» [8].

Витте предполагал провести девальвацию (снижение стоимости рубля) на одну треть и ввести свободный обмен кредитных билетов на золото. Поскольку девальвация носила скрытый характер, реформа прошла сравнительно безболезненно, и опасения относительно возможного роста цен, высказывавшиеся, в том числе и Государственным советом, оказались беспочвенными. После указа от 3 января 1897 г. о введении золотого рубля цены практически не изменилась.

Проведение денежной реформы поставило Россию в финансовом отношении в один ряд с развитыми европейскими странами, в большинстве из которых к концу XIX в. господствовала система золотого

монометаллизма, и позволило создать более благоприятные условия для притока в страну иностранных капиталов.

Однако больше всего на росте доходов бюджета сказалась введенная при Витте винная монополия. «Основная мысль питейной монополии, – как ее определил сам Витте, – заключается в том, что никто не может продавать вино, иначе как государство, и производство вина должно быть ограничено теми размерами, в каких сие вино покупает государство, а, следовательно, и удовлетворять тем условиям, какие государство ставит как покупатель» [8]. Винную монополию начали вводить с 1894 г., и к концу пребывания Витте на министерском посту она получила распространение на всей территории империи. Доходы казны от винной монополии постоянно росли и к 1913 г. почти в три раза превышали поступления от всех прямых налогов [6].

М. Ковалевский в своем труде «Экономический строй России» писал: «Продавать водку можно только в запечатанной посуде и по цене, установленной министром финансов, а в розлив только в кабаках и ресторанах, при этом правительство учреждало систему чайных, где спиртное не продавалось вообще. Отсюда значение перехода к системе монополии для государства: увеличение своих доходов и уменьшение пьянства среди населения».

Проводившуюся правительством Витте политику по отношению к отечественной промышленности в целом можно назвать протекционистской: она преследовала цель оградить промышленность, равно как и торговлю, от иностранной конкуренции. Этому служили такие традиционные меры, как покровительственный таможенный тариф, выгодные для государства торговые договоры с другими странами и

разумные железнодорожные тарифы, способствовавшие бурному промышленному подъему 1890-х гг.

После реформы, связанной с именем С.Ю. Витте, Россия встала на новый, более здоровый путь развития и успешно выдержала ряд таких испытаний, как русско-японская война. Однако, несмотря на все искусство Витте в манипулировании кредитами, государственный долг вырос почти в полтора раза – с 4,6 млн. до 6,6 млн. руб. Создавая тепличные условия для отечественной промышленности, ограждая ее от конкуренции со стороны иностранной промышленности, эта политика негативно сказывалась на качестве продукции и менталитете российской буржуазии [6; 8].

Быстрые темпы развития промышленности достигались в основном за счет ущемления интересов сельскохозяйственного производства. При этом Витте рассматривал задачу создания собственной промышленности в качестве не только экономической, но и политической задачи, которая, по его словам, составляла краеугольный камень протекционистской системы. Естественно, такая позиция встречала сопротивление, прежде всего со стороны сельских товаропроизводителей. Открыто конфликт разгорелся в 1896 г. в Нижнем Новгороде на Всероссийском торгово-промышленном съезде, в повестке дня которого стоял вопрос о протекционизме и таможенных тарифах.

Одна часть делегатов съезда во главе с профессором Д.И. Менделеевым последовательно и решительно выступила за протекционистскую политику и высокие таможенные пошлины, которые стали бы преградой для ввоза из-за рубежа промышленных товаров, в частности сельскохозяйственных машин и орудий, и способствовали бы развитию отечественной промышленности. Другая группа участников

съезда во главе с профессором Л.В. Ходским, представлявшим Вольное экономическое общество, говорила о том, что высокие цены на чугун, железо и сталь, а также на сельскохозяйственные орудия станут тормозом для прогресса сельского хозяйства России. При голосовании предложение Менделеева поддержали 63 делегата, а Ходского – 140. Несмотря на это Витте, который возглавлял съезд, по его окончании высказался в том духе, что о «сложении» пошлин нельзя и думать, что так высказываться могут не русские люди, а пришельцы из-за границы. В конечном счете, протекционистская политика в России сохранялась вплоть до начала Первой мировой войны [8].

Наиболее высокими темпами в последнее десятилетие XIX в. развивались металлургия, машиностроение и горнозаводская промышленность. Продукция черной металлургии за 1893-1899 гг. увеличилась более чем в три раза, причем основной ее прирост давали новые, лучше оснащенные металлургические заводы юга. В три раза увеличилось производство и в машиностроении, основной продукцией которого были транспортные средства.

Быстрые темпы роста промышленности стимулировали увеличение добычи нефти и угля, а также железнодорожное строительство. Итогом промышленного подъема 1893-1899 гг. явились не только общее увеличение (более чем в два раза) продукции промышленности, но и значительная концентрация производства, которая особенно усилилась в период кризиса 1900-1903 гг., что привело к усилению монополизации в ряде отраслей. Первые монополистические объединения простого типа – «синдикаты» (соглашения о ценах, районах и квотах продажи продукции) – возникли еще в 1880-е гг., например, сахарный синдикат – в 1887 г., но

рост цен во время промышленного бума 1890-х гг. не стимулировал процесс монополизации [12].

Ситуация изменилась с наступлением в 1900 г. экономического кризиса. За три кризисных года закрылись более 3 тыс. промышленных предприятий, на которых были заняты 112 тыс. рабочих, в 5 раз сократилось железнодорожное строительство. Кризис начался в легкой промышленности, но с наибольшей силой поразил тяжелую металлургию и машиностроение, вызвав в них спад производства на 25-30% [6]. Кризис затронул и финансовую систему экономики России. И если в Европе кризис в 1904 г. закончился, то в России он перешел в депрессию, продолжавшуюся до 1909 г. [76].

Стремясь предотвратить падение цен, промышленники стали создавать мощные синдикаты: «Продамет», «Кровля» (1902 г.), «Продвагон», «Гвоздь» и «Продуголь» (1904 г.). В 1900-1905 гг. в России действовало более 30 разрешенных правительством синдикатов и большое число тайных, официально не зарегистрированных. Синдикаты становились монополистами, контролирующими большую часть сбыта продукции своей отрасли и устанавливающими монопольно высокие цены. Так, синдикат «Продуголь» объединил предприятия, на которых добывалось 75% всего угля в Донецком бассейне, «Продамет» – соответственно 80% производимой продукции. Всего к 1914 г. в России существовало около 200 монополистических объединений различного вида, превратившихся в основной фактор ее хозяйственно-экономической жизни [20].

Политика российского правительства, направленная на привлечение в страну иностранного капитала, способствовала его активному участию в

развитии экономики. Накануне Первой мировой войны за границей были размещены три четверти номинальной стоимости всех российских железнодорожных займов, как государственных, так и гарантированных правительством. В общей сумме вложений, направлявшихся на производительные цели, удельный вес иностранного капитала составлял более половины, а к 1900 г. приблизился к двум третям. Особенно значительным было его участие в железнодорожном строительстве и в промышленности [11].

Иностранные инвестиции в российскую промышленность были разнонаправленными. В металлургии и угольной промышленности юга России преобладал франко-бельгийский капитал. Английский капитал инвестировался в нефтедобычу Бакинского района, в медную промышленность Урала и Казахстана, а также в золотодобывающую промышленность Сибири. Германский капитал занимал первенствующие позиции в отраслях тяжелой промышленности Польши и Прибалтики. Предприятия иностранных предпринимателей на рубеже XIX-XX вв. выступали, как правило, в форме акционерных обществ. Из-за рубежа в основном поставлялось оборудование, однако, менее всего инвесторы были готовы приспособлять свои высокие технологические стандарты к промышленным потребностям России [11]. Проблемы зарубежного инвестирования в экономику России актуальными остались и на сегодняшний день [22].

Если в тяжелой индустрии активно шел процесс монополизации производства, то в легкой и обрабатывающей промышленности, особенно связанной с переработкой сельскохозяйственного сырья, конкуренцию

частным производителям все более составляли разного рода кооперативные объединения.

А.В. Чаянов отмечал, что после проведения Великого сибирского железнодорожного пути в районе Курганского, Ишимского и других округов один за другим появились мелкие предприниматели, вскоре покрывшие район небольшими маслодельными заводами. Сибирское маслоделие, созданное мелкими предпринимателями, в течение десятилетия «сняло сливки» с благоприятной конъюнктуры, но натолкнулось на жесткий кризис из-за чрезмерного количества построенных заводов и их ожесточенной конкуренции. Появившиеся кооперативные заводы выделялись качеством своего товара и быстро вытеснили частного предпринимателя из сферы производства масла [7].

Успешно развивались и другие виды кооперации. Кредитная кооперация своим развитием была всецело обязана деятельности чиновников Государственного банка – инспекторов мелкого кредита. Потребительская кооперация, кооперативы по закупке и сбыту, а также по переработке сельскохозяйственного сырья стали успешно развиваться в ходе Столыпинской аграрной реформы. Перед октябрём 1917 г. кооперативное движение в России достигло крупномасштабных успехов. По самым скромным подсчетам, к моменту захвата власти большевиками свыше 50 тыс. разного рода кооперативных товариществ объединяли от 10 до 20 млн. членов. России принадлежало мировое первенство по числу кооперативных организаций, а по объему товарооборота и числу участников она была среди лидирующих стран [49].

Несмотря на впечатляющие успехи, достигнутые отечественной экономикой в конце XIX в., ее поступательное развитие по

капиталистическому пути тормозили сохранение помещичьего землевладения и сословной структуры общества, отсутствие в стране гражданских свобод и законодательства, регламентирующего правовые условия деловой жизни.

Россия конца XIX – начала XX вв. оставалась аграрно-индустриальной страной, в которой около 75% населения проживало в сельской местности. Общая численность населения страны (без Финляндии и Польши) с 1897 по 1913 г. увеличилась со 125,6 млн. до 159,2 млн. человек (на 33,4%), в том числе численность городского населения – с 16,8 млн. до 28,5 млн. человек (на 70%), а его удельный вес по отношению ко всему населению вырос с 13,4 до 17,9% [17].

Наиболее быстрыми темпами росло население крупных городов: за указанные годы в Санкт-Петербурге оно увеличилось с 1,3 млн. до 2,2 млн., в Москве – с 1,04 млн. до 1,7 млн. человек. Эти два города заняли ведущие позиции как центры общероссийского представительства деловых интересов [17].

В нач. XX в. произошли существенные изменения в составе основных социальных групп населения России. На 40% увеличилась численность буржуазии, которая стала экономически самым могущественным социальным слоем. Однако этот слой российского общества не был социально и экономически однородным. Сложно установить численный состав той или иной категории предпринимателей. Почти все отечественные и зарубежные исследователи, обращавшиеся к проблеме социальной структуры российской буржуазии, приходили к выводу, что, с одной стороны, сохранение вплоть до 1917 г. сословных институтов сдерживало формирование единого класса капиталистов, с другой стороны,

шел активный процесс размывания сословий, разрушения сословных перегородок. Поэтому, говоря о численности различных социальных групп предпринимателей, необходимо учитывать соотношение двух указанных процессов [12; 20].

Ограничение прав на занятие предпринимательской деятельностью, в частности, выразалось, во-первых, в сохранении обязанности лиц, относящихся к крестьянам и городским обывателям, как их называли мещанами, получать так называемые виды на жительство в случае, если им приходилось отлучаться с постоянного места проживания. Во-вторых, лицам иудейского вероисповедания и иностранным гражданам прямо запрещалось приобретать землю в ряде губерний, прежде всего в черте еврейской оседлости. Причем такое ограничение распространялось и на акционерные компании с участием дискриминируемых лиц.

Сложность достоверной количественной оценки класса предпринимателей и его состава заключается еще и в том, что в Российской империи не существовало подходящего налогообложения, данные которого могли бы послужить основой для установления социальной дифференциации представителей предпринимательских сословий. Прямыми налогами в конце XIX в. облагались не доходы отдельных лиц (в зависимости от их величины), а их собственность – в зависимости от ее размеров. Налогообложение почти не зависело от уровня доходности того или иного предприятия [6].

В соответствии с данными о приобретении купцами гильдейских документов, к концу XIX в. число предпринимателей, относившихся к разряду крупной буржуазии, достигло около 1,5 млн. Согласно другим данным, основанным на анализе численности буржуазии с точки зрения

размера доходов, буржуазная «верхушка» в начале XX в. насчитывала примерно 25 тыс. человек (без членов семей), а численность всей группы крупной буржуазии составляла ориентировочно 150 тыс. Эта группа к 1914 г. увеличилась примерно до 250-300 тыс. человек, т.е. почти в два раза [12].

В рассматриваемый период в России образовались несколько основных типов представителей крупного капитала, на формирование которых большое влияние оказал промышленный подъем 1893 г. Первый тип – торгово-промышленные круги, объединенные в акционерные предприятия, ведущими здесь были московские капиталисты. Второй – узкий слой финансовой олигархии, сосредоточенный в основном в Санкт-Петербурге. Третий тип – представители многочисленной группы преимущественно провинциальных капиталистов, действовавших в сфере торговли [67].

Некоторые исследователи склоняются к тому, что роль монополистического капитала и финансовой олигархии в России в нач. XX в. несколько преувеличена. В частности, преувеличивалась роль упоминавшихся синдикатов «Продамет» и «Продуголь» в негативном воздействии на экономику в целом, выражавшемся в неоправданном вздувании цен и сокращении производства и получении, таким образом, повышенных прибылей [73].

Правильнее, считают они, говорить не столько об умышленном создании монополистами чугунного и угольного голода, сколько об умелом использовании ими в своих интересах закономерностей процесса капиталистического производства. Если темпы концентрации прибыли были более высокими у синдикатов, то норма прибыли у независимых предприятий, по крайней мере, в металлургической и угольной

промышленности, оставалась более высокой, что обеспечивало их выживание. Это, в частности, означает, что независимые углепромышленные общества не были разорены синдикатом, но постоянно развивали свое производство и увеличивали свои доходы и рентабельность [73].

Думается, несколько преувеличено и представление о влиянии крупных монополистов на правительство. Напротив, анализ положения крупной буржуазии в нач. XX в. показывает, что существенные факторы преуспевания промышленников оказывались сосредоточенными в руках правительства: оно устанавливало цены на продукты винокуренных заводчиков, нормировало операции и доходы сахарозаводчиков, с помощью тарифов на казенных железных дорогах держало в своих руках всех производителей предметов массового потребления.

Той же цели служили широко разветвленная система казенных заказов, раздаваемых промышленным предприятиям, и, наконец, особая система «контролирующего» участия агентов правительства в частнокапиталистических делах. Обязательными участниками всех съездов, совещаний деятелей промышленности и торговли являлись представители различных министерств.

Цель политики С.Ю. Витте, по мнению некоторых ученых, заключалась в том, «чтобы спаять торгово-промышленную буржуазию с самодержавием, не давая ей никаких политических прав, но ограждая все ее интересы так, чтобы примирить ее вполне с ее политически-бесправным положением» [8].

Почти во всех акционерных обществах, банках, синдикатах присутствовали агенты правительства, специально им делегированные.

Всюду была видна тенденция – «зацепить» представителей капитала «зубцами колеса бюрократической машины» [73].

8.2. Возникновение финансового капитала и олигархии

Широкий размах в России в конце XIX – начале XX вв. получило банковское дело. Центральное место в банковской системе занимали Государственный банк России, являвшийся крупнейшим кредитным учреждением страны и проводивший в жизнь экономическую политику правительства, и столичные акционерные коммерческие банки, которым он постепенно уступал свои позиции. Правления 11 из 50 акционерных коммерческих банков, действовавших на территории Российской империи к началу Первой мировой войны, располагались в Санкт-Петербурге, 7 – в Москве. Только за 10 лет с 1901-1911 гг. было учреждено 24 банка с капиталом 109 млн. руб. и открыто 15 с капиталом 75 млн. руб. [49].

Наиболее важную роль играла группа Петербургских банков, так называемая «большая пятерка» – Русско-Азиатский, Петербургский международный, Азовско-Донской, Торгово-промышленный, Русский банк для внешней торговли. На их долю приходилась почти половина всех ресурсов капитала и активов русских акционерных банков [49].

Финансовая жизнь кипела и в Москве – здесь одним из крупнейших был Московский купеческий банк; среди его учредителей были известные в России фабриканты: С. Морозов, С. Милютин, И. Лямин. Учредителями другого влиятельного банка – Московского учетного – были обрусевшие выходцы из Германии, заработавшие капиталы торговыми и банковскими операциями (фирмы «Вогау и Ко», «Л. Кноп», «К.И. Котуар» и др.). Вместе

с ними в качестве учредителей выступали чаеоторговая фирма Боткиных, один из крупнейших торговцев мануфактурой И. Щукин и другие московские предприниматели [49].

Развитие банковского предпринимательства в Москве можно проследить на примере банкирского дома «Братья Рябушинские», учредителями которого выступили шесть братьев Рябушинских – представителей известной еще с начала XIX в. купеческой династии, принадлежавшей к старообрядцам. Свой основной капитал они сделали в 1860-1870-х гг. в хлопчатобумажном производстве. Рябушинским принадлежали бумагопрядильная, ткацкая, красильно-отбельная и аппретурная фабрики, получившие название «Товарищество мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями»; основной капитал Товарищества составил 2 млн. руб. В 1887 г. на фабриках Рябушинских работали 1200 человек [13].

В 1902 г. братья Рябушинские приняли решение о создании своего банкирского дома, основанного на принципе равенства его участников. Банкирский дом начал функционировать с 1 июля 1902 г.; в тот момент его основной капитал составлял 1 млн. 50 тыс. руб., а вклады – только 7 тыс. руб. Но уже в следующем году Рябушинские увеличили свой основной капитал и продолжали его наращивать и далее. К 1912 г. капитал банкирского дома «Братья Рябушинские» достиг 5 млн. руб., а банковские вклады выросли до 19 млн. руб. В том же году Рябушинские переоформили частный банкирский дом в Московский банк – с первоначальным капиталом в 10 млн., который к 1914 г. увеличился до 25 млн. руб. Уже в ходе Первой мировой войны Павлом Рябушинским был разработан проект объединения Московского банка с Русским Торгово-промышленным и

Волжско-Камским банками. Если бы это объединение состоялось, Рябушинским удалось бы создать «банк мирового масштаба» с огромным основным капиталом – свыше 120 млн. руб. Однако этому объединению не было суждено состояться [49].

Наряду с акционерными банками в России существовала широко разветвленная система обществ взаимного кредита и городских банков: в 1913 г. первых насчитывалось 1108, где общая сумма их основных активов составляла 865 млн. руб., а вторых – 317, где сумма их активов достигла 245 млн. руб. [2].

С начала XX в. обозначилось новое явление в истории отечественного крупного предпринимательства – усиленное проникновение банковского капитала в сферу промышленного производства, возникновение объединенных промышленно-банковских монополий, ориентированных большей частью на оборонные отрасли промышленности.

В 1912 г. Русско-Азиатский банк установил свой контроль над обществом Путиловских заводов и за два года превратил его в организационный центр мощной военно-промышленной группы, куда также вошли Товарищество Невского судостроительного и механического завода, Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов, а также ряд других предприятий. По сути, возник громадный военно-промышленный концерн.

Финансово-промышленные группы были созданы и другими банками Санкт-Петербурга: Петербургским международным, Учетным, Ссудным и др. Все эти группы, так или иначе, были ориентированы на оборонные отрасли промышленности, в результате чего между ними развернулась острая конкурентная борьба за выгодные правительственные заказы [6; 7].

Развитие банковской системы, промышленный подъем конца XIX в. повысили значение биржевой торговли. К концу столетия в России наблюдался рост числа бирж: если до 1861 г. их было лишь шесть, то к 1898 г. – уже 24, а к началу Первой мировой войны насчитывалось более 100 бирж. Происходили и качественные изменения в организации биржевого дела. В широких масштабах стала осуществляться продажа валют, переводных векселей, государственных ценных бумаг, облигаций государственных и железнодорожных займов, ипотечных бумаг. Наибольшим спросом на биржах страны пользовались акции металлургических и механических предприятий, коммерческих банков и нефтяных компаний [19].

Возросший объем промышленного производства, расширение внутреннего рынка, а также растущие международные торговые отношения способствовали формированию новых форм биржевой торговли. Впервые появились специализированные товарные биржи, ведущее положение среди которых занимали зерновые, что было неудивительно, поскольку Россия вышла на первое место среди мировых экспортеров зерна. Особенно активизировалась биржевая деятельность в нач. XX в. Настоящий биржевой бум начался с 1905 г., и в его результате до 1912 г. было учреждено более 40 новых бирж. Всего же на 1 января 1913 г. в стране действовали 93 общие и специализированные биржи [19].

Вместе с увеличением размаха биржевой торговли и количества бирж росло их значение в качестве всесловных предпринимательских организаций. Биржи в России управлялись биржевыми собраниями и комитетами. Биржевое собрание состояло из выборных (гласных) – в количестве от 80 до 150 человек – от всего биржевого сообщества (его

образовывали все ведущие на бирже дела купцы первой и второй гильдий). В его компетенцию входили: установление правил торговли, обращение с ходатайствами в правительство о своих нуждах и потребностях, рассмотрение и утверждение смет, выборы состава биржевых комитетов и утверждение их отчетов. Численный состав биржевых комитетов колебался в пределах 15-25 человек [50].

Именно биржевой комитет решал все текущие дела биржевого сообщества и подготавливал ходатайства в правительственные организации о нуждах биржевой торговли. Биржевые комитеты содействовали консолидации торгово-промышленных кругов России. В конце XIX – начале XX вв. они превратились в крупнейшие организации «третьего сословия», игравшие роль представительных учреждений [50].

Среди руководителей биржевого сообщества лидирующие позиции занимали представители крупного капитала. Во главе Петербургского биржевого комитета десятилетиями стоял А.Я. Прозоров – один из виднейших руководителей Волжско-Камского банка. Председательский пост в Московском биржевом комитете много лет занимал Г.А. Крестовников – глава старейшего Московского купеческого банка. Самой авторитетной биржевой организацией был Московский биржевой комитет, объединявший вокруг себя около 500 семей торгово-промышленного сословия, главным образом центра страны [50].

Биржа в России заняла место фактически отсутствовавших органов официального представительства предпринимателей. Это отвечало и интересам правительства, так как закон официально запрещал заниматься на бирже обсуждением политических вопросов, а круг рассматриваемых

там проблем экономической политики в основном ограничивался интересами предпринимателей.

По мере развития в России предпринимательства возникали различные формы его представительских организаций: купеческие, ярмарочные и биржевые общества, их исполнительные органы, позднее – различные съезды торговли и промышленности, их советы, которые представляли интересы российского капитала перед центральными и местными органами власти [42].

Вместе с упадком купеческого сословия деятельность купеческих обществ постепенно утратила свой профессионально-представительский характер и все более приобретала представительско-просветительский: основными в деятельности этих обществ становились организация спектаклей, концертов, проведение вечеров с карточными играми и буфетом. К примеру, доходную часть бюджета Саратовского коммерческого собрания за 1915 г. составляли: членские билеты – 19155 руб., карты – 17500 руб., штрафы – 110187 руб. [7].

Превращение «верхушки» предпринимателей в экономическую элиту общества поставило на повестку дня вопрос о необходимости создания более крупных объединений буржуазии, защищающих ее право на ассоциирование и формально независимых от государства. Помимо биржевых собраний и комитетов одной из форм представительства интересов предпринимателей, прежде всего промышленной буржуазии стали торгово-промышленные съезды. Первые попытки их организации были предприняты еще в самом начале пореформенного периода: в 1865 г. с разрешения властей в Москве состоялся созванный по инициативе местного биржевого комитета съезд местных и иногородних фабрикантов с

целью обсуждения таможенной политики. В 1867 г. аналогичный съезд состоялся в Санкт-Петербурге [12].

Инициатива в проведении всероссийских торгово-промышленных съездов принадлежала не только правительству и предпринимателям, но и интеллигенции, прежде всего технической (включавшей инженеров, технологов, профессоров технических школ и институтов и т.п.), по своему положению ближе всего стоявшей к промышленности [7].

Первый торгово-промышленный съезд состоялся в 1870 г. Он был приурочен к открывшейся в Санкт-Петербурге мануфактурной выставке. Несмотря на то, что созыв съезда был торжественно обставлен, широкая масса русской буржуазии отнеслась к нему довольно равнодушно. Это отразилось и на участии в его работе самих промышленников: они, как было констатировано на съезде, были представлены весьма слабо. Среди принятых на съезде 20 резолюций было, в частности, пожелание собрать следующий съезд не позднее чем через два года [7].

Однако второй торгово-промышленный съезд собрался в Москве лишь через 12 лет – в 1882 г. Точнее, тогда в Москве собрались даже два съезда. Однако если на первом из них проявилась умеренно протекционистская тенденция, то вызвавший наибольший резонанс второй съезд (созванный Обществом содействия промышленности и торговле), решительно встал на путь активного протекционизма. Промышленная буржуазия была представлена на втором съезде значительно сильнее, хотя и оставалась в меньшинстве. На съезде прозвучала резкая критика в адрес, как правительства, так и официальных организаций с участием предпринимателей. Все это свидетельствовало о том, что за истекшие 12 лет русская буржуазия выросла и осознала свою силу [20].

Последний (четвертый) торгово-промышленный съезд состоялся в 1896 г. в Нижнем Новгороде и проходил одновременно с Всероссийской выставкой и Макарьевской ярмаркой. Оценки его работы не были однозначными. Согласно одним из них, съезд продемонстрировал еще более возросший политический вес буржуазии, согласно другим – промышленники на этом съезде были действительно «сильно представлены», но «еще многочисленнее было представительство элементов, стоявших вне промышленной среды, а то и прямо ей враждебной». Это обстоятельство не могло не сказаться на содержании работы съезда и принятых им постановлений: голоса отдельных представителей фабрикантов и торговцев терялись в общей массе голосов «приглашенных лиц» [20].

В специфических условиях русского капитализма торгово-промышленные съезды не смогли стать адекватной формой представительства интересов предпринимателей. Ввиду необязательности решений съезда для правительства эти решения и постановления не давали никакого результата.

С начала 1870-х гг. получила распространение и такая разновидность представительских организаций крупного капитала, как регионально-отраслевые съезды с их постоянно действующими органами. Эти съезды созывались самими предпринимателями, что позволяло закрыть на них доступ либерально-интеллигентскому и бюрократическому элементам.

Первыми созвали и провели свой съезд горнопромышленники юга России; он состоялся в 1874 г. в Таганроге. Начиная с 1880 г. проводились съезды горнопромышленников Урала (до 1896 г. их состоялось четыре). С 1884 г. устраивались съезды нефтепромышленников Баку (всего с 1884 по

1916 гг. состоялось 35 съездов), с 1888 г. – всероссийские съезды мукомолов (всего с 1888 по 1913 гг. состоялось 11 съездов), с 1902 г. созывались съезды Каспийско-Волжских рыбопромышленников (всего 8 съездов), с 1908 г. – съезды судовладельцев Волжского бассейна (до 1913 г. состоялось 5 съездов) и т.д. Одновременно с проведением съездов создавались их руководящие органы, например, Совет съездов нефтяной промышленности – один из самых влиятельных – имел представительство в Санкт-Петербурге и годовой бюджет в 2,5 млн. руб. [6; 7].

Все эти многочисленные «съезды» с их постоянными советами и уполномоченными, уже в 80-е гг. XIX в. оттеснившие на второй план прежние совещательные организации промышленных и торговых деятелей, изначально имели характер ходатайствующих организаций, систематически апеллирующих к органам государственной власти. Присутствие в Санкт-Петербурге уполномоченных от большинства представительных организаций буржуазии красноречиво свидетельствует об их теснейших связях с правительством и о том, что центр тяжести в их деятельности лежал именно в непосредственном давлении на механизм государственной власти.

Помимо отраслевых возникали также территориальные организации предпринимателей. Первой из них стало Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, образованное в 1893 г. К концу XIX – началу XX вв. съезды организовывались практически во всех отраслях хозяйства России. Они были авторитетными представительными организациями, выражавшими наиболее существенные социальные и экономические интересы

предпринимателей, на них выработывалась единая тактика по основным вопросам экономической политики.

В свою очередь правительство в условиях бурного экономического подъема 1890-х гг., сознавая неотвратимость индустриализации страны и предпринимая определенные усилия в этом направлении, рассчитывало на помощь отраслевых и региональных организаций крупной буржуазии. При этом правительству импонировали традиционная аполитичность и ходатайствующая позиция этих организаций. Оно поощряло, а иногда и непосредственно способствовало созданию организаций предпринимателей и увеличению числа отраслевых съездов промышленников. Можно с уверенностью сказать, что при С.Ю. Витте между правительством и буржуазией установились прочные и надежные отношения [8].

Рассматривая эти отношения, следует критически относиться к утвердившемуся в литературе тезису об экономическом господстве и одновременном политическом бесправии, ущемлении интересов буржуазного класса в условиях пореформенного развития России. Действительно, уже в 80-90-е гг. XIX в. буржуазии удалось оттеснить на второй план российской экономики поземельное дворянство. Однако ее экономическое господство во многом зависело от малоэффективного и одновременно расточительного казенного уклада, государственных заказов, субсидий, льгот и т.п., а также от чиновничьего произвола [7].

Царская администрация постоянно вмешивалась в деятельность предпринимательских организаций, вносила изменения в программы очередных торгово-промышленных съездов и т.д. Самодержавная власть не хотела выпускать и не выпускала их из-под контроля, вводя разрешительный порядок учреждения, обязательную публичную

отчетность, предопределяя тем самым ходатайствующий характер этих организаций [7].

В нач. XX в. в России насчитывалось около 150 предпринимательских объединений, при этом вплоть до революции 1905 г. буржуазия не имела ни общероссийской представительской организации, ни собственных политических партий. Однако события начала 1905 г. ускорили ход классово-политического самоопределения российской буржуазии. Участники (из среды предпринимателей) созданной после 9 января 1905 г. комиссии министра финансов В.Н. Коковцова по рабочему вопросу высказывали мнение о том, что решение этого острейшего вопроса лежит не в частных уступках рабочим, а «в изменении общих политических условий» [15].

После февраля 1905 г. в центр внимания деловых кругов выдвигается задача обеспечить свое «самостоятельное представительство» в будущей Государственной Думе. С этой целью была создана инициативная группа из петербургских и московских предпринимателей, которая подготовила созыв съезда представителей промышленности и торговли. На этом съезде (Москве 4 июля 1905 г.) произошел разрыв между консерваторами во главе с председателем Московского биржевого комитета Н.А. Найденовым и радикально настроенными деятелями нового поколения - П.П. Рябушинским, А.С. Вишняковым и др. Причиной раскола стал призыв со стороны «молодых» к введению в России конституционного строя.

Общероссийского политического объединения буржуазии не произошло прежде всего в силу внутренних разногласий между ее различными группами. Однако Манифест 17 октября 1905 г., разрешивший свободную организацию политических союзов, предпринимательские слои

встретили восторженно. Возникло несколько партий крупной и средней буржуазии, ведущими из которых явились прогрессивно-экономическая, умеренно-прогрессивная, торгово-промышленная партии, а также Всероссийский торгово-промышленный союз и партия правового порядка.

Первой по времени образования была Прогрессивная экономическая партия. Ее ядром являлась группа петербургских фабрикантов, а лидерами стали железозаводчик М.Н. Триполитов и директор Петербургского международного банка С.С. Хрулев. Умеренно-прогрессивную партию возглавила «левая» часть московской буржуазии во главе с П.П. Рябушинским и С.И. Четвериковым. Группа деятелей во главе с Г.А. Крестовниковым сформировала Торгово-промышленную партию. Все три названные партии, несмотря на некоторые различия в программах, объединили, прежде всего «верхи» делового мира России [6].

Интересы заводчиков и фабрикантов отразил созданный в ноябре 1905 г. в Петербурге Всероссийский торгово-промышленный союз, который провозгласил важность «экономического содружества торгово-промышленных классов и их служащих». Среди предпринимательских объединений заметное место заняла Партия правового порядка, которая представляла правое крыло либеральной оппозиции и возглавлялась потомственным почетным гражданином, крупным петербургским домовладельцем А.А. Тарасовым. Партия правового порядка требовала установления сильной власти как основного условия для «живучести государства» и ограждения свобод граждан от «насильственного посягательства» [6].

Отсутствие единой политической организации, раздробленность сил ослабляли позиции предпринимательских слоев в предвыборной кампании

в I Государственную Думу. Открыто заявленный «буржуазный» характер их политических образований отталкивал простых избирателей. Немаловажно и то обстоятельство, что, в отличие от партий социалистической ориентации, предпринимательские объединения не обещали рядовому россиянину скорого и радикального улучшения жизни.

Все это ставило в повестку дня неизбежность «блокировки» родственных партий. Частично такое объединение произошло на базе «Союза 17 октября», где лидером партии был А.И. Гучков – крупный предприниматель, директор Московского учетного банка, член Совета страхового общества «Россия». Однако итоги избирательной кампании весны 1906 г. оказались крайне неутешительными: партии крупной буржуазии провели в Думу всего 16 своих представителей, из которых 13 были октябристами, двое представляли умеренных прогрессистов и один – торгово-промышленную партию [16; 72].

В результате большинство предпринимательских политических союзов прекратило свое существование, а частью вошли в состав партии октябристов, которая стала самой влиятельной политической партией российской буржуазии [72].

Однако не следует преуменьшать влияние российской буржуазии на государственную политику. Во-первых, крупная буржуазия уже с конца XIX в. прекрасно сознавала свою силу и успешно осуществляла организованное давление на правительственный аппарат с целью удовлетворения своих материальных интересов. Так, ею были нейтрализованы все серьезные попытки правительственного вмешательства в отношения предпринимателей и рабочих. Во-вторых, уничижительные

оценки общественной роли буржуазии неприемлемы и потому, что затемняют вопрос о ее развитии и качественном росте.

Еще в конце XIX в. в условиях начавшегося промышленного кризиса в буржуазной среде стал пробуждаться интерес к таким общественным проблемам, как, например, емкость внутреннего рынка, состояние правовых отношений и народного образования и т.п., т.е. к политике правительства в целом. Однако на фоне саморазвития других классов и слоев общества это «пробуждение» было менее решительным и значительным, так что до начала 1905 г. предпринимательские слои не смогли оформиться в устойчивое и влиятельное собственно буржуазное оппозиционное направление.

Сложившиеся в предреволюционную эпоху организации торговцев и промышленников в своей деятельности обычно не выходили за пределы корпоративных интересов и непосредственных «нужд» той или иной отрасли торговли и промышленности. Только с точки зрения этих непосредственных нужд определялось отношение экономических и сословных организаций к государству, как к огромной экономической силе. Вопросы общей политики входили в круг их интересов лишь эпизодически и почти исключительно постольку, поскольку непосредственно соприкасались с поглощающими их внимание «нуждами» [7].

Представляется, что главной причиной запаздывавшего политического становления русской буржуазии явилась рутинная привычка этого класса приспособляться к медленно эволюционировавшей общественно-политической системе. Казалось бы, что в 1905 г. политической «обезличенности» буржуазии пришел конец. Однако и в новых условиях ее авторитет в глазах народных масс, а значит, и

политическая самодеятельность, подрывались тем обстоятельством, что запоздалый буржуазный либерализм по части переустройства государственного строя России был неискренним и прикрывал собою боязнь глубоких социальных реформ, нежелание поступиться своими материальными интересами [29].

Под влиянием забастовочного движения и других форм классовой борьбы в 1905 г. стали возникать и множиться неизвестные ранее союзы работодателей, в отличие от прежних организаций ходатайствующего типа нацеленные на организованный и прямой отпор рабочему движению. Примером такого союза явилось Петербургское общество заводчиков и фабрикантов, созданное в 1906 г. [7].

Помимо Союзов промышленников одной отрасли производства, возникали и смешанные союзы, созданные по территориальному признаку – независимо от отрасли промышленности. В качестве подобного примера можно назвать «Общество фабрикантов и заводчиков Центрального промышленного района». Кроме Петербурга и Москвы, подобные союзы существовали в Риге, Варшаве, Вильно, Белостоке и других городах. Всего накануне февральской революции в стране насчитывалось 175 предпринимательских организаций.

В годы первой русской революции арсенал деятельности предпринимательских союзов включал самые радикальные методы борьбы с растущим движением наемных работников – от составления «черных» списков, проведения локаутов, создания противостачечных фондов до вербовки штрейкбрехеров и т.п. Однако в последующий период велась более конструктивная работа по установлению взаимоотношений между рабочими и работодателями.

В докладе Совета Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района «О его деятельности за 1909 г.» отмечалось, что общество сконцентрировало свою деятельность более всего в сфере общепромышленных вопросов, касающихся: фабричного законодательства, фабричной инспекции, врачебной помощи, организации юридического консультирования промышленников, широкого развития регистрации увечных инвалидов, таможенных реформ, земского обложения, изыскания совместных мер по защите от чрезвычайного увеличения платежей и других направлений в области реальной промышленной политики [59].

Венцом организационного единения представителей делового мира России во второй половине XIX – начале XX вв. стала единая предпринимательская организация – Совет съездов представителей промышленности и торговли, созданный в октябре 1905 г. с целью «выяснения и обсуждения вопросов, касающихся общих нужд промышленности и торговли» [6].

Действительными членами «съездов» являлись как официальные организации и биржи, комитеты торговли и мануфактур, съезды промышленников, так и крупные частные предприниматели (с капиталом не менее 300 тыс. руб.) или их представители, имеющие целью объединение своих членов на почве экономических интересов. К концу первой русской революции в рядах «съездов» насчитывались 48 действительных членов и 101 совещательный член. Делами съездов управляли Совет и назначаемый им комитет [6].

Съезды не занимались политикой в прямом значении этого слова. Они «продолжали линию дореволюционных организаций промышленников, энергично добивались фактического расширения

пределов их влияния и власти, пренебрегая политическими гарантиями этой власти», практиковали систематическое давление на органы государственной власти применительно к новым условиям [19].

Однако существующие политические партии буржуазии были не в силах восполнить пробелы, заключавшиеся в слабо развитом «чувстве солидарности» и недостаточной организованности русских капиталистов, о чем с беспокойством предупреждали в марте 1908 г. члены Петербургского общества заводчиков и фабрикантов. Под влиянием понесенных на выборах в I и II Государственные Думы поражений российские деловые круги отошли от широкой политической деятельности. После изменения 3 июля 1907 г. избирательного закона и результативных для буржуазии (представленной «Союзом 17 октября») выборов в III Государственную Думу лидеры отечественного делового мира сосредоточили главное внимание на защите интересов промышленности и торговли в законодательных учреждениях [6].

После окончания первой русской революции значение буржуазии в общественно-политической жизни страны продолжало возрастать. Этому способствовало принятие правительством Временных правил об обществах и союзах, упростивших порядок учреждения общественных организаций. В это время получили широкое распространение новые отраслевые общества и союзы: Союз писчебумажных фабрикантов России, Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, Всероссийское общество суконных фабрикантов [12].

В 1910-е гг. были также образованы Русско-английская, Русско-бельгийская, Русско-итальянская, Русско-американская, Русско-французская и Славянская торговые палаты, которые осуществляли

представительство интересов российской буржуазии на внешних рынках, содействуя развитию внешней торговли страны.

Правда, попытка создания Всероссийской торгово-промышленной палаты, с которой выступил Московский биржевой комитет, так и не увенчалась успехом ввиду противодействия большинства биржевых комитетов, которые боялись потерять свое влияние на торгово-промышленную политику в регионах. Окончательному решению этого вопроса помешала Первая мировая война.

Гигантским ускорителем процесса организационного оформления представительства буржуазии стал февраль 1917 г. С февраля по октябрь 1917 г. было учреждено больше ее представительских организаций, чем за последние 10 лет существования монархии в России [72].

При Временном правительстве был создан Главный комитет защиты промышленности, который учредил 13 крупнейших представительных организаций буржуазии. 19-22 марта 1917 г. работал Всероссийский торгово-промышленный съезд, создавший Всероссийский и Петроградский торгово-промышленный союзы. Цель съезда, созванного по инициативе П.П. Рябушинского, заключалась в том, чтобы объединить все торгово-промышленные представительные учреждения страны. Однако история не отпустила для этого необходимого времени, помешала Октябрьская революция 2017 г. [24].

В целом российская экономическая политика конца XIX – начала XX вв. в значительной мере сводилась к ускоренному развитию промышленности за счет мобилизации внутренних ресурсов, привлечения иностранных капиталов, таможенной защиты отечественной промышленности от западных конкурентов и поощрения вывоза товаров из

страны. Это позволило более чем в два раза увеличить промышленное производство и приблизить Россию к индустриально развитым странам. Столыпинская аграрная реформа серьезно преобразовала аграрный сектор экономики.

Существенно изменились за этот период состав основных социальных групп российского общества и их соотношение. Следствием ускоренного промышленного подъема 1890-х гг. стали упрочение капиталистического производства, его монополизация и соответственно превращение буржуазии в могущественный социальный слой. Сращивание промышленного капитала с банковским и образование финансового капитала привели к выделению «верхушки» капиталистического предпринимательства – финансовой олигархии. Одновременно происходило социально-политическое самоопределение российской буржуазии, выразившееся в увеличении количества, повышении роли ее представительных организаций.

К началу XX в. в стране сформировалась разветвленная структура организованного представительства интересов капитала. Совещательные предпринимательские союзы работодателей и всероссийские съезды представителей промышленности и торговли оказывали существенное влияние на ход экономического развития страны. После революции 1917 г. в России организации предпринимателей прекратили свое существование на 74 года.

Вопросы для самоподготовки:

1. В чем причины ускорения экономического развития России на рубеже XIX-XX вв.?

2. Укажите основные итоги проведения денежной реформы 1897 г.?

3. Какие цели преследовало правительство, вводя винную монополию?

4. Какие общественные организации были созданы буржуазией для представительства и защиты ее интересов?

Глава IX. Конфессиональное предпринимательство в России

9.1. Церковь и предпринимательская деятельность

Центрами, вокруг которых объединялось древнерусское купечество, часто становились православные храмы, где под надзором епископа хранились казна, документы, меры длины и веса. Церковь практиковала сдачу в аренду своих подвалов под склады товаров. На первых порах даже торговля проходила прямо в храмах. Позднее она была вынесена на площади близ церквей. В день открытия торговли перед храмом поднимался крест или флаг. Это свидетельствовало о том, что торг охраняется церковью или княжеской властью. На Руси влияние церкви на развитие предпринимательства было скорее положительное.

По этой причине в наиболее выигрышном положении находилась монастырская торговля. Она была освобождена от целого ряда поборов и повинностей. При этом за монахами-торговцами стоял высокий авторитет церкви, на содержание которой, еще со времен Киевской Руси, была установлена десятая доля от годовых сборов - десятина. Монастырские ремесленники не только удовлетворяли внутренние потребности, но и продавали часть своих изделий. На рынок поступали относительно дешевые массовые изделия церковно-монастырского ремесла – нательные крестики, складни, небольшие каменные и металлические иконки, широко встречающиеся не только в восточнославянских землях, но и за пределами Руси, в странах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Что касается предпринимательской деятельности монастырей, то первоначально она ограничивалась сферой внутреннего обмена, их люди не отправлялись с товарами в дальние заморские страны, как это делали

профессиональные купцы – гости, вывозившие наряду с прочими товарами некоторые изделия монастырских ремесленников. Однако по мере трансформации мелких обителей в крупные монастырские общины их место в экономической жизни Древней Руси, в том числе и в сфере обмена, не могло не расширяться. Во второй половине XI-XII вв. у крупнейших монастырей Киева (Киево-Печерская лавра) и Новгорода (Юрьев монастырь) уже появились земельные владения, что позволяло им часть выращенного крестьянами монастырских сел зерна реализовывать на рынке.

Тем не менее, в целом древнерусские монастыри до монгольской эпохи, еще не имея крупных вотчин и промыслов, не могли быть прочно связаны с товарно-денежными отношениями. Их деятельность в XI-XIII вв. в области торговли носила еще ограниченный характер, поскольку монастырское хозяйство тогда ориентировалось в основном на самостоятельное обеспечение, а не на рынок.

9.2. Монастырское, старообрядческое и ростовщическое предпринимательство

Укрепление Московского княжества в XIV в. способствовало оживлению деловой активности населения. Ряды средневекового русского купечества пополнялись и за счет так называемых церковных людей. В XIV- XV вв. церковь все активнее втягивалась в сферу обмена. Хотя еще во времена Ивана Калиты митрополит Руси Петр запрещал и белому, и черному духовенству заниматься торговлей и ростовщичеством, но жизнь заставляла церковных иерархов отказываться от этих запретов и даже

самим посылать своих людей в торговые поездки. При московских великих князьях Дмитрие Донском и его сыне Василии Дмитриевиче представители митрополита, торговавшие излишками натуральных доходов, уже были освобождены от уплаты тамги.

Еще большей предпринимательской хваткой отличались игумены крупнейших монастырей северо-восточной Руси, владевших вотчинами, рыбными промыслами, соляными варницами и нуждавшихся в дополнительных продуктах для прокорма церковной братии. Предпринимательство монастырей стимулировалось льготами, которые они получали, с одной стороны, от Золотой Орды (освобождение от десятины), а с другой – от князя (право беспошлинной торговли).

Такими привилегиями активно пользовались ярославский Спасский, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, суздальский Спасо-Ефимьев, вологодский Глушецкий и другие монастыри. Они имели свои дворы на посадах в ряде крупных городов, включая Новгород и Москву. Чаще всего монастырские купчины везли на продажу рожь, рыбу, соль, мед. Не брезговали монастыри и производством водки на продажу [66]. По мнению некоторых авторов, первая русская водка на зерновом, хлебном сырье была создана в одном из монастырей Московского государства предположительно в 40-х гг. XV в.

Широкий размах приобрела торговая деятельность подмосковного Троице-Сергиева монастыря, отправлявшего в 60-х годах XV в. только в Новгород 300 возов с товаром зимой и 300 телег летом. Его лодки с товарами плавали по Волге, Оке, Шексне, Северной Двине и другим рекам. Для постоя и проживания торговых людей использовались принадлежащие ему городские дворы во Владимире, Соли Галичской, Угличе.

Не отставал от него Кирилло-Белозерский монастырь, имевший несколько дворов на посадах в Вологде, Белоозере и развернувший торговлю от Холмогор до Москвы. Кирилло-Белозерский монастырь активно торговал рыбой и солью. Сам монастырь был расположен на озере Белом, к северо-западу от Вологды, но рыбу монастырские крестьяне ловили на реке Умбе, на юго-западном берегу Кольского полуострова и продавали ее голландским купцам [14]. Монастырь являлся постоянным торговым партнером Твери, где ему был отведен участок на берегу Волги у городского рва под соляные амбары и дворы. Эти места числились за монастырем вплоть до конца XVII в. [28].

Надо отметить, что из-за высоких рыночных цен на соль ее добыча была очень выгодна, поэтому солеварением в XIV-XV вв. занимались и великие князья, и боярство рангом пониже, и монастыри, и крестьяне. В северо-восточной Руси в рассматриваемый период немало солеварен в районах Соли Галицкой, Соли Великой, Соли Переяславской, Галича Мерского, Ростова принадлежало монастырям, использовавшим труд не только феодально-зависимых людей, но и «наймитов» со стороны. Часть добытой соли потреблялась самими монахами, а довольно значительные излишки с выгодой сбывались.

Предпринимательская деятельность монастырей приносила им реальную выгоду. Очевидна связь этого явления с дальнейшим ростом движимого и недвижимого имущества крупнейших обитателей. За вторую половину XVI в. только Троице-Сергиев монастырь приобрел разными путями 67 сел, 124 селец, 12 соляных варниц и колодцев, 7 мельниц, свыше 60 городских дворов и мест [48].

По мере завершения объединения русских земель великокняжеские власти с конца XV в. стали ограничивать торговые привилегии церковных учреждений, освобождая от уплаты пошлин лишь перевозимые в монастыри продукты их вотчинного хозяйства, но не купленные для перепродажи товары.

Политика властей, направленная на ликвидацию привилегий церковных учреждений, была продолжена и в XVI в. при Иване IV осуществлялась постепенная отмена сохранившихся еще торговых льгот монастырей. По статье 91 Судебника 1550 г. проживавшие в монастырских дворах и слободах профессиональные торговцы приравнивались в отношении уплаты различных сборов к остальным своим собратьям по профессии. Кроме того, Иван Грозный запретил монастырям производить спирт и обязал их покупать кагор, использующийся в церковном обряде, только у государства. К концу его царствования монастыри полностью лишились податных льгот.

Хотя все эти меры в комплексе наносили ущерб предпринимательской деятельности обителей, но вместе с тем уравнивали их в правах с другими торговцами, вынужденными платить в полном объеме немало торговых и проезжих сборов. Поэтому, не смотря на проводимую правительством политику, монастыри не сворачивают предпринимательскую деятельность, более того, именно монастыри становятся самыми большими вотчинниками и ростовщиками. В рассматриваемый период насчитывалось порядка 150 монастырей-вотченников. Денежный оброк, который собирали монастыри со своих крестьян, достигал 30% от их доходов, что позволяло крупным монастырям

вкладывать деньги в развитие различных промыслов, а также приобретать земли.

Если в начале XVI в., после конфискаций, проведенных Иваном III, в Новгородской земле церкви принадлежало 7%, то в середине 80-х гг. XVI в., в конце правления Ивана IV – уже 10% всего земельного фонда [48].

Монастыри также вели и международную торговлю. Это касается, прежде всего, северных монастырей, которые были неременными участниками Архангельской ярмарки. Николо-Корельский монастырь на Белом море, Антониево-Сийский монастырь, расположенный в 150 км. южнее Архангельска и Соловецкий монастырь, расположенный на Соловецких островах Белого моря, имели свои склады в Архангельском гостином дворе, где хранили в основном соль, которую выпаривали во владениях монастырей и продавали в Архангельске.

Соловецкий монастырь являлся крупнейшим в Поморье производителем соли. Если в середине XVI в. монастырь продавал ежегодно порядка 10 тыс. пудов соли, то в 80-х гг. XVI в. соловецкими монахами только в Вологде было продано свыше 311 тыс. пудов соли на сумму 26 665 руб. [48]. В Приморье расширяются соляные промыслы и ряда других монастырей – прежде всего Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского и Николо-Карельского. К концу XVI в. Спасо-Прилуцкий монастырь владел уже семью варницами в Тотьме, тремя в Сольвычегодском, двумя в Уне. Объем ежегодной добычи монастырской соли колебался от 50 до 86 тыс. пудов [48].

В Московской Руси было основано в XV-XVI вв. около трехсот монастырей, в большинстве из которых проживали от двух-трех до десяти-двадцати иноков. Но наряду с такими малочисленными и небогатыми

обителями существовали и более крупные, в которых проживали от 100 до 150 монахов. В XVI-XVII вв. наблюдался дальнейший рост численности братии. В Кирилло-Белозерском монастыре вместе с приписанной Афанасьевской обителью в 1601 г. насчитывалось уже не несколько десятков, как в более ранние времена, а 184 монаха, а монастырское хозяйство обслуживали около 300 «детенышей», мастеровых, служебников, следовательно, монастырским властям приходилось обеспечивать всем необходимым, в том числе прибегая к закупкам, примерно 500 человек [48].

Таким образом, не все монастырское производство носило товарный характер. На внутреннее потребление было ориентировано зерновое хозяйство Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского и др. монастырей. Как коллективные предприниматели монастыри действовали, прежде всего, в сфере соляных и рыбных промыслов, а также в сфере торговли.

Тем не менее, денежные и натуральные затраты монастыря, получавшего торговую прибыль, в десятки, а то и в сотни раз превышали затраты светского купца-предпринимателя. Монастырям не требовалось тратить в процентном соотношении так много средств на закупку товаров для последующей перепродажи, как купцам. Монастырская торговля опиралась на разветвленную инфраструктуру – ярмарки у стен целого ряда обителей (Макарьевская, Свенская, Тихвинская и др.), собственный транспорт, наличие собственного упряжного скота, городских дворов с амбарами, перевозов и т.д. Весь этот комплекс, созданный на протяжении XV-XVII вв. позволял монастырям занимать свою нишу в хозяйстве страны и оставаться активным участником торгово-производственных процессов.

Раскол русской православной церкви в XVII в. практически predetermined дальнейшее снижение ее роли в экономической жизни страны. Отрицательно сказались на монастырском предпринимательстве петровские реформы. Петр I аннулировал 16 декабря 1700 г. Патриарший приказ, распределив все имевшиеся в нем мирские дела по другим ведомствам, а духовные поручил митрополиту рязанскому Стефану Яворскому (бывшему униату), дав ему титул «экзарха патриаршего престола» [18]. В январе 1701 г. все монастырские дела были переданы боярину И. Мусину-Пушкину. Возглавляемый им Монастырский приказ отвечал за положение дел в монастырских вотчинах и получил право «творить в них суд». В 1721 г. по указу Петра I был создан Синод русской православной церкви и введена должность обер-прокурора Синода, что фактически превратило церковь в придаток государства [21].

Церковные реформы Петра I и жесткие меры его преемников, в частности, «секуляризация церковных земель» при Петре III и Екатерине II, окончательно разрушили этот вид предпринимательства в России. Секуляризация церковных земель – перевод земель, принадлежавших церкви в собственность государства.

Следует сказать, что наибольший объем рыночных связей монастырей падает на XV-XVI вв. Наибольшей торгово-промышленной активностью отличались Северные монастыри как Соловецкий, Спасо-Прилуцкий, Кирилло-Белозерский, которым заметно уступали монастыри центральных районов России такие как: Иосифо-Волоколамский, Троице-Сергиев и др. Торгово-предпринимательская деятельность духовных корпораций продолжалась и в XVII в., но в этот период главную роль в монастырском предпринимательстве начинают играть крестьянские

хозяйства монастырских вотчин, что позволяло монастырям прочно внедряться в аграрный сектор экономики страны в условиях формирования всероссийского экономического рынка. Однако в XVIII в. в силу ряда причин, связанных с политикой государства в отношении церкви, на смену монастырскому предпринимательству пришло «старообрядческое».

Церковный раскол XVII в. имел далеко идущие последствия, как политического, так и экономического характера. Старообрядцы, лишённые некоторых гражданских прав, в частности, права поступать на государственную и общественную службу, обратили свою энергию в торгово-промышленную сферу [46]. Преследование властей наложило отпечаток на уклад жизни и деловую практику старообрядцев. Это были люди «трезвого» поведения, сплочённые тяжёлыми условиями жизни и помогавшие друг другу во всех начинаниях. Предприимчивость поддерживалась среди них не только морально, но и материально. Попав в разряд неугодных, купцы-старообрядцы сумели выстоять в нелегкой борьбе с властями.

Одним из крупных и экономически развитых центров староверия явился Европейский Север России (в границах Архангельской, Вологодской, Новгородской и Олонецкой губерний). Устойчивые очаги староверия в XVIII в. сложились в Каргополье, Подвинье, Печорском крае, Петрозаводско-Повенецком районе Карелии и в Шекснинско-Сухонском междуречье. Ландшафтно-географические и климатические особенности территории Севера России, ментальная и этническая специфика населения предопределили сферу торгово-промышленных интересов здешнего старообрядчества и повлияли в конечном итоге на их неоднородный социально-демографический состав. Неоднозначность правительственных

мер в старообрядческой политике (от явных репрессий до либерального курса) стала той обстановкой, в которой развивалось местное староверие.

Изначально идеи староверов хотя и нашли отклик в среде посадского населения Европейского Севера России, но в разных масштабах [30]. Так, например, скромный материальный уровень рядового слоя посада (будущее мещанство) не позволял избегать административного преследования со стороны властей путем подкупа духовенства и светских чиновников, тогда как верхушка посада (будущее купечество) имело к этому больше возможностей. Кроме того, ограниченная специфика официальной статистики XVIII в. фиксировала только «записных раскольников», то есть тех, кто платил «двойной оклад». Поэтому «явный раскол» в городах Европейского Севера России того времени не носил массового характера. В большей степени северные города были средоточием «скрытого раскола».

Наиболее известным центром старообрядчества в эпоху Петра I стала Выговская поморская пустынь. В 1702 г. выговцы были легализованы, Выговская пустынь была в 1705 г. приписана к Олонецким Петровским заводам и скитники обеспечивали их рабочей силой. Выговские рудознатцы и литейщики сыграли большую роль в открытии и разработке месторождений полезных ископаемых в Карелии, а также на Урале и в Сибири. В 1710 г. на Каргополье выгодцами была основана Чаженская пустынь – пристань Пигматика на Онежском озере, через которую шла вся выговская торговля [10; 46]. Выговцы имели рыболовные промыслы на Выгозере и Водлозере, на Белом море, между Печорой и Мезенью, на Мурманском берегу, а позднее – на Новой земле и Груманте (Шпицбергене). Они занимались перепродажей хлеба с Поволжья в Санкт-

Петербург и т.д. На Выге появились кузнечный промысел, обработка кож, выгонка смолы и дегтя, изготовление пряжи и т.п. Указ Петра I 1711 г., оградил Выговских старообрядцев от притеснений. Поэтому уже к концу 20-х гг. XVIII столетия выговцы добились хозяйственного процветания пустыней [46].

К середине XVIII в. государство смягчило свое отношение к старообрядцам и даже стало поощрять их предпринимательскую деятельность. Особенно последовательно эта политика проводилась Екатериной II, которая разрешила старообрядцам вернуться на родину и заниматься предпринимательской деятельностью при условии уплаты «двойной подушной подати». Это благотворно сказалось на развитии артельно-общинного предпринимательства старообрядцев. Так, выгодцы в середине XVIII в. начали строительство крупных судов для хлебных перевозок длиной до 50 м. и грузоподъемностью до 100 тонн [46]. Судостроительство и судоходство приняло к началу XIX в. широкий размах, только по Белому морю ходило 6 выговских судов и несколько десятков – по Онежскому озеру и рекам, вплоть до Петербурга. На Выге были построены обширные пристани и склады для своих и чужих товаров [46].

Вскоре сформировалась целая торговая сеть не только «с торговыми пунктами, но и своего рода миссиями» в Москве, Петербурге, Петрозаводске, Нижнем Новгороде, Стародубье и др. местах, а также со своей специализацией, когда одни члены общины занимались финансовыми делами, другие ведали вопросами торговли с другими регионами, третьи перевозили зерно, а четвертые продавали хлеб в Петербурге.

Исследователи-экономисты отмечают сложный характер торговых операций выговцев и наличие в ней таких атрибутов современного предпринимательства как отпуск в кредит, эквивалентный бартер и пр. Важно, что такая сложная система не могла существовать без подтоварного кредита. В этой масштабной торговле хлебом использовались не только свои, но и заемные средства [46].

Очевидно, что еще одной важной чертой артельного хозяйствования была строгая регламентация и отчетность. Хозяйственные процессы, а тем более предпринимательство «на посылках» с самого начала регламентировались и были рационально организованы. Обязательным был учет всех расходов и доходов. Существовали правила организации торговли Выговскими агентами, основанные на строгой отчетности, когда уже можно сказать о довольно развитой предпринимательской деятельности со многими атрибутами ее современных форм.

Можно сказать, что Выговский монастырь был одновременно «земледелец, заводчик, промышленник и торговец» [46]. Главным же результатом стало возникновение системы старообрядческого предпринимательства общинно-артельного типа. Эта система просуществовала здесь почти полтора века. Хозяйственный организм поморской общины сыграл «ту же роль в истории старообрядчества, какую до него играл Соловецкий монастырь в истории церкви и монашества». Торговая сеть уже в середине XVIII в. приобрела значительный размах, но это, в свою очередь, привело к кризису общинно-артельного предпринимательства. Неизбежно на смену артелей должны были прийти новые формы. Они зарождались в других регионах – на Ветке (Польша) и в Стародубье (Украина), а также в центре России и на Урале [66].

В Приуралье многие железоделательные заводы принадлежали старообрядцам, причем владельцы получили право принимать и селить у себя бежавших раскольников, не выдавая их властям. Многие заводские селения состояли сплошь из раскольников. Со временем сложились целые старообрядческие экономические районы со своими промыслами, ремеслами, торговлей и промышленностью: в Тверской губернии – это кожевенное дело (Ржев, Кимры), в Архангельской и Вологодской губерниях старообрядцам принадлежали почти все лесные и рыбные промыслы. В целом в 16 из 30 городов Европейского Севера России на рубеже XVIII-XIX вв. были старообрядческие общины [30]. Используя преимущества транзитной торговли хлебом, рыбой, дровами, осваивая и развивая горное дело, мукомольное производство, льноводство, пушной промысел, а, в особенности, лесопильное дело, предприниматели из числа старообрядцев четко улавливали потребности рынка, торгово-промышленный потенциал своей местности, преимущества духовных и коммерческих связей со старообрядческими общинами Москвы, Петербурга, Ярославля, Рыбинска и др. городов.

Уже в XVIII в. купцы из старообрядцев занимают все более заметные позиции в экономике страны, а когда в начале XIX в. старообрядцы стали активно возвращаться в Москву, то вскоре почти все ее крупнейшие торговые и промышленные фирмы находились в их руках (в числе старообрядцев были Морозовы, Гучковы, Рябушинские, Кузнецовы, Горбуновы, Солдатенковы и многие другие московские миллионеры).

По мере перемещения старообрядческих общин с окраин России в центр изменились и формы хозяйствования. Складывались, помимо общинной экономики, частно-семейные хозяйства. Так в Москве вокруг

Рогожского и Преображенского кладбищ действовало свыше 3 тыс. предприятий, в том числе 32 крупных и 120 мелких текстильных фабрик, а Лефортово превратилось в первую в Москве «фабричную окраину» [30]. Кроме официально зарегистрированных предприятий, действовали и нелегальные.

Большую прибыль приносило книгопечатание, которое было организовано по типу рассеянной мануфактуры. Печатный процесс, переплетные работы производились у различных московских мастеров, а сбыт книг был организован по всей стране через лавки, «в разнос», на ярмарках, прежде всего на Нижегородской, Ростовской, Рыбинской и др.

Все эти предприятия были частными, но регулятором всей системы оставалась староверческая община, игравшая серьезную роль и в корпоративном старообрядческом предпринимательстве. Ее основное назначение было связано с координацией и обеспечением функционирования своеобразного механизма староверческих хозяйственных сетей.

Основой функционирования сетей являлась хозяйственная солидарность членов согласия. Старообрядцы помогали друг другу во всем. По свидетельству современников, взаимопомощь старообрядцев, руководивших фабриками, с купцами-старообрядцами помогала «им сбывать с выгодой свои произведения, преимущественно пред фабрикантами православными» [30].

Так, в единую систему было организовано «московское» текстильное дело – от закупки сырья до оптовой и розничной торговли, где все звенья находились в руках купцов-старообрядцев одного согласия. Координация поставок сырья, производства и сбыта осуществлялась и в других отраслях.

Конфессиональные связи староверов позволяли также осуществлять практически недоступные для других маркетинговые исследования.

Например, московским хлебным торговцам нужны были верные агенты для выгодной закупки хлеба в плодородных губерниях, и они таких имели в Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Сибирской и Саратовской губерниях, в среде тамошних старообрядческих общин. С их помощью хлеботорговцы «постоянно получали точные сведения не только о ценах на хлеб, но и о том, как растет хлеб, каковы надежды поселян на урожай, каковы запасы помещиков и проч.». То же самое происходило и в торговле рыбой, скотом, «съестными припасами». Сеть агентов также помогала староверам собирать по всей стране необходимые для торговли сведения – об урожае, улове рыбы, количестве порожних судов, местных ценах и конъюнктуре в целом.

Огромное значение для успеха предпринимательской деятельности старообрядцев имели распространенные в общине этические нормы поведения: воздержание и аскетизм в домашней жизни, трезвость, единение и взаимная поддержка, готовность прийти на помощь разорившимся единомышленникам и, наконец, ограничение дивиденда до 6%, что предохраняло предприятия старообрядцев от кризисов [3].

В результате этих процессов старообрядчество к середине XIX в. стало конфессионально-экономическим сообществом. Роль в нем общин, прежде всего центральных, способствовала их собственной стабилизации и укреплению. Но собственная стабилизация общин являлась лишь инструментом для выполнения основной задачи – обеспечения осуществления функций старообрядческого предпринимательства, направленных на поддержание и консолидацию всего сообщества. Однако

по мере развития капитализма, особенно во второй половине XIX в. влияние общины на частное старообрядческое предпринимательство начинает ослабевать и постепенно частный интерес становится доминирующим. Эта тенденция стала проявляться и в частной жизни купцов-старообрядцев. Так известный московский богач К.Т. Солдатенков, принимавший активное участие в делах Рогожского кладбища, одновременно состоял в гражданском браке с московской купчихой – француженкой Клеманс Дюбуи. Элементы общинного хозяйствования среди предпринимателей-старообрядцев продолжали сохраняться вплоть до конца XIX в.

Таким образом, участие церкви и монастырей в предпринимательской деятельности, особенно на этапе феодальной Руси было достаточно существенным. Однако торговая и промысловая активность монастырей во многом стимулировалась льготами и привилегиями, которыми обладала церковь в IX – XV вв. Однако по мере укрепления государственной власти и лишения церкви привилегий, ее влияние на экономику страны начинает неуклонно снижаться. Раскол русской православной церкви в XVII в., ликвидация патриаршества при Петре I и секуляризация церковных земель при Петре III и Екатерине II, окончательно подорвали ее политическую и экономическую независимость, что не могло не сказаться на церковном и монастырском предпринимательстве.

Между тем, раскол православной церкви стимулировал экономическую активность старообрядцев, поскольку многие купцы остались верны старой вере. Именно старообрядчество явилось одной из национальных особенностей российского предпринимательства. Если на Западе протестантизм выступал как религия формирующейся буржуазии,

то в России старообрядчество с его жесткими религиозными нормами стало одной из форм первоначального накопления капитала.

Большие капиталы, сосредоточившиеся в руках купцов-старообрядцев к концу XVIII в., своеобразно перелились в промышленное предпринимательство в XIX в. Его осуществляли, прежде всего, выходцы из крестьян, многие из которых в той или иной степени были связаны со старообрядчеством.

Приверженцы старой веры имели репутацию честных и добросовестных деловых партнеров, которые были приверженцами строгих этических норм. Сочетание передового предпринимательского опыта и консерватизма нравов – характерная черта менталитета сторонников старой веры.

Первое упоминание о контактах между славянами и еврейскими предпринимателями относится еще к VIII веку. В.О. Ключевский упоминает о том, что «промышленные евреи» появились в степях между Доном и Днепром из Закавказья. «Еврейское влияние здесь было так сильно, что династия хазарских каганов со своим двором, т.е. высшим классом хазарского общества, приняла иудейство» [31].

В Киевской Руси еврейская община играет заметную роль в обширной торговой деятельности Киева. «В новых городских стенах (закончены в 1037 г.) имелись Жидовские ворота, к которым примыкал еврейский квартал. Евреи Киева не встречали ограничений или враждебности от князей и даже имели покровительство их, так как торговля и предпринимательство евреев были выгодны для казны» [31].

Однако в 1113 г. в Киеве вспыхнул бунт против еврейской общины, связанный с неумеренными процентами - до 50% годовых, которые брали

еврейские ростовщики. Но этот бунт носил социальный, а не национальный характер.

В результате монголо-татарского нашествия и разгрома Киева прекратилась оживленная торговая деятельность в Киевской Руси, и многие евреи ушли в Польшу [31]. В дальнейшем проникновение евреев в Московскую Русь было самым незначительным, хотя специально приезду извне евреев в Москву препятствий не было.

После смуты начала XVII в. польско-литовским евреям было запрещено ездить с товарами в Москву и замоскворецкие города. Это была реакция на участие еврейских предпринимателей в смуте на стороне Речи Посполитой. Однако уже в годы правления Алексея Михайловича эти ограничения были сняты и еврейские купцы получили доступ во все русские города, включая Москву. Нет никаких сведений о стеснении евреев и в период царствования Петра I. Более того, в начале XVIII в. евреи развили активную торговую деятельность в Малороссии, за год до того, как это право получили великороссийские купцы. Несмотря на то, что гетман Скоропадский несколько раз объявлял указы о выселении евреев, но они не выполнялись, а, напротив, число евреев в Малороссии возрастало [31].

В послепетровскую эпоху участие евреев в хозяйственной жизни страны было незначительно, особенно после Указа Елизаветы Петровны о запрещении евреям привозить товары в Россию. Перелом произошел при Екатерине II, когда в 1772 г. после первого раздела Польши, Россия вернула себе Белоруссию с ее массовым 100-тысячным населением. Надо добавить, что к XVIII в. винное дело стало почти главным занятием евреев. Поэтому, когда в 1778 г. на Белорусский край была распространена гильдейская реформа 1775 г., еврейские предприниматели активно воспользовались правом записываться

в купечество. Так, например, по Могилевской губернии купцами объявились 10% от еврейского населения и только 5,5% – от христианского [31]. Евреи сосредоточили в своих руках сельскую торговлю, брали в аренду различные статьи помещичьих доходов, прежде всего, продажу водки в шинках.

Надо отметить, что в России все торгово-промышленное сословие в составе купцов и мещан не пользовалось свободой передвижения, а было прикреплено к месту приписки. Но для Белоруссии в 1782 г. Сенат сделал исключение: купцы получили право переходить из города в город «смотря по удобствам их коммерции». Этот порядок дал преимущество еврейским купцам. Но они пошли дальше и стали не только ездить с товарами по разным городам империи, но и записываться в купцы в Москве и других городах. В результате к концу XVIII в. число евреев в Москве значительно возросло. Некоторые евреи занимались продажей заграничных товаров на своих квартирах или постоянных дворах, а также в разнос по домам, что в ту пору было вообще запрещено [3].

В результате в 1790 г. Московское купеческое общество обратилось к императрице с жалобой на еврейское купечество, которое пользуется в Москве запрещенными приемами торговли. В жалобе указывалось на контрабандный характер происхождения еврейских товаров, что делает их более дешевыми и ставит еврейское купечество в неравные конкурентные условия. Московское купечество потребовало удаления еврейских купцов из Москвы. В свою очередь еврейские купцы пожаловались на то, что они встречают отказ при приеме в смоленское и московское купечество.

Рассмотрением жалобы занялся «Совет государыни». В соответствии с единым российским правилом он нашел, что евреи не имеют права «записываться в купеческие российские города и порты», а только в

Белоруссии. Что «от допущения евреев в Москву не усматривается никакой пользы». В результате в декабре 1791 г. был издан высочайший указ «О недозволении евреям записываться в купечество внутренних губерний», а в Москву могут приезжать «лишь на известные сроки по торговым делам». Наконец, евреи могут пользоваться правами купечества и мещанства только в Белоруссии и Новороссии [3]. Введение этого указа, по сути стало первым шагом в формировании «черты оседлости», хотя он и не помешал тому, что к концу царствования Екатерины II в Санкт-Петербурге образовалась небольшая еврейская колония.

В 1793 и 1795 гг. состоялись 2-й и 3-й разделы Польши, в результате в состав России вошло уже почти миллионное еврейство Литвы, Подолии и Волыни [3].

В вопросе об определении самого термина «еврейское предпринимательство» существует два подхода. Некоторые авторы, оперируя понятием «еврейское предпринимательство» толкуют его довольно широко, зачастую распространяя это понятие на всех предпринимателей-евреев независимо от их вероисповедания, другие, в частности Б.В. Ананьич, считают, что еврейское предпринимательство скорее применимо к той части евреев-предпринимателей, которые, как и старообрядцы, были связаны деловыми отношениями с религиозной общиной [3].

Обособленность еврейской общины, правительственные преследования, ограниченность действий членов общины пределами черты оседлости, создавали своеобразные условия для накопления капиталов. В черте оседлости, в западных губерниях, в середине XIX в. возникало большое количество фабрик по производству сукна, шляп, стекольных

изделий, появились кожевенные и свечные заводы, владельцы которых были евреи. Рабочие на этих фабриках в подавляющем большинстве также были евреи. В этих условиях складывались особые отношения между рабочими и владельцами предприятий, принадлежащими к одной общине. Эти фабрики поддерживали отношения с банкирскими домами, возникавшими в черте оседлости и финансировавшими эти предприятия. Накануне реформ 1860-х гг. крупным банковским центром черты оседлости был Бердичев, который обслуживал Киевскую контрактную ярмарку и учитывал векселя на Петербург, Москву, Одессу.

Еврейские банкирские дома, фабрики и заводы в черте оседлости также часто были связаны с общиной (раввины могли выступать в таких банкирских домах в качестве третейских судей или посредников при заключении сделок или соглашений). Еврейский капитал, как и старообрядческий, работал в условиях преследований и ограничений со стороны правительства [3].

В то же время политика правительства в отношении еврейского купечества была направлена на то, чтобы освободить его от влияния кагала. Евреи-купцы, записавшиеся в гильдию или в мещанство, освобождались от податного отношения к кагалу и уже не должны были обращаться туда за разрешением на всякую отлучку, а делали это на общих основаниях, т.е. через магистрат.

С отходом евреев-купцов переставала существовать и государственная рубрика «евреи». Все евреи должны были быть отнесены к какому-либо сословию, в основном к мещанству. Этот процесс сдерживался только из экономических соображений, поскольку годичный поголовный сбор с мещан в конце XVIII в. составлял 60 коп., а с евреев –

50 коп. Тем не менее, начиная с 1783 г. все евреи: и мещане, и купцы, должны были вносить сборы не в кагал, а в магистрат, на общих основаниях, и паспорт на выезд получать от него же. Это движение закрепилось всеобщим новым Городовым положением 1785 г., которое рассматривало лишь сословия, а никак не нации [3].

Поэтому те еврей-купцы, которые покидали черту оседлости, как правило, не придерживались общинных правил. Примером может служить деятельность еврейских банкирских домов, открывшихся в Петербурге со второй половины XIX века.

В 1859 г. в связи с важными экономическими преобразованиями и подготовкой финансовой реформы царское правительство разрешило купцам-евреям, принадлежавшим к первой гильдии, жить в столицах. В результате этого законодательства появилось несколько крупных еврейских банкирских домов в Петербурге и Москве, сыгравших значительную роль в развитии некоторых отраслей промышленности, железнодорожной сети и в учредительной кампании, результатом которой стало возникновение в России крупных акционерных банков.

В частности, в Петербурге и в Москве большую роль в экономической жизни, как этих столичных городов, так и всей империи, в конце XIX – начале XX вв. играли банкирские дома еврейских семей Гинцбургов и Поляковых. Закон от 15 марта 1859 г. создал условия для переселения в Петербург большой группы предпринимателей из южных и западных губерний России [3].

Первым банкирским домом, появившимся в столице после издания закона 1859 г., был Банкирский дом Гинцбургов. Он занял место чрезвычайно влиятельного банкирского дома барона Александра

Штиглица, последнего придворного банкира, возглавившего в 1860-м г. Государственный банк [36].

С появлением в Петербурге банкирского дома Гинцбургов к нему перешли в значительной степени функции, которые прежде выполняли Штиглицы [36]. Гинцбурги разбогатели на винных откупах в западных губерниях России. Заработанные миллионы и закон 1859 г. позволили им открыть не только банкирский дом в Петербурге, но и отделение в Париже. Банкирский дом Гинцбургов имел обширные финансовые связи в России и за ее пределами. Они были самым тесным образом связаны с правительством не только благодаря участию в международных финансовых операциях, связанных с заключением займов русского правительства, но и своей роли в золотодобывающей промышленности и были крупными акционерами печально известного Ленского золотопромышленного предприятия [3].

Предпринимательская деятельность Гинцбургов и Поляковых не была уникальным явлением для России. Во второй половине XIX в. в банковской сфере и железнодорожном деле работала большая группа влиятельных предпринимателей-евреев, выходцев из Польши: И. Блюх, Л. Кроненберг, В. Ляский и др. Все они выступали как носители европейских предпринимательских традиций и способствовали развитию банковских структур и железнодорожного хозяйства империи.

Таким образом, предпринимательская деятельность монастырей укрепила торговлю на Руси, капитал купцов-старообрядцев способствовал развитию промышленного производства, еврейское предпринимательство оставило след в банковской сфере и железнодорожном деле.

Вопросы для самоподготовки:

1. Какими торговыми привилегиями пользовались в средние века торговые монастыри?
2. Назовите основные направления предпринимательской активности православных монастырей.
3. В каких видах деятельности монастырское предпринимательство было наиболее успешным?
4. В чем заключались особенности старообрядческого предпринимательства?
5. Назовите основные формы хозяйствования старообрядцев.
6. В чем заключались особенности еврейского предпринимательства?

Глава X. Меценатство российских предпринимателей

10.1. Становление меценатства в России

Благотворительность по словарю Брокгауза и Ефрона 1891 г. рассматривается как «проявление сострадания к ближнему, а также нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему». Основой благотворительности является милосердие, которое В.И. Даль определяет, как стремление помочь «бедным, дряхлым, увечным, хворым, неимущим» [15]. Сообразно этому, благотворительность можно определить, как особую форму социальной поддержки, состоящей в безвозмездном оказании материальной помощи нуждающимся людям [40].

Благотворительная деятельность на Руси является одной из древнейших традиций, и ее развитие связывают с принятием христианства, поскольку Церковь руководствуется второй из основных христианских заповедей – «Возлюби ближнего, как самого себя» [15]. Русская православная этика почитала идеалы добра, правды, души и нестяжательства. Суть ее в преобладании духовно-нравственных мотивов жизни над материальными побуждениями. К накопительству русский человек относился недоброжелательно и считал, что большое богатство связано с грехом. Богатство, по мнению русских предпринимателей, было не самоцелью, а средством делать добро, служить людям. Построить храм, часовню, больницу, приют – это путь покаяния и общественного служения для них.

В то же время благотворительность и меценатство на Руси появились не сразу. Этот процесс длился в течение нескольких столетий, в результате

чего становление и развитие благотворительности прошло несколько этапов [55].

Первый этап охватывает период с IX – по конец XVII вв. и характеризуется как княжеско-церковный. Свое выражение благотворительность в рамках этого этапа получила в раздаче милостыни, тем более, что нищенство считалось в Древней Руси не экономическим бременем для народа, а одним из средств его нравственного воспитания. Человеколюбие на деле выражалось в Древней Руси нищелюбием. Нищий был для благотворителя лучшим богомольцем, молитвенным ходатаем. В результате сформировался институт профессиональных нищих [55]. Профессиональные нищие — это лица, которые в силу своих физических возможностей трудиться могли, но не желали. Для них нищенство стало постоянной профессией. Крайним проявлением профессионального нищенства являлись на Руси «юродивые» [15].

Центром благотворительности в Древней Руси была Церковь, через которую шли пожертвования. Деловые люди не только раздавали милостыни и устраивали трапезы для нищих, но чаще всего вкладывали землю или деньги в монастыри, а также в строительство новых храмов. Именно в таком виде в сознании русских людей отражалась идея искупления за богатство, обладание которым всегда связывалось с грехом [54]. На это указывает и С.Н. Булгаков в «Истории экономических учений», он пишет: «Постройка храмов богатыми тружениками осуществляет предписание, данное еще в Ветхом Завете, - приносить десятину богу».

При монастырях возникали богадельни, бесплатные лечебницы, где находили приют нищие, составлявшие в это время особую социальную

группу «церковных и богадельных людей». Подобная практика сохранялась вплоть до конца XVII века, хотя уже при Иване Грозном обнаружились недостатки частного благотворения и необходимость создания государственной светской организации помощи, особенно в период крупных катаклизмов (неурожай, эпидемии, войны и т.п.). Такая идея высказывалась еще в 1551 г. на Стоглавом соборе, но так и не была реализована [55].

Только Указ 1682 г. царя Федора Алексеевича положил начало строительству официальных государственных заведений призрения. В нем предполагались определенные меры социальной деятельности, прежде всего по борьбе с нищенством.

Особенно активно эту деятельность стал развивать Петр I. По указу 1705 г. в Москве стали ловить бродяг и нищих и наказывать их, а подающих милостыню подвергали штрафу [45].

Итак, рубеж XVII-XVIII вв. стал вторым этапом в развитии благотворительности, который условно продолжался до второй половины XIX в. К главным направлениям деятельности государства в рамках этого периода относилась борьба с нищенством, сочетавшаяся с репрессивной политикой «вразумляющего принуждения» [55].

Деятельность Петра I на поприще благотворительности имела в целом репрессивный характер. За нищенство наказывали кнутом и ссылали в дальние сибирские города по указу Петра 1691 г. Наряду с беглыми крестьянами, уголовным элементом и проститутками, нищие и бродяги привлекались к принудительному труду на промышленных предприятиях [18].

В Петровских указах 1712 и 1724 гг. также предписывалось устраивать в губерниях страны госпитали для увечных и престарелых, не имеющих возможности трудом обеспечивать себе пропитание, провести перепись призреваемых с целью упорядочивания работы с различными их слоями, в частности с военными и умалишенными. В 1720 г. был издан указ о строительстве в Москве госпиталя для «зазорных», т.е. незаконнорожденных детей [21].

Для Петра I было характерно стремление ограничить роль церкви в социальной политике России, в то же время в эпоху петровских реформ, как и при его преемниках, еще не существовало сколько-нибудь действенной государственной системы социального призрения и обеспечения [45].

Следующий третий этап реорганизации «общественного призрения» в стране пришелся на время реформаторской деятельности Екатерины II [55]. По мере ограничения властных церковных функций, секуляризации церковных земель государство сосредоточивало в своих структурах обязанности и работу по контролю сферы благотворения. Во второй половине XVIII в., по указу Екатерины II, в стране создаются государственные структуры по организации и управлению учреждениями призрения [55].

Ими становятся Приказы общественного призрения, созданные после 1775 г. в 33-х губерниях страны под руководством гражданских губернаторов и дворянской опеки. Приказы занимались организацией школ, сиротских домов, аптек, больниц, богаделен, домов для неизлечимых больных, сумасшедших, работных домов и т.д. На каждую губернию выделялось по 15 тыс. руб. из государственной казны. Увеличить этот

капитал призваны были пожертвования, поощряемые императрицей. Это опять стимулировало частную благотворительность, которая в XVIII в. получила филантропическую направленность [71].

Первым благотворительным обществом подобного типа стало, учрежденное Екатериной II в 1764 г. «Общество воспитания благородных девиц», деятельность которого определялась специальным уставом. Кроме того, были учреждены воспитательные дома в Москве 1763 г. и Петербурге 1772 г. В этот период в филантропической деятельности активно участвовали представители высших слоев общества. Так граф Бецкий построил Институт благородных девиц в Петербурге (Смольный). В филантропические функции созданного в 1765 г. Вольного экономического общества входили организация сельскохозяйственных школ и училищ, помощь крестьянам в освоении передовых приемов агротехники, обследование крестьянских семей, оказание им материальной помощи, особенно в голодные и засушливые годы [71].

Показательным по влиянию на поприще благотворительности являлось «Ведомство учреждений императрицы Марии», начало которому было положено в 1797 г., когда Мария Федоровна (супруга Павла I) приняла в свое заведование воспитательные дома в Петербурге и Москве и «Общество благородных девиц» в Смольном монастыре [55].

Одни благотворительные общества работали самостоятельно, по собственной программе, другие – «Императорское человеколюбивое общество», имело в дальнейшем название как «Филантропическое общество», основанное в 1802 г., получали от государства дополнительные преимущества: частичное финансирование, индивидуальное поощрение, различные льготы. Так Человеколюбивое общество к концу XIX в. содержало 225 различных благотворительных учреждений (больниц, школ,

богаделен и др.) с числом обслуживающего персонала свыше 6 тыс. человек [71].

На следующем этапе получила развитие частная благотворительная деятельность. В 1781г. официально частные лица получили право открывать благотворительные заведения [55]. Особое развитие частная благотворительность получила в период расцвета либерализма Александра I. После Отечественной войны 1812 г., когда сгорела Москва, было создано Патриотическое общество, финансовую основу которого составили частные взносы. Сам Александр I внес на счет общества из личных средств 50 тыс. руб. Только за один год расходы Общества в пользу пострадавших от войны составили около 300 тыс. руб. [54].

Профессиональным благотворителем был принц Ольденбургский, который основал училище правоведения, первый ночной детский приют, а всего он потратил на благотворительные цели более 1 млн. руб. [55]

Всего частные пожертвования в первое десятилетие XIX в. превысили 9 млн. руб. Этому подъему, безусловно, способствовала политика правительства Александра I, всемерно поощрявшего благотворительность.

Наиболее интенсивно частная благотворительность развивалась в пореформенный период, что стало следующим этапом развития благотворительности. Этот этап, начавшийся в 1861 г. и продолжавшийся до начала XX в., можно охарактеризовать как период активной частной благотворительности [55].

В пореформенный период и в период экономической модернизации страны, когда активно утверждались капиталистические отношения, общество потребовало новых форм и методов социальной политики и

практики, его не устраивали жесткие бюрократические установления, ограничивавшие самодеятельность, новаторство в социальной сфере.

Особенно возросла в этот период роль частной благотворительности в обеспечении детей. Если в XVIII в. было основано 24 частных благотворительных общества, за первые 60 лет XIX в. – 204 общества, то за последние 40 лет этого столетия – 8105. 95% всех действовавших благотворительных обществ России были созданы к началу XX века [63].

В 1902 г. функционировало более 11 тыс. благотворительных учреждений и более 19 тыс. приходских попечительских советов. Наибольшее число благотворительных обществ и учреждений состояло в ведении МВД – 2772 ед., за которым следовали общественные учреждения – 959 ед., духовное ведомство – 713 ед., Ведомство учреждений императрицы Марии – 317 ед., Министерство народного просвещения – 90 ед., военное министерство – 52 ед. [63].

Материальную основу благотворительных организаций и учреждений составляли их недвижимость, собственные капиталы, различные поступления и пожертвования, пособия, членские взносы и т.п.

Частная благотворительность приобрела массовый характер, инициатива в ней перешла от немногих представителей аристократических фамилий к достаточно широкой массе купцов, фабрикантов, мелких помещиков. В нач. XX в. только 25% всего бюджета русской благотворительности образуется из средств казны, земств, городов и сословных учреждений, а 75% – из средств частной благотворительности.

С отменой крепостного права особое значение приобрела необходимость борьбы с массовой миграцией сельской бедноты, бездомных, нищих, занятых поиском источников своего прокормления,

приюта. Особенно острой эта проблема была в городах, в первую очередь – в Санкт-Петербурге и Москве. Созданные для преодоления этой социальной проблемы Комитеты для разбора и призрения нищих еще в 30-е годы XIX в., не смогли полностью справиться с поставленной задачей.

По данным Московского городского попечительства о бедных, в 1889 г. в городе находилось более 3500 нищих. Десять миллионов крестьянских дворов в конце XIX в. владели буквально нищенским существованием. В срочной благотворительной помощи нуждались более пяти процентов россиян.

С конца XVIII в. открываются и другие проявления благотворительности в виде меценатства. Меценат – человек, который на безвозмездной основе помогает развитию науки, культуры и искусства, оказывает материальную помощь из личных средств. Нарцательное название «меценат» происходит от имени римлянина Мецената, который был покровителем искусств при императоре Октавиане Августе [71].

Начало благотворительности на Руси положил еще князь Владимир, официально обязав церкви и монастыри заниматься общественным присмотром. Позже меценатство становится одной из форм благотворительности [15].

Меценатство рассматривается как покровительство культуре, создание художественных галерей, строительство театров, поддержка творческих коллективов и т.п. В этом смысле меценатство можно рассматривать как форму просвещенного благотворения [60].

Если в XVIII в. меценатская деятельность ассоциировалась в основном с привилегированным сословием, прежде всего с дворянством, то со 2-ой половины XIX века к этой деятельности активно подключаются

крупнейшие российские предприниматели. Именно к этому времени российская буржуазия осознала свою экономическую мощь и стала искать свое место в общественной жизни в условиях, когда политическая деятельность находилась под запретом.

На рубеже XIX-XX вв. возникает «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». В 1901 г. Обществом было открыто издание «Художественных сокровищ России», в котором впервые обращалось внимание читателей на высокую художественную ценность коллекций и частных собраний, как национального достояния.

По мнению известного промышленника и предпринимателя, члена Московского биржевого комитета П.А. Бурьшкина «широкая благотворительность, коллекционерство и поддержка всякого рода культурных начинаний была особенностью русской торгово-промышленной среды» [13].

П.А. Бурьшкин в книге «Москва купеческая», написанной на основе архивных материалов, периодической печати и свидетельств современников, характеризуя социальный облик московского купечества, рассматривает его общественную деятельность, в том числе благотворительность и меценатство. На первое место он поставил пять семейств – Морозовых, Бахрушиных, Найденовых, Третьяковых и Щукиных, «которые из рода в род сохранили значительное влияние – либо в промышленности, либо в торговле, постоянно участвовали в общественно-профессионально-торговой и городской деятельности и своей жертвенностью, или созданием культурно-просветительных учреждений обессмертили свое имя» [13].

Кроме этого, можно назвать еще ряд выдающихся фамилий русских предпринимателей – Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Гарелины, Грачевы, Шорыгины, Бардыгины, Разореновы, Зимины, Коншины, Балины, Горбуновы, Скворцовы, Миндовские, Дербеневы, Локаловы, Дордоновы, Сеньковы, Ключниковы, Елагины, Заглодины и др. За каждым из этих предпринимателей – организация огромных производств, снабжавших своей продукцией сотни тысяч людей в России и за границей [5].

Меценаты открывали музеи и театры, возрождали старинные ремесла и народные промыслы, открывали приюты для бедных, строили церкви, больницы, школы. Диапазон их благотворительной деятельности был чрезвычайно велик. Они создавали типографии, открывали издательства, библиотеки, картинные галереи, бесплатные курсы по обучению молодежи, проводили благотворительные вечера и др. [43].

Наиболее характерными примерами меценатства и филантропического предпринимательства являются: создание Павлом Третьяковым Художественной галереи (Третьяковская), где находится одна из самых крупных в мире коллекций русского изобразительного искусства; Щукинский и Морозовский музеи современной французской живописи; Бахрушинский театральный музей, кроме этого А. Бахрушин строил церкви и больницы; собрание русского фарфора А.В. Морозова, икон – П. Рябушинского; частная опера и музей С.И. Мамонтова; Московский художественный театр Алексеева-Станиславского и Саввы Морозова и др. [5].

Только опираясь на предпринимательство и частную инициативу, русское государство сумело освоить безбрежные просторы нашей страны. Политическое освоение гигантских территорий, осуществляемое

Российским государством, шло параллельно с их экономическим освоением русскими предпринимателями, тяжелым самоотверженным трудом. Важно отметить, что русские предприниматели сохраняли самобытные черты, несли в себе ценности русского национального сознания, патриотизма и русской культуры.

Несомненно, предприниматели того времени внесли большой вклад в развитие экономики, культуры России и являются большим примером для подражания в сегодняшние дни.

10.2. Мотивы благотворительности российского купечества

Купеческое сословие, на всех исторических этапах становления и развития благотворительности, принимало активное участие в этой деятельности. Однако мотивы благотворительности на разных этапах были различными. Если на первых двух – преобладали религиозно-этические мотивы, то на последнем, связанном с наиболее интенсивным развитием капиталистических отношений в стране, социальные мотивы благотворительной деятельности начинают превалировать, хотя и не отменяют полностью религиозный аспект.

Наиболее частым проявлением церковной благотворительности являлось строительство храмов. Упоминания о том, что какой-либо храм построен на деньги купцов, относятся уже к XIV-XV вв. Это были как корпоративные церкви, так и небольшие приходские храмы и даже монастыри, выстроенные на индивидуальные пожертвования.

У церковной благотворительности русских предпринимателей также существовали разные мотивы. Их можно классифицировать и объединить в несколько групп [60].

Во-первых, добившись успеха в хозяйстве, человек нуждался в сознании праведности своего дела. По мнению церкви, богатство и успех нравственны и богоугодны тогда, когда праведен сам хозяин. А наиболее очевидным внешним проявлением благочестия является строительство или украшение храма, что и было до второй половины XIX в. самой распространенной формой купеческой благотворительности.

Во-вторых, в русском православном сознании утверждалась идея не самоценности, а социальной значимости и ответственности богатства. Уважение и признание со стороны общества надо было заслужить, проявив себя в таком деле, которое обладало безусловной социальной значимостью и престижем. До середины XIX в. таким делом была, безусловно, церковная благотворительность.

В-третьих, важнейшим мотивом церковных пожертвований являлось желание выразить в зримой, осязаемой, т.е. наиболее понятной практичному хозяйственному человеку форме, свою благодарность Богу за дарованный успех [60].

Былинный новгородский купец Садко в знак благодарности за чудесное спасение из подводного царства и за спасение своего каравана с казной и товарами построил церковь Николе Можайскому и Пресвятой Богородице. А прообразом былинного Садко был, как считают исследователи, реальный человек Сотко Сытин, строитель церкви Бориса и Глеба в Новгороде. Всего в Новгороде за период его независимости с XI-XIV вв. было построено около 90 церквей, значительное количество

которых возводилось за счет купеческих средств, причем расцвет строительства храмов приходится на XII в., когда было возведено 69 ед., в период наивысшего развития предпринимательской активности в Новгороде [70].

Однако оценка церковной купеческой благотворительности в России была неоднозначной. Несмотря на прямую ориентацию на завоевание общественного мнения, в нем всегда присутствовало сомнение в искренности и бескорыстии жертвователей, поскольку источником благотворительности, в том числе и строительства, и украшения храмов, порой, становилось богатство, нажитое нечестным путем – обманом и обвешиванием покупателей.

Исследователь купеческого быта отмечал, что «наши купцы, столько усердные во внешней молитве, столько приверженные к храмам и теплящие в своих лавках неугасимые лампадки, до такой степени мало наблюдают честности в торговле, что можно подумать, будто они теплят лампадки затем, чтобы Бог помогал им обманывать людей» [23].

Глядя на таких «благотворителей» и «храмостроителей», современники прекрасно понимали, что их подлинная цель состоит в том, чтобы «откупиться» от Бога.

Поэтому купеческая церковная благотворительность в глазах народа, включая верующую интеллигенцию, несли в себе, таким образом, изначальный нравственный изъян. Даже когда они совершались от чистого сердца, с подлинно благочестивыми помыслами и на честно нажитые деньги, раскол внешнего и внутреннего в массовом религиозном сознании позволял за каждой красивой и богатой церковной постройкой подозревать грех и порок.

Примером двойной морали может служить история рабочего бунта на ткацкой фабрике купца А.И. Хлудова, нажившего миллионы и жертвовавшего большие средства церкви. Незадолго до бунта он перечислил 12 тыс. руб. на поддержание типографии, печатавшей богослужебные книги для старообрядцев. При этом условия работы на фабрике Хлудовых были тяжелые: хлопчатобумажная пыль, удушливая жара и запах, огромные штрафы, выплата жалования съестными припасами и одеждой из хозяйских лавок. Все эти условия привели к бунту. Более того, во время пожара на фабрике в 1882 г. по распоряжению директора рабочие были заперты в горевшем здании, чтобы не разбежались и лучше тушили пожар, в результате чего были многочисленные жертвы. В этом смысле деятельность Хлудова есть типичный пример того, когда предприниматель правой рукой забирал у одного, а левой отдавал другому [23].

Лишь во второй половине XIX века социальные аспекты благотворительности начинают доминировать над церковными.

Примером комплексного подхода к реализации социальных программ является деятельность Товарищества нефтяного производства «Братьев Нобель», которое к началу XX в. являлось одной из крупнейших акционерных компаний России. Товарищество нефтяного производства «Бр. Нобель» было учреждено 18 мая 1879 г. как товарищество на паях с основным капиталом в 3 млн. рублей [27].

В 1913 г. баланс товарищества составлял более 186, 5 млн. руб., дивиденд – 26%, годовой объем производства достигал 93 млн. руб., численность рабочих – 12,5 тыс. человек. К 1917 г. товарищество «Бр.

Нобель» являлось ведущей нефтепромышленной компанией в России, капитал которой достигал 30 млн. руб. [27].

Практически во всех Поволжских городах Нобели имели свое производство. В Астрахани в 1880 г. были построены мастерские по ремонту нобелевского флота (плавучий док), которые вскоре переросли в судоремонтный завод. Флотилия нобелевских танкеров перевозила сырую нефть и так называемые «нефтяные остатки» (керосин, мазут) по Волге из Баку через Астрахань, Царицын, Саратов, Самару, Нижний Новгород, Ярославль, Рыбинск и затем груз по Мариинской системе доставлялся в Санкт-Петербург и дальше в Ригу. По пути движения нобелевских транспортов с нефтью и нефтепродуктами из Баку через Астрахань и далее вверх по Волге, возникали производства компании и поселки для рабочих и служащих – так называемые «нобелевские городки».

Идея с городками была реализована в Царицыне, Астрахани, Саратове, Самаре, Уфе, Рыбинске и других городах. При строительстве поселков Людвиг и Роберт Нобели разрабатывали новый тип социального поселения для трудящихся. Эти поселки включали в себя функции жизнедеятельности – «труда», «быта» и «отдыха».

В идее «нобелевских поселков» соединялась установка упорядочения общественного устройства с планировочными установками формирования организованной регулярной упорядоченной среды жизнедеятельности. Нобелевский городок всегда был «новым», он не вписывался в существующие городские кварталы. Он заново строился и реализовывал цивилизующую роль градостроительства, европеизируя в то время малоосвоенные земли. В 1880 г. начал работать нефтепромышленный комплекс в Царицыне, который положил здесь начало «городку Нобеля»,

который разительным образом отличался от остальной части Царицына [27].

Посмотрим на типичную картину поволжского уездного города. В воспоминаниях инженера-путейца Н.Н. Изнара, проехавшего все Поволжье, представляя интересы железнодорожных обществ, содержится следующее замечание: «Что сказать про целый ряд городов Среднего и Нижнего Поволжья, в которых мы от Вольска до Астрахани побывали, - право, затрудняюсь. Всюду одно и то же неустройство, пыль или грязь...» [32].

Чем же заинтересовал уездный город Царицын Товарищество нефтяного производства «Бр. Нобель». Прежде всего, своим выгодным географическим и экономическим положением, что стимулировало его быстрый экономический рост. Несмотря на то, что Царицын оставался уездным городом Саратовской губернии, он находился на перекрестке транспортно-торговых путей, что способствовало созданию в нем крупного рынка рабочей силы, а это, в свою очередь, стимулировало создание новых промышленных предприятий. Промышленность становилась основным градообразующим фактором, оказывая влияние на развитие города и социальный состав его населения.

Крупнейшим предприятием в Царицыне был механический и бондарный завод Товарищества «братьев Нобель», на котором трудилось более 300 человек. Кроме этого предприятия Нобели открыли еще завод по выработке из нефти масел (нефтеперегонный завод), а также крупную нефтебазу с резервуарами для хранения нефти и нефтепродуктов. Рядом с этими предприятиями и был построен нефтегород, который и стал реализацией модели нового социального поселения для рабочих. Это был

городок индустриального типа. Нижняя часть, обращенная к Волге, представляла собой пристань, которая соединялась с берегом прочными сходами. Рядом размещалась паровая качка для подачи керосина с судов. В нижней части также располагались склады и железнодорожная ветка, по которой керосин в вагонах доставлялся до вокзала Грязе-Царицынской железной дороги.

На средней террасе располагался двухэтажный каменный дом – контора Нобелевского завода. В этом же доме на верхних этажах располагались квартиры для управляющего и старших служащих, библиотека и бильярд. На третьей – верхней террасе были построены одноэтажные коттеджи для проживания служащих, утопавшие в зелени. Всего было высажено около 4-х тысяч молодых декоративных деревьев. Дома-флигери были стандартными и состояли из 4-х комнат, в окружении палисадников с яблонями и вишнями. Также здесь располагались аптека, приемный покой для рабочих, ясли, начальная школа для детей рабочих, столовая и баня. Весь нобелевский городок освещался электричеством, что было редкостью в этот период [32].

Современник писал о Нобелевском городке: «Кто видел в 1870-х годах местность, где стоит теперь завод Нобеля, тот невольно изумится энергии этого «нефтяного короля», бывшие в то время дебри, непроходимые страшные овраги, где ютились беглые и жулики, теперь неузнаваемы; по отлогостям оврагов устроены вымощенные камнем пологие спуски, всюду закипела жизнь и видны следы цивилизации. Прежде эта местность была отдалена от города, а теперь городские постройки примыкают к ней».

Нобелевский городок в Царицыне не являлся исключением в деятельности Нобелей. На средства их компании учреждались школы для детей рабочих, имелся специальный капитал для помощи служащим и выдачи стипендий на образование их детей. К началу XX в. на балансе компаний Нобелей находились 159 собственных и 14 арендованных домов, общежития, больницы, аптеки, столовые, библиотеки и школы [32].

Таким образом, можно сказать, что Нобели на практике реализовали социальный аспект благотворительности предпринимателя, что является примером для современного бизнеса.

В результате реформ 60-70-х гг. XIX века, вызвавших расцвет предпринимательства, а также в связи с ростом просвещения, повышением престижа образования, науки, светского искусства стало распространяться меценатство и покровительство народному образованию, затем пришло сознание необходимости социальной защиты неимущих. Но все равно строительство и украшение храмов оставалось излюбленным делом русских предпринимателей. В конце XIX – начале XX века благотворитель, строивший школу, больницу, приют для сирот и престарелых и т.п., практически всегда одновременно строил и храм. Таким образом, строительство храмов было главным видом благотворительности.

Но и в социальной благотворительности сочетались гуманистические и эгоистические мотивы. Здания, построенные на пожертвования предпринимателей, во многих случаях отличала показная роскошь. Например, больница А.И. Коновалова, Бахрушинский дом бесплатных квартир в Москве, который по размерам мог соперничать с доходными домами, богадельни Бахрушиных в Москве, приют для вдов и сирот русских художников П.М. Третьякова в Москве отличались крупными

размерами, архитектурными изысками, большими окнами и т.п. В то же время жилищные условия большинства населения были тяжелейшими.

Так по материалам обследования жилого фонда г. Москвы в 1898 г. из 1 млн. населения - 200 тыс. человек, т.е. одна пятая проживали в так называемых «коечно-каморных квартирах». Многочисленные жильцы снимали в них «каморки» (помещения с перегородками) и отдельные койки. При зарплате рабочего 12-20 руб. в месяц «каморка» стоила 6 руб., койка одиночная 2 руб. На некоторых фабриках существовали бараки с нарами, где мужчины, женщины и дети спали вповалку. Нередко после окончания рабочего дня работники устраивались отдыхать на своем рабочем месте.

Надо отметить, что положение фабрично-заводских рабочих было крайне тяжелым. Например, на рогожных фабриках Центрально-промышленного района, рабочий день, даже после принятия в 1882 г. фабрично-заводского закона, продолжался от 16 до 18-ти часов. Причем в таком режиме, нередко по воскресеньям, работали и дети. Штрафы взимались по усмотрению хозяев и поступали в их полное распоряжение. Зарплата нередко выдавалась два раза в год: на пасху и рождество. Это вынуждало рабочих кредитоваться в фабричной лавке. По сведениям фабричной инспекции, большая доля барыша некоторых фабрикантов вытекала именно из продажи товаров из фабричных лавок, а не из фабричного производства.

К этому надо добавить, что при разработке фабричных законов главную роль играли соображения политического (полицейского) характера. Фабриканты же находили множество возможностей обходить законы. Нередко капиталисты добивались отмены неугодных им статей

ранее принятых законов, например, о ночной работе женщин и подростков. Не удивительно, что на всем протяжении пореформенного периода высокими оставались уровни производственного травматизма и профессиональной заболеваемости.

Это обстоятельство заставляло городские власти и крупных предпринимателей заботиться о стариках, больных, инвалидах, деклассированных элементах, численность которых увеличивалась, особенно в Петербурге и Москве. Поэтому городские власти и крупная буржуазия объективно были заинтересованы в мирном разрешении социальных конфликтов, а также в том, чтобы иметь квалифицированный персонал, способный овладеть новым оборудованием, новейшими приемами ведения капиталистического хозяйства для того, чтобы выдержать жесткую конкуренцию.

Отсюда их заинтересованность в развитии образования, в первую очередь профессионального. В соответствии с разработанным Министерством финансов Положением «О коммерческих учебных заведениях» в 1896 г. была выстроена довольно четкая структура организации коммерческого образования. Она включала четыре основных типа учебных заведений: коммерческие курсы; торговые школы и классы; средние коммерческие училища; высшие общественные и частные учебные заведения. При учебных заведениях были организованы попечительские советы из представителей тех общественных организаций, которые выделяли средства на их содержание.

Всего за 20 лет с 1896 по 1916 гг. численность коммерческих учебных заведений возросла с 8 до 602. Система коммерческого образования в России включала: 260 коммерческих училищ, 169 торговых школ, 38

торговых классов и 135 курсов коммерческих знаний. Наибольшее развитие коммерческое образование получило в Москве и Петербурге. К 1914 г. в стране насчитывалось 8 коммерческих институтов, крупнейшим из которых являлся Московский коммерческий институт, в котором обучалось более 5 тыс. студентов [32].

Интерес к коммерческому образованию со стороны предпринимателей вызвал к жизни учреждение различных «Обществ поддержки» этого вида образования. Наибольшую активность проявляло Московское общество распространения коммерческого образования, учредившее 2 коммерческих училища и 19 торговых классов. Подобные общества действовали в Петербурге, Киеве, Симбирске и некоторых других городах. Решение проблемы создания материально-технической базы в коммерческих учебных заведениях брали на себя попечительские советы, которые, как правило, включали крупных представителей бизнеса.

Так попечительский совет Московского коммерческого института состоял из 19 человек, в том числе потомственных почетных граждан и купцов насчитывалось 7 человек. Среди них такие известные фамилии, как П.П. и В.П. Рябушинские, А.И. Коновалов, П.А. Бурышкин и другие. Почетным членом являлся С.Ю. Витте, а возглавлял Совет известный московский предприниматель А.С. Вишняков. Члены совета не только контролировали работы, связанные с постройкой собственного здания института, но активно искали крупных жертвователей, что позволило не только закончить к 1912 г. строительство учебного корпуса, но и приобрести в 1913 г. еще один участок земли, необходимый для продолжения постройки здания. Несмотря на то, что строительство собственного здания обошлось в 300 тыс. руб., это не отразилось на

бюджете вуза, который увеличился с 1906 по 1913 гг. в 5 раз и достиг 370 тыс. руб. [5].

Попечительские советы активно решали вопросы материальной поддержки студентов. Так, Попечительский совет Московского коммерческого института учредил «Общество для содействия недостаточным слушателям», в котором состояло 108 членов. Общество выделяло стипендии на оплату обучения нуждающимся студентам. Только за один 1912/1913 учебный год от платы за обучение было освобождено 1186 человек (около 30% от общего числа), увеличено число бесплатных обедов в столовой, что позволило увеличить ее оборот с 16 до 31 тыс. руб. Кроме того, Попечительский совет учредил дополнительно на пожертвованные капиталы 30 именных стипендий [5].

Подобная активность объяснялась тем, что коммерческие учебные заведения рассматривались предпринимателями, как возможность сохранения купеческого сословия и, чаще всего, именно из этих соображений купечество перечисляло средства на их развитие.

Постепенно в предпринимательской среде формировалась тенденция к большему привлечению специалистов, окончивших коммерческие учебные заведения. Так, известные предприниматели Рябушинские неохотно привлекали людей со стороны и пытались создать свои собственные кадры служащих, для чего брали их совсем молодыми, главным образом из окончивших Московскую практическую академию коммерческих наук, где учились сами [5].

Выходцы из обеспеченных купеческих семей приобщались к образованию, культуре, науке, становились ценителями литературы и искусства, людьми свободных профессий. Их энергия, не востребованная

на политическом поприще, направлялась в те сферы, которые не были под запретом властей, в том числе в благотворительность.

В то же время необходимо отметить, что свобода пожертвований всячески сдерживалась государством. Существовал также закон, который запрещал открывать благотворительные заведения, пока они полностью не обеспечены капиталом [71]. Вот почему только очень состоятельные люди могли воплотить в жизнь свое желание создать приют или больницу, школу или библиотеку. По этой же причине основное количество коммерческих учебных заведений было учреждено не частными лицами, а специальными обществами, такими как «Московское общество распространения коммерческих знаний», «Общество любителей коммерческих знаний» и др., а также купеческими обществами и биржевыми комитетами.

Говоря о мотивах благотворительной деятельности купечества, надо отметить и такой факт, что именно эта деятельность открывала скорый и верный доступ к чинам, орденам, почетным званиям и прочим отличиям, к которым предприниматели не могли быть равнодушны, поскольку это влияло на их общественное положение. Лишь редкие жертвователи, такие как Третьяков, Морозов, Мамонтов, Кокорев и некоторые другие были равнодушны к правительственным наградам [5].

Поощрять благотворительную деятельность частных лиц начала еще Екатерина II. При ней за активную благотворительную деятельность и меценатство можно было получить звание «почетного гражданина», которое давало ряд льгот и привилегий, в частности позволяло носить шпагу, получать личное дворянство и т.д. По имени купца Горохова, перечислявшего деньги в различные благотворительные фонды, была названа улица в Петербурге.

Участие в деятельности благотворительных обществ, членство в попечительских советах школ, училищ, приютов, музеев и т.п. считалось в дореволюционной России «государственным делом», а поэтому находилось под покровительством и регулярно поощрялось властями. Так, известный предприниматель К.Т. Солдатенков в 80-х гг. XIX века «за пожертвование и усердие» имел ордена: Станислава 3-й степени (1864 г.), Станислава 2-й степени (1868 г.), Анны 2-й степени (1861 г.), Владимира 4-й степени (1885 г.).

Довольно высоко в купеческой среде котировались почетные звания коммерц-советника и мануфактур-советника. Несмотря на то, что эти почетные звания присваивались формально за «особые заслуги в распространении торговли» и за «особые отличия по мануфактурной промышленности», значительная часть их обладателей были не столько выдающимися промышленниками, сколько благотворителями, на что неоднократно указывал министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев. Действовал принцип «заплати деньги – получи награду». Такое неоднозначное отношение к благотворительности было довольно обычным делом в предпринимательской среде.

Основная часть средств на благотворительные цели шла в Москве и Петербурге. Согласно статистики в 1897 г. купеческое сословие потратило на благотворительные цели 1 млн. 123 тыс. руб., их них в Московской и Петербургской губерниях израсходовано более 950 тыс. руб. В 1896 г. благотворительностью в Москве воспользовались около 340 тыс. человек из 1029 тыс. населения, т.е. 33% всех жителей. Надо отметить, что первопрестольная столица в пореформенный период намного опережала остальные города империи по объему добровольных пожертвований

граждан на нужды просвещения, здравоохранения и общественного призрения. Москвичи делали до двух третей всех пожертвований в стране. К концу XIX в. в руках Московского купеческого общества, занимавшегося главным образом управлением огромными благотворительными учреждениями, бывшими в его ведении, сосредоточились значительные суммы до 10 млн. рублей [54].

Другая ситуация была в провинции. В большинстве губерний на нужды благотворительности тратилось всего по 500-600 руб. в год, а в некоторых губерниях вообще ничего. Хотя благотворительность в уставе купеческих обществ была заявлена как одна из ведущих форм деятельности, надо отметить, что провинциальное купечество было довольно скупое и неохотно жертвовало средства на социальные нужды. Зачастую эта деятельность носила вынужденный или показной характер [60].

Несмотря на внимание общественности, в целом, проблема благотворительности в России оставалась чрезвычайно актуальной. В Российской Империи одна койка в богадельнях приходилась на 2-2,5 тыс. жителей, тогда как, например, в Дании одна койка приходилась на 150 жителей, во Франции – одна койка на 200 жителей. При этом Великобритания ежегодно затрачивала на благотворительность около 10-11 процентов своего ежегодного бюджета [18].

Безусловно, результаты деятельности русских предпринимателей в области меценатства и благотворительности можно оценивать по-разному. Однако какими бы ни были мотивы русских меценатов, благодаря их деятельности русская культура расцвела на рубеже XIX-XX вв., были поддержаны такие таланты как Шаляпин, Врубель, Коровин и много др.,

собраны и сохранены изделия народных промыслов, произведения отечественных и зарубежных мастеров искусства, культуры [9].

Несомненным достижением и примером является то, что предприниматели не только проложили великие торговые пути, но и впоследствии занимались строительством фабрик, заводов, мануфактур, принимали участие в организации производства, занимались общественно-патриотической деятельностью, показывали пример сохранения семейного и хозяйственного порядка, преобразовывали экономику страны, внедряли технические новшества, занимались благотворительностью и меценатством. В России развитие предпринимательства носило преемственный характер. Половина всех купеческих фамилий занимались торгово-предпринимательской деятельностью от 100 до 200 лет и почти четверть – 200 лет и более, до 1917 года. Это хороший пример верности своему делу и стране.

Что касается благотворительности и меценатства, то, не смотря на яркие примеры, они еще не стали всеобъемлющими в наши дни.

Вопросы для самоподготовки:

1. Раскройте основные этапы становления и развития благотворительности в России.
2. Назовите крупных меценатов в России в XVIII – начале XX вв.?
3. Назовите основные благотворительные организации, действовавшие в России в XVIII – начале XX вв.
4. В чем заключаются мотивы благотворительной деятельности русского купечества?

Список литературы:

1. Андреев, А.Р. Строгановы. XIV-XX вв.: энцикл. изд. / А.Р. Андреев. – М.: Крафт, 2000. – 590 с.
2. Ананьич, Б.В. Банкирские дома в России. 1860-1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства / Б.В. Ананьич. – М.: РОССПЭН, 2006. – 293 с.
3. Ананьич, Б.В. Предпринимательство в России. Религиозно-национальный аспект / Экономическая история России XIX-XX вв. Современный взгляд. – М.: РОССПЭН, 2010 – 549 с.
4. Аникин, А.В. Пушкин, Россия, современность. Политические и социально-экономические аспекты / А.В. Аникин. – М.: Наука, 1999. – 256с.
5. 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов / сост.; вступ. ст.; примеч. О. Платонова – М.: Современник, 1995. – 479 с.
6. Барышников, М.Н. Деловой мир дореволюционной России: монография / М.Н. Барышников. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2006. – 412 с.
7. Барышников, М.Н. Политика и предпринимательство в России (из истории взаимодействия в начале XX века). / М.Н. Барышников. – СПб.: ООО «Книжный дом», 1997. – 426 с.
8. Бессолицын, А.А. С. Витте и создание системы коммерческого образования в России // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 140-147.

9. Блинов, А. Развитие предпринимательства // Экономист. – 1993. – № 6. – С.70-73.
10. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII-XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. / В.П. Бойко. – Томск: Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009. – 308 с.
11. Бовыкин, В.И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки. / В.И. Бовыкин. – М.: Росспэн, 1997. – 321 с.
12. Боханов, А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX-1914 г.) /А.Н. Боханов. – М.: Наука, 1992 – 260 с.
13. Бурьшкин, П.А. Москва купеческая / П.А. Бурьшкин. – М.: Эксмо, 2015. – 380 с.
14. Велувенкамп Ян Виллем Архангельск. Нидерландские предприниматели в России, 1550-1785 / Я.В. Велувенкамп: пер. с гол. – М.: РОССПЭН, 2006. – 311 с.
15. Вернадский, Г.В. История России: Киевская Русь / Г.В. Вернадский. – М.: АГРАФ, 1996. – 442 с.
16. Гуляева, В.В. Развитие предпринимательства в древнерусском государстве (IX-XII вв.) / В.В. Гуляева. – Владимир: Владим. гос. ун-т, 2000. – 203 с.
17. Гусейнов, Р.М. История экономики России / Р.М. Гусейнов. – Новосибирск: ЮКЭА, 2000. – 349 с.
18. Думный, В.В. История предпринимательства в России. Вып. 2. Российское предпринимательство при Петре Великом (середины 90-х гг.

XVII в. – первая четверть XVIII в.) / В.В. Думный. – М.: Финансовая акад. При Правительстве РФ, 1999. – 207 с.

19. Епифанова, Л.Н. Московская биржа как представительная организация крупной буржуазии (1870-1913 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 1999. – М., 1999. – С. 47-55.

20. Ерманский, А.К. Крупная буржуазия в 1905-1907 гг. // в кн.: Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1910. – Т. 2. – Ч.2.

21. Законодательство Петра I / В.М. Клеандрова и др. – М.: Юрид. лит., 1997. – 878 с.

22. Зарубежные инвесторы и их вклад в российский бизнес / Л.С. Мурыгина, Т.В. Ветлугина // Результаты современных научных исследований и разработок: сборник статей победителей II Международной научно-практической конференции 12 апреля 2017 г. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2017. – С.72-74.

23. Зарубина, Н.Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность, 2001 – № 5. – С. 100-112.

24. Зарубина, Н.Н. Российское предпринимательство: идеи и люди // Вопросы экономики. – 2012. – № 7. – С.82-90.

25. Захаров, В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I / В.Н. Захаров. – М.: Росспэн, 1996. – 345 с.

26. Зимин, А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (Очерки социально-политической истории) / А.А. Зимин. – М.: Мысль, 1982. – 333с.

27. История предпринимательства в России: в 2 кн. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Росспэн, 2000. – 575 с.
28. История предпринимательства в России: в 2 кн. Кн. 1. От Средневековья до середины XIX века. М.: Росспэн, 2000. – 480 с.
29. Караваева, И. О роли государства в развитии промышленного предпринимательства в России до 1917 г. // Вопросы экономики. – 1996. – № 9. – С. 15-23.
30. Керов, В.В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России / В.В. Керов. – М., Экон-Информ, 2004. – 658 с.
31. Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. – 831 с.
32. Ковнир, В.Н. История экономики России: учеб. пособие / В.Н. Ковнир. – М.: Логос, 2005. – 471 с.
33. Кюстин, А. Россия в 1839 году: пер. с франц. / А. де Кюстин. – В 2 т. – М.: ТЕРРА. – Т. 1 – 2000. – 637 с.
34. Лаверычев, В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России 1861-1900 гг. / В.Я. Лаверычев. – М.: Мысль, 1974. – 250 с.
35. Леонтович, В.В. История либерализма в России, 1762–1914 гг. / В.В. Леонтович: пер. с нем. – Париж, Пресс, 1980. – 549 с.
36. Лизунов, П.В. Штиглицы – «некоронованные короли» российских финансов // Вопросы истории. – 1999. – № 10. – С. 24-30.
37. Муравьева, Л.А. Экономика и финансы России во второй четверти XIX в // Финансы и кредит. – 2001. – № 11. – С. 27-34.

38. Мурыгина, Л.С., Галиулина, Д.Ш. Актуальные проблемы развития малого и среднего бизнеса в России // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей победителей IX Международной научно-практической конференции, 2017г. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2017. – С.115-117.

39. Мурыгина, Л.С. Теория малого предпринимательства в условиях рыночной экономики [Текст]: монография / Л.С. Мурыгина. – Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2018. – 212 с.

40. Мурыгина, Л.С. Развитие учения о предпринимательстве / Мурыгина Л.С. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2005. – Т.8. – № 1 – С. 19-24.

41. Мурыгина, Л.С. Формирование конкурентной среды в транзитивной экономике на основе развития малых форм хозяйственной деятельности (теоретико-методологический аспект) / диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Челябинск, 2006.

42. Мурыгина, Л.С., Федосеев, А.В. Менеджмент [Текст]: учебное пособие / Л.С. Мурыгина, А.В. Федосеев. – Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2019. – 117 с.

43. Мягков, П. Возрождение предпринимательства в России // Экономист. – 2001. – № 1 – С.56-61.

44. Никитина, С.К. История российского предпринимательства / С.К. Никитина. – М.: Экономика, 2001. – 301 с.

45. Павленко, Н.И. Петр Великий / Н.И. Павленко. – М.: Мысль, 1990. – 592 с.
46. Пашков, А.М. Выговская поморская пустынь и ее культура // Старообрядчество: история, культура и современность. Вып. 3. – М., 1995. – С. 16-19.
47. Перхавко, В.Б. Гости-сурожане // Вопросы истории. – 1993. – № 6. – С.30-39.
48. Перхавко, В.Б. Торговый мир средневековой Руси / В.Б. Перхавко. – М.: Academia, 2006. – 608с.
49. Петров, Ю. А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. / Ю.А. Петров. – М.: Росспэн, 1998. – 368 с.
50. Петров, Ю.А. «Третье сословие»: вхождение в политику // Полис. – 1993. – № 3. – С. 31-40.
51. Платонов, О.А. Экономика русской цивилизации [Текст] // Наш современник. – 1994. – № 4. – С.135-150.
52. Погосян, Т.Ю. Сущность торговли и эволюция ее на Руси в IX – середине XI века // Вестник ГУ. Серия «Экономика». – 2000. – № 1 (2). – С. 16-25.
53. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь. В 2 Т. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – 280 с.
54. Прохоров, В.Л. Благотворение – от Древней Руси к новой России // Вопросы истории. – 2007. – № 5. – С. 156-165.
55. Прохоров, В.Л. Этапы развития благотворительности в России // Вопросы литературы. – 2005. – № 3. – С. 158-164.

56. Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси. / Под ред. О.И. Чистякова. – В 9 Т. – М.: Юридич. литература – Т.1 – 1984 -1994.
57. Рыбаков, Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1982. – 590 с.
58. Семенов, Л.С. Путешествие Афанасия Никитина / Л.С. Семенов. – М.: Наука, 1980. – 144 с.
59. Сорокин, А.К. К вопросу о монополизации промышленности в России в начале XX в. // Россия на рубеже XIX-XX вв.: Материалы научных чтений. М. 1999. – С. 42-53.
60. Тазьмин, Ю.Н. Меценатство и благотворительность в России. К вопросу о мотивациях // СОЦИС. – 2002. – № 2. – С. 92-97.
61. Тимошина, Т.М. Экономическая история России: учеб. пособие / Под ред. М.Н. Чепурина. – М.: Юстицинформ, 2015. – 218 с.
62. Туган-Барановский, М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1997. – 741 с.
63. Ульянова, Г.Н. Благотворительность как фактор сдерживания социального напряжения: Статистика «класса отверженных» в России в XIX – начале XX вв. // Вестник РУДН. – 2015. – № 4. – С. 60-67.
64. Федосеев, А.В. Государственно-частное партнерство как фактор развития производственной инфраструктуры / Федосеев А.В., Ерашкин Е.А. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – Т. 8. – № 39 (180). – С. 15-20.

65. Федосеев, А.В. Исследование и оценка эффективности интеграции промышленных предприятий: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.05 / Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск, 2009. – 140 с.

66. Федосеев, А.В. Экономика и организация производства [Текст]: учебное пособие / А.В. Федосеев. – Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2020. – 100 с.

67. Федосеев, А.В. Интеграция промышленных предприятий: исследование и оценка эффективности [Текст]: монография / А.В. Федосеев. – Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2018. – 160с.

68. Федосеев, А.В., Мурыгина, Л.С., Борисенко, Я.М. Становление института государственно-частного партнерства как фактор привлечения инвестиций в отечественную экономику // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 1 (90). – С. 1279-1282.

69. Флоря, Б.Н. Изменения социального состава населения Московского Кремля в конце XV – начале XVI вв. // Средневековая Русь. М., 1996. – Вып. 1.

70. Фроянов, И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия / И.Я. Фроянов. – СПб.: Изд. СПбГУ, 1992. – 280 с.

71. Хорькова, Е.П. История предпринимательства и меценатства в России: учеб. пособие / Е.П. Хорькова. – М.: Изд. ПРИОР, 1998. – 496 с.

72. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). Документы, мемуары. М., 1994.

73. Шепелев, Л.Е. Акционерные компании в России: XIX – начало XX века / Л.Е. Шепелев. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2006. – 600 с.

74. Шепелев, Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики / Л.Е. Шепелев. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2006 – 604 с.

75. Шумилов, М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития IX-XVII вв.: Монография / М.М. Шумилов. – СПб.: Наука, 2006. – 471 с.

76. Юровский, В.Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке – [Электронный ресурс]: Дата обновления: 07.04.2021. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/Кризисы-финансовой-системы-Российской-империи-в-XIX-веке> (дата обращения: 31.03.2022).

Учебное издание

Лариса Сергеевна Мурыгина

Андрей Васильевич Федосеев

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 159

Подписано к печати 01.04.2022.

Формат 60x84/16. Объем 11,2 уч.-изд. л. (16,5 усл. п. л.)

Тираж 100 экз. Бумага офсетная

Заказ № 199

Отпечатано в типографии

ЮУрГГПУ

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

Сведения об авторах:

Л.С. Мурыгина – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и права ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ», автор 90 научных и учебно-методических работ, занимается научными исследованиями в сфере экономики труда и бизнеса, ряд статей изданы за рубежом. Индекс Хирша – 11.

А.В. Федосеев – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и права ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ», автор 62 научных и учебно-методических работ, занимается научными разработками в сфере менеджмента и бизнеса, ряд статей изданы за рубежом. Индекс Хирша – 11.